

В Броквуд Парке (графство Гемпшир, Англия) существует Учебный центр для мальчиков и девочек в возрасте от 13 до 19 лет. Кришнамурти останавливается здесь, когда приезжает в Англию. В первой части настоящей книги помещены некоторые из бесед с участием Кришнамурти, учащихся и работников школы. Эти беседы проводятся дважды в неделю в непринужденной обстановке.

Школы, основанные Кришнамурти, существуют также и в Индии, в частности, Раджхат в Бенаресе и «Долина Риши» в округе Читтор штата Андхра-Прадеш. Большая часть бесед с родителями и учителями из второй части книги проходили в Индии. Кроме того, во второй части опубликованы беседы, проведенные в Броквуде и Соединенных Штатах, где Кришнамурти в последние годы не раз выступал. Речь идет о встречах в Калифорнийском Университете, городах Беркли и Санта-Круз, в Брандайс и Стэндфордском университетах, а также о беседах с отдельными педагогами и студентами.

Джидду Кришнамурти. Начало Познания

**Джидду Кришнамурти.
Начало Познания**

Предисловие

В Броквуд Парке (графство Гемпшир, Англия) существует Учебный центр для мальчиков и девочек в возрасте от 13 до 19 лет. Кришнамурти останавливается здесь, когда приезжает в Англию. В первой части настоящей книги помещены некоторые из бесед с участием Кришнамурти, учащихся и работников школы. Эти беседы проводятся дважды в неделю в непринужденной обстановке.

Школы, основанные Кришнамурти, существуют также и в Индии, в частности, Раджхат в Бенаресе и «Долина Риши» в округе Читтор штата Андхра-Прадеш. Большая часть бесед с родителями и учителями из второй части книги проходили в Индии. Кроме того, во второй части опубликованы беседы, проведенные в Броквуде и Соединенных Штатах, где Кришнамурти в последние годы не раз выступал. Речь идет о встречах в Калифорнийском Университете, городах Беркли и Санта-Круз, в Брандайс и Стэндфордском университетах, а также о беседах с отдельными педагогами и студентами. Вскоре в Долине Охай (Калифорния) откроется школа для детей.

Часть 1.

**Беседы с учащимися и персоналом школы в Броквуд
Парке**

Трудности жизни в Броквуде. Различие между сентиментальностью и любовью, чувство «дома».

(22 мая 1973)

КРИШНАМУРТИ: Многие люди работают либо чтобы избежать наказания, либо чтобы приобрести собственность, деньги, славу и так далее. Поэтому они работают под очень сильным давлением. Здесь, в Броквуде, такого крайнего нажима не существует, на вас вообще не оказывают никакого давления. И поэтому, осмелюсь обратить ваше внимание, существует тенденция становиться, довольно пустым и терять энергию, присущую обычно молодому поколению — имеется в виду то ощущение безотлагательности, то пламя, которое заставляет человека все время что-то делать. Все это постепенно уходит, и вы остаетесь здесь, неся ответственность перед самим собой, что, на самом деле, не так уж легко.

Большинству из нас необходим человек, на которого можно положиться, который подбадривает нас и постоянно повторяет: «Все в порядке, так держать!» Он подгоняет нас в минуты слабости, направляет в момент равнодушия и вялости, время от времени трясет, чтобы разбудить. Мало-помалу этот кто-то становится авторитетом. Разве вы этого не заметили? Здесь, у нас, нет авторитетов, поэтому вы предоставлены самим себе, а это очень трудно постоянно сохранять в себе высочайший заряд энергии, напористости, разума, любви и не впадать в своего рода сон наяву, бесполезно растрачивая время. Предполагается, что Броквуд дает вам, и я надеюсь, что это на самом деле так, основу, окружение, атмосферу, в которой продолжает вырабатываться эта самопорождающая энергия. Как все это создать? Кто будет это делать?

С.: Все, кто живут здесь.

КРИШНАМУРТИ: Что это означает?

С.: Ответственность за себя.

КРИШНАМУРТИ: Когда используешь слово, нужно всегда четко представлять, знаешь ли его значение. Вы знаете, что означает слово «ответственность»? Я имею в виду не то, что, вы думаете, оно означает, а точное словарное значение. Сначала мы должны понять значение этого слова. Вот сидит преподаватель английского языка, спросите ее.

С.: Может быть, это «способность отвечать»?

КРИШНАМУРТИ: Все правильно, не так ли? Способность отвечать.

С.: Часто мы используем слово «ответственный»; мы говорим: «Я отвечаю за то-то и за то-то».

КРИШНАМУРТИ: Если я не способен, я не в состоянии отвечать, правильно реагировать, поэтому ответственность означает адекватно отвечать на выполняемую работу, или на окружение, или на происходящее вокруг меня. Я должен отвечать в соответствии с моими максимальными возможностями. Вот что означает слово «ответственный». Посмотрите, как много содержится в одном только этом слове.

Итак, кто отвечает за создание здесь той необходимой почвы, того окружения, той здоровой атмосферы, которая позволит вам полностью пробудиться и вырабатывать энергию для себя?

С.: Каждый из нас.

КРИШНАМУРТИ: Ты можешь это сделать, Грегори? Способен ли это сделать каждый из

нас?

С.: Мы можем сделать это все вместе.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Кто этот «все вместе»? Будете ли вы отвечать или нести ответственность за создание такой атмосферы, в которой вы реагировали бы на случайности, на все происходящее вокруг вас целостно, адекватно? Если каждый из нас сделает это, проблемы не будет, не так ли? И тогда здесь будет просто великолепно, у каждого из нас внутри будет свеча на тысячу ватт. Способен ли каждый из нас на это? То есть когда вы говорите: «Я смогу спать в 10 часов» или соглашаетесь с чем-то еще, вы выполните это и никому не придется вам об этом напоминать. Проследите, что это подразумевает. В процессе учебы вы полностью уделяете ей свое внимание, это означает, что вы адекватно отвечаете на предмет, на все, за что несете ответственность. Можем ли мы все вместе сделать это?

С.: Мы можем, но обычно этого не делаем.

КРИШНАМУРТИ: Но почему нет? Вы вялы, безразличны к тому, что вы делаете, потому что хотите делать что-то еще?

С.: Прежде всего, как можно за что-то отвечать, если ты еще не знаешь, в какой области ты действительно на что-то способен? Я имею в виду, что прежде, чем принять на себя ответственность за что-то, мне необходимо точно знать, что я могу это сделать.

КРИШНАМУРТИ: Да, нужна уверенность, что вы способны на это.

С.: Но чаще всего происходит так, что люди говорят: «Ты несешь ответственность», и считается само собой разумеющимся, что человек знает, что делать.

КРИШНАМУРТИ: Нет, послушай, мы только что определили значение этого слова. Я спрашиваю: «Способны ли вы, достаточно ли у вас разума, чтобы иметь дело с тем, что должно здесь произойти?» Если нет, давайте проявим скромность, разумность и скажем: «Нет, мы не способны». И как же нам в этом случае все это в нас пробудить? Обсудите это между собой, я не собираюсь отвечать за вас.

С.: Это как-то связано с взаимоотношением. Когда человек отвечает за что-то, всегда присутствуют взаимоотношения, не правда ли?

КРИШНАМУРТИ: Я не знаю. Продолжайте исследовать.

С.: В школе я очень часто наблюдаю многочисленные случаи неверного понимания среди учеников и преподавателей. Но теперь я осознаю, что для того, чтобы быть ответственным, нам необходимо, прежде всего, увидеть, что среди нас существует непонимание, которое необходимо прояснить.

КРИШНАМУРТИ: И как же вы распутаете непонимание? Какое необходимое количество поможет вам избавиться от непонимания? Вы что-то говорите, а я неправильно вас понимаю и обижаюсь. Как мне и вам избавиться от этой обиды, от этого чувства «Вы-меня-неправильно-поняли»? Или же, неправильно поняв, я сделал нечто такое, что, как вам кажется, мне не следовало бы делать. Как прояснить все это?

С.: Необходимо вернуться к самому началу и посмотреть, что было не так.

КРИШНАМУРТИ: Нужно ли делать все это?

С.: Требуется время.

КРИШНАМУРТИ: Нет, требуется немного больше, чем все это, так что же?

С.: Внимание, уважение, правильные взаимоотношения.

КРИШНАМУРТИ: А это говорит о чем? Продолжайте, продвигайтесь дальше.

С. (1): Это требует терпения и внимания, чувства страстного желания.

С. (2): Я бы сказал любовь.

КРИШНАМУРТИ: Питер говорит, что необходима любовь, вы понимаете? Если у меня есть любовь, я говорю: «Давайте посмотрим на непонимание и постараемся увидеть, нельзя ли

через него переступить». Но если я просто рассматриваю его при помощи интеллекта и затрачиваю на это время, меня еще кто-нибудь обидит. Поэтому любовь является основой, при наличии которой человек может избавиться от непонимания. Я прав?

С.: Я думаю, что если бы у вас не было образа о себе, вас нельзя было бы обидеть.

КРИШНАМУРТИ: Да, но у меня есть образ и у него есть образ. Ваши слова меня обижают; как мне от этого избавиться? Могу ли я сказать: «Послушайте, я неправильно вас понял, простите меня, давайте еще раз поговорим об этом»?! Это требует определенной любви, не так ли? Есть у вас эта любовь? Поймите очень ясно: любовь отличается от сентиментальности.

С.: Что значит слово «сентиментальность»?

КРИШНАМУРТИ: Чувство.

С.: Но это неправильное чувство.

КРИШНАМУРТИ: Теперь определите различие между любовью и сентиментальностью. Вы сказали, что это чувство, повышенная эмоциональность. «Я чувствую, что мне следует сделать это; я чувствую, что я великий человек; я чувствую гнев» — вот что мы называем сентиментальностью. «Я люблю детей»: в этой фразе также содержится значительная доля сентиментальности, потому что я не хочу сделать ничего такого, что может причинить им боль. Сентиментальность предполагает наличие эмоций. Так что же такое любовь и что такое сентиментальность?

С.: В сентиментальности присутствует определенный элемент самообмана.

КРИШНАМУРТИ: Да, это так. Сентиментальность может стать жесткой: она способна быть эффективной, но жестокой.

С.: Часто можно видеть, что сентиментальный человек в своем ином настроении может быть жестоким. Например, нацисты относились сентиментально к музыке и изобразительному искусству.

КРИШНАМУРТИ: Верно. Но во всех нас тоже есть это чувство, поэтому давайте не будем приписывать его определенным типам людей. Другими словами, мы можем быть сентиментальными, впадать в некое восторженное небытие относительно музыки, живописи, мы можем говорить: «Я люблю природу», и в следующую минуту бьем кого-нибудь по голове за то, что он нам мешает. Поэтому сентиментальность — это одно, а любовь — это совсем другое. Если я испытываю любовь к вам, я буду стараться обсудить с вами эти вещи. Я говорю: «Не надо грубить, успокойтесь, сядьте, я неправильно вас понял. Я хочу обсудить это с вами, потому что испытываю к вам любовь». Это не сентиментальность по отношению к вам, а именно любовь. Я не знаю, видите ли вы эту разницу. Что вы скажете?

С.: Я думаю, молодые люди часто чувствуют, что сентиментальность — это удел слабаков.

КРИШНАМУРТИ: Я согласен.

С.: Ибо если вы сентиментально настроены по отношению к чему-либо, ваше чувство становится механическим и реакция наступает автоматически.

КРИШНАМУРТИ: Видите ли, идеализм — это сентиментальность и, следовательно, порождает лицемерие. Я не знаю, понимаете ли вы это.

С.: Да, потому что сентиментальность обладает различными настроениями.

КРИШНАМУРТИ: Вы правы, все это присутствует в сентиментальности. Поняв это, обладаем ли мы любовью, которая достаточна, чтобы в случае непонимания мы могли обсудить его и преодолеть, не откладывая на потом?

С.: Может быть, слово «сентиментальность» нуждается в определении. Я хочу сказать, что, по-видимому, она несет в себе гораздо больший смысл. Это «подержанная» эмоция.

КРИШНАМУРТИ: Уродливая вещь.

С.: Здесь много напускного.

КРИШНАМУРТИ: Да, совершенно верно, подобно маске, которую вы надеваете.

С.: Кажется, что в повседневной жизни это очень трудно заметить. Давайте рассмотрим на примере: я вижу красивое дерево. Что представляет собой это чувство?

КРИШНАМУРТИ: Это сентиментальность? Я смотрю на это дерево и говорю: «Какое прекрасное дерево, какая красота!» — является ли это сентиментальностью?

С.: Сэр, произнося эти слова, вы разговариваете с собой?

КРИШНАМУРТИ: Да, я говорю: «Какая красота!» самому себе. Вы можете оказаться рядом, и тогда я бы сказал: «Посмотрите, какое прекрасное дерево!» Является ли это сентиментальностью?

С.: Это факт. Но когда вы видите дерево и думаете, что вам следует ощутить его красоту, вот это и есть сентиментальность.

КРИШНАМУРТИ: Да, именно так. Вы поняли? Вы впитали это?

С.: Да. Сентиментальность — это когда вы думаете, что вам следует...

КРИШНАМУРТИ: Верно, поэтому, когда я к чему-нибудь отношусь сентиментально, я надеваю на себя ложную личину: мне «следует» ощутить, что это красивое дерево.

С.: Это поведенческий акт.

КРИШНАМУРТИ: Да, поведенческий акт. Я рад, что мы затрагиваем это.

С.: Да, но если продолжить вашу историю с деревом, вы будете заботиться о нем и привяжетесь к нему. Появляется ли в этом случае сентиментальность?

КРИШНАМУРТИ: Да. Когда вы привязываетесь к чему-либо, сентиментальность подкрадывается к вам. Поэтому поглотите ее, это пища, которую вы пережевываете, и вам придется ее переварить. Вы спрашиваете: там, где существует любовь, может ли существовать привязанность?

С.: Нет. Но иногда мы перепрыгивает к другому, не сознавая это.

КРИШНАМУРТИ: Конечно.

С.: Кажется, здесь не существует определенной границы.

КРИШНАМУРТИ: И поэтому необходимо продвигаться очень медленно. Мы пытаемся найти различие между любовью и сентиментальностью. Мы видим, что такое сентиментальность. Большинство из нас в молодости сентиментальности не ощущают, но становясь старше, мы начинаем надевать на себя множество ненужных масок и говорить: «Мы должны ощутить красоту этого дерева» или «Я должен полюбить эту поэму, потому что ее написал Китс или Шелли». Любовь — это нечто совершенно иное. Сентиментальность — это притворство, лицемерие. Так что же такое любовь?

С.: Буквально это означает двигаться по направлению к кому-либо.

КРИШНАМУРТИ: Да, это так, не правда ли?

С.: Это значит находиться под влиянием чего-либо.

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, послушайте, что сказал мистер Симмонс. Мы ведь должны слушать друг друга. Он сказал: «Двигаться к кому-либо». Что это означает?

С.: Вы начинаете сочувствовать.

КРИШНАМУРТИ: Осторожно, не надо употреблять слово, связанное с «чувствовать». Я двигаюсь по направлению к вам, вы можете оставаться на месте, но я то двигаюсь, делаю жест в вашу сторону. Я протягиваю вам руку, вы, может быть, этого не хотите, но я ее протягиваю. Любовь — «движение к чему-то»: к дереву, к птице, к озеру или к человеку, вы протягиваете руку, ладонь, делаете какой-то жест, улыбаетесь; все это и есть любовь, не правда ли? Если я протягиваю вам руку, несмотря на то, что неправильно вас понял, вы сразу же говорите: «Хорошо, я постараюсь забыть об этом». Без движения в вашу сторону от непонимания нельзя избавиться.

С.: Но некоторые люди могут протянуть руку просто механически.

КРИШНАМУРТИ: Это сентиментальность, это лицемерие.

С.: И если вы находитесь под чьим-то влиянием, это может быть одной из форм развития по тому же принципу.

КРИШНАМУРТИ: Правильно.

С.: Скоро нам придется покинуть Броквуд, и мы встретимся с сентиментальными людьми: с нашей матерью или еще с каким-нибудь таким же человеком. На ее чувства нельзя не ответить.

КРИШНАМУРТИ: Я знаю. Видите ли, в этом случае любовь — это не чувство или сентиментальность. Любовь — это что-то очень жесткое, если я могу употребить это слово. Вы понимаете, что оно означает? Жесткое не в смысле «жестокое», в ней нет лицемерия, нет сентиментальности, любовь снаружи не приукрашена.

С.: Вы имеете в виду нечто более реальное.

КРИШНАМУРТИ: Если хотите, то так. Итак, мы выяснили, что имеем в виду, говоря «любовь» и «сентиментальность». Как нам создать здесь такую среду, такую атмосферу, такую почву, в которой выросло бы ощущение свободы от давления, а значит независимости, чтобы вы сами выработали в себе это поразительное чувство жизни, энергии, страсти — называйте это как хотите. Как нам добиться этого? Ответственность за это лежит на вас. Теперь вы понимаете значение этого слова? Что вы будете делать, чтобы создать эту атмосферу? — ведь за это отвечает каждый из нас. Не мистер или миссис Симонс, не некие X, Y, Z, а именно вы.

С.: Любовь, конечно же, невозможно культивировать?

КРИШНАМУРТИ: Что же тогда вы будете делать? Мы сказали, что любовь очень нужна, но вопрос в том, как создать атмосферу, в которой она сможет функционировать.

С.: Если мы сможем проследить те моменты, когда в нас время от времени появляется эта любовь, тогда мы сможем увидеть ситуацию, которая способствует ее возникновению.

КРИШНАМУРТИ: Вы не отвечаете на вопрос. Здесь, в Броквуде, мы несем ответственность за создание атмосферы, в которой существовала бы свобода, а значит независимость. При наличии этой свободы, этой энергии мы сможем цвести в доброте. Как нам добиться этого?

С.: Может быть, мы могли бы согласиться с мнением Тангки, потому что, я думаю, некоторые из нас почувствовали то же самое. Он сказал, что в прошлом у нас были моменты любви и если бы мы могли проанализировать их, то, возможно, поняли бы, что привело к их возникновению. Если это ложный путь, то наверное мы можем покончить с ним. Мы знаем, что ощущали любовь, это действительно происходило.

КРИШНАМУРТИ: Но почему она исчезла? Может ли такое случиться с любовью? Или это была сентиментальность и потому она ушла? Вы говорите: «Иногда, может быть даже часто, у меня возникает это чувство великой любви, но оно каким-то образом исчезает и время от времени возвращается». Может ли исчезнуть любовь, или на это способна лишь сентиментальность?

С.: Мы чувствуем любовь, и в попытках удержать ее и сохранить навсегда мы становимся сентиментальны, потому что пытаемся определить ее признаки и воздействие, действуя при этом, как нам диктует память.

КРИШНАМУРТИ: Или это может быть сентиментальность, которую мы называем любовью.

С.: Да, ведь если это настоящая любовь, я не понимаю, как она может исчезнуть.

КРИШНАМУРТИ: Согласен.

С.: Может быть, она оказывается преданной забвению, но она не исчезает. Непонимание может похоронить любовь, но она способна вновь воскреснуть.

КРИШНАМУРТИ: Вы думаете? Если это истинная любовь, можете ли вы ее похоронить? Нет. Большинство из нас не обладает этим великим чувством любви. Как же нам вызвать его? Не говорите «развить его», потому что для этого требуется время.

С.: Разве это не является частью понимания необходимости? Во время первых бесед вы старались показать нам необходимость этой школы.

КРИШНАМУРТИ: Послушайте, любовь нельзя развить, ведь верно? Когда вы говорите: «Я люблю тебя», это чувство должно возникнуть естественно, его нельзя пробудить насильно, нельзя стимулировать. Нельзя говорить: «Я должен любить тебя, потому что это необходимо». Как у вас возникает эта любовь? Можете ли вы затратить на это время? Исследуйте. Может быть, к этому нужно прийти окольными путями — вы понимаете, что я имею в виду?

С.: Может быть, необходимо понять, что не дает человеку любить.

КРИШНАМУРТИ: Но сначала нужно полюбить, и тогда только вы сможете понять, что этому мешает гнев, ревность, непонимание — может ли все это остановить любовь?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Вы думаете? Вы говорите что-то жестокое — разве это разрушит мою любовь? Я обижен, но будет ли при этом уничтожено то истинное, та красота любви? Может быть, мы сможем подойти к этому с другой стороны. Следует ли нам исследовать эту возможность? Я полон сентиментальности, повышенной эмоциональности, идеализма, фраз типа «Это следует сделать», «Это нужно сделать», «Я постараюсь». Все это сентиментальность. Мы сказали, что любовь — это очень жесткая реальность, это факт, его нельзя исказить или уничтожить. Если у меня нет любви, я хочу понять, как ее найти. Я не могу ее развивать, питать благими поступками, говорить: «Я должен пойти и помочь тебе, потому что ты болен», — это не любовь. Должен существовать способ сделать что-то такое, что породит ее. Мы найдем этот способ? Мы выясним это. А что вы думаете?

С.: Если я никогда не испытывал этого, как я могу определить, что это любовь?

КРИШНАМУРТИ: Я собираюсь это понять. Я не знаю. У меня нет любви. Она может приходиться ко мне время от времени, когда я нахожусь в полусне, но в действительности, когда я живу, борюсь, у меня ее нет. Как сделать так, чтобы это семя вошло во мне?

С.: Необходимо избавиться от тех представлений, которые вы имеете о людях.

КРИШНАМУРТИ: Это действительно так, но я хочу подойти гораздо ближе.

С.: К тому же существует множество вещей, которые этому мешают. Может быть, мы сможем взглянуть на них?

КРИШНАМУРТИ: Так, продолжайте. Но поможет ли это?

С.: Я не смогу ничего сделать, пока не посмотрю на то, что мне мешает.

КРИШНАМУРТИ: Представьте себе, что я разгневан, легко поддаюсь раздражению и меня неправильно понимают. И вот я говорю: «Я хочу избавиться от этого». Появится ли при этом любовь? Я знаю немало людей, так называемых монахов, хороших социальных работников и так далее, которые развивали в себе способность не поддаваться гневу. Но настоящая страсть ушла, у них ее никогда не было, хотя они добрые, благородные люди, они помогут вам, отдадут вам свои деньги, одежду, дадут приют, но во всем этом нет ничего истинного. Я хочу понять, как сделать так, чтобы это зацвело в нас; если любовь расцвела, ее нельзя уничтожить.

Вы сказали: «Увидеть вещи, которые этому мешают». Это означает, что вы умышленно развиваете любовь. Когда вы говорите: «Я посмотрю, что сдерживает меня», это умышленное действие, направленное на получение любви. Я не знаю, понимаете ли вы это.

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Следовательно, вы пытаетесь развивать любовь, не правда ли? Только делаете это незаметно.

С. (1): Вы сказали, что мы должны постараться создать условия для возникновения любви, для этого чувства ответственности.

С. (2): Если мы постараемся установить определенные взаимоотношения или атмосферу, как бы мы это ни называли, атмосферу, в которой это может процветать, может быть, это и есть то, что вы имеете в виду?

КРИШНАМУРТИ: Я стараюсь обратить ваше внимание на то, что любовь нельзя культивировать.

С.: Но нельзя ли создать правильное «нечто»?

КРИШНАМУРТИ: Именно это я и пытаюсь понять. Давайте оставим любовь в покое, поскольку ее нельзя вырастить. Интересно, понимаете ли вы это? Можно выращивать хризантемы или что-то еще, но любовь вырастить нельзя будь то хитростью, неволью или умышленно, вы все равно этого не добьетесь. Так что же нам остается делать?

С.: Мне кажется, что существует нечто, что мы не можем сделать, но в состоянии осознать. Когда вы смотрите на кого-то или на что-то и осознаете, что там нет любви, вам не требуется время.

КРИШНАМУРТИ: Мы можем это сделать. Что происходит, когда вы говорите: «Да, глядя на вас, я вижу, что на самом деле не испытываю к вам любви». Что при этом случается?

С.: Мы оказываемся перед фактом. Что-то происходит.

КРИШНАМУРТИ: Вы думаете? Послушайте: бессознательно, на глубоком уровне продолжает существовать идея, что любовь должна быть. Чтобы ею завладеть, я совершаю самые разные поступки. Но завладеть ею нельзя. Все вы прилагаете методы ее захвата.

С.: Я не предлагаю метод, я только говорил: признайте, что ее у вас нет.

КРИШНАМУРТИ: Согласен, у меня ее нет, я прекрасно это знаю. Во мне нет страсти.

С.: Понять, что ее нет, достаточно трудно. Мы продолжаем притворяться.

КРИШНАМУРТИ: Я предпочитаю видеть вещи такими, каковы они есть, и ставить себя перед фактом. Лично я не имею в себе какой бы то ни было сентиментальности, я отказываюсь от всего этого. И вот я говорю: «У меня этого нет». И мне также известно, что это нельзя вырастить тайными, окольными методами. Тем не менее, я лишь смутно вижу красоту этого. Так что же мне делать? Может быть, мы оставим эту тему на время и вернемся к ней немного позже?

КРИШНАМУРТИ: Послушайте, что я хочу сказать. Чувствуете ли вы себя здесь как дома? Вы знаете, что такое дом?

С.: Это такое место, где вы всегда получите поддержку и помощь. Дома человеку уютно, он не чувствует себя неловко. В своем доме человек передвигается свободнее, чем в чужом.

КРИШНАМУРТИ: В доме вы не чужой, верно?

С. (1): В этом случае человек имеет много домов, потому что у него может быть много друзей и братьев. Я могу чувствовать себя уютно во многих местах.

С. (2): У вас может быть собственный дом, в котором вы живете, но это не значит, что это дом в нашем понимании этого слова.

КРИШНАМУРТИ: Что делает его домом в нашем понимании?

С. (1): Если между людьми, которые живут в нем, существует любовь и сотрудничество.

С. (2): «Дом» — это такое место, где вы находитесь в безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Значит, вот что вы называете домом — место, где безопасно, уютно и где вы не являетесь чужим?

С.: Да, все это вместе.

КРИШНАМУРТИ: Расскажите об этом еще.

С. (1): Дома вы не испытываете страх.

С. (2): В действительности я считаю, что у меня нет «дома»; я живу в коттедже в Калифорнии, а учусь здесь.

КРИШНАМУРТИ: То, что он сказал недавно, было, к сожалению, пропущено мимо ушей. Он сказал: «друзья и братья» и еще «где бы я ни был, я дома». Вы сказали и это — не отказывайтесь теперь от своих слов! Что же является домом для всех вас? Вы сказали: «Где бы я ни был, я чувствую себя как дома». Там, где я не чужой, где мне удобно, там, где со мной не обращаются как с посторонними, где я могу делать, что хочу, и меня не ругают, — это вы называете «домом»? На самом деле вас все же ругают, заставляют ложиться спать в определенное время. Так что же такое дом в нашем понимании?

С.: Чувство, возникающее внутри, что вы находитесь дома.

КРИШНАМУРТИ: Что это за чувство? Сентиментальность? Здесь необходимо соблюдать осторожность. Послушайте, будьте внимательны, я собираюсь подтолкнуть вас к этому. Я постараюсь выяснить, что такое для вас дом на самом деле, а не теоретически. Я путешествую по всему миру, кроме России и Китая, и останавливаюсь в самых разных комнатах, больших и маленьких. Мне приходится спать на полу и на серебряных кроватях, где я только ни спал, и я всегда чувствовал себя как дома, вы понимаете? Любое место, где бы я ни был, для меня является домом. Иногда из окна моей комнаты бывает видна обыкновенная стена, иногда это великолепный сад, а иной раз это дверь соседней трущобы, я говорю абсолютно правдиво, мои слова не просто игра воображения. Временами вокруг меня слышится ужасный шум, пол грязный, достаточно вспомнить, на каких тюфяках я иногда спал! Но везде я нахожусь дома, в том числе и здесь. Это значит, что я приношу с собой свой собственный дом, вы понимаете? Является ли Броквуд для вас домом? В том смысле, что это место, где вы можете разговаривать друг с другом, чувствовать себя счастливыми, играть, лазить по деревьям, когда вам хочется; место, где не слышно брани, где нет наказаний, нет давления, где вы ощущаете себя полностью защищенными, чувствуете, что кто-то заботится о вас, следит, чтобы вы были аккуратны, чтобы ваша одежда была чистой, чтобы вы расчесывали волосы? Это место, где вы ощущаете абсолютную безопасность и свободу? Это дом, не правда ли?

С.: Именно ответственность за себя позволяет добиться этого, потому что никому не приходится подталкивать тебя и заставлять делать что-то.

КРИШНАМУРТИ: Нет, не перепрыгивайте на другое. Является ли для вас Броквуд домом именно в этом смысле?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Вы уверены, что чувствуете себя в безопасности, что вас защищают, следят за вами, заботятся, никогда не обвиняют и с любовью просят не делать определенных вещей?

С.: Чувствуем ли мы себя в безопасности, где бы мы ни были?

КРИШНАМУРТИ: Не надо теоретизировать. Я спрашиваю тебя, Танги, чувствуешь ли ты себя как дома именно здесь: в том смысле, которым мы по более или менее общему согласию наделяем слово «дом»? Ты чувствуешь это?

С.: Да, более или менее.

КРИШНАМУРТИ: Когда я говорил «более или менее», я имел в виду, что могу добавить к этому еще кое-что про хорошие книги, отличную еду, про то, что все сделано со вкусом, про то, что вас здесь никто не ругает. Вы понимаете, что я имею в виду?

С.: Я думаю, что это настолько «идеальное» место, что никто не осмеливается сказать, что мы на самом деле ругаемся.

КРИШНАМУРТИ: Идеал — это сентиментальность.

С.: Да, но ведь мы ругаемся.

КРИШНАМУРТИ: Ведь ясно, что вы делаете это с любовью. Так является ли это место для вас домом? Не торопитесь с ответом.

С.: Здесь мы действительно чувствуем, что о нас заботятся.

КРИШНАМУРТИ: Так, пожалуйста, скажите мне, чувствуете ли вы себя как дома, вы можете сказать откровенно «да» или «нет», это ваше право. Если же вы не хотите говорить, в этом нет ничего страшного. Если здесь у вас все же возникает чувство дома, несете ли вы за что-нибудь ответственность?

С.: Если бы это было не так, я бы не чувствовал себя как дома.

КРИШНАМУРТИ: Поэтому я и спрашиваю. Представьте себе, что, перетаскивая предмет мебели из этой комнаты в соседнюю, я задену ею за что-нибудь и меня это не будет волновать. Если это дом для меня, меня это будет волновать. Вы следите? Вот что я имею в виду, когда говорю «ответственность», «чуткость». Когда вы чувствуете себя как дома, вы следите за вещами, следите за собой, вам не хочется доставлять неприятности маме, добавлять ей лишних хлопот. Это совместное, созидательное, проникнутое любовью движение. Разве вы не знаете обо всех этих вещах? Что происходит, когда вы начинаете чувствовать себя как дома?

С.: Возникает любовь.

КРИШНАМУРТИ: Любовь, не правда ли? И тогда вы можете сказать мне: «Ради бога, не ломайте эту мебель», и поскольку у меня есть чувство дома, я не обижусь. Интересно, понимаете ли вы, о чем я говорю? Если вы действительно находитесь дома, семя начинает прорасти. Вам нет нужды выращивать его, оно начинает цвести. Происходит ли это со всеми нами? Если здесь вы не чувствуете себя как дома, выясните, чья это вина: ваша или кого-то еще; исправьте это положение, не сидите сложа руки, не говорите: «Так, у меня нет чувства дома», сделайте что-нибудь. Когда вы повзрослеете, вы покинете это место, и вам придется встретиться лицом к лицу с миром. И если, пока вы здесь, у нас внутри не будет этого семечка, мир погубит вас, люди растопчут вас, в мире живут волки, убийцы, не ошибитесь на счет них. Это чувство полной расслабленности, чувство дома — дома в том смысле, в котором я использую это слово, порождает ответственность, наполненную любовью. Вы понимаете это? Пожалуйста, поймите.

Если у вас есть это семя, и оно начинает прорасти здесь, оно будет цвести всю вашу жизнь. Но если оно мертво, мир уничтожит вас, он сделает вас таким, каким хочет вас видеть: хитрым животным.

Поэтому давайте выясним, чувствуете ли вы себя в Броквуде как дома, и если нет, то почему. Любовь — это независимость. Я не знаю, осознаете ли вы это. Кто-то из вас женится; и вы будете говорить своей жене: «Я люблю тебя, дорогая». Затем вы пойдете в офис или на какую-либо другую работу, где вас переполнит беспокойство, вы будете стараться амбициозно и жадно сделать себе карьеру. Вернувшись домой, вы скажете: «Дорогая, я люблю тебя». Вы видите нелепость этого? Именно это происходит в мире. Так возникает привязанность, ревность, страх, беспокойство: она не должна смотреть ни на кого другого, кроме меня.

Если бы родители действительно заботились о своих детях, на земле не было бы войн. Они бы сказали: «Живите, не убивайте друг друга». Тогда не было бы армий. Представьте, что тогда бы произошло. Поэтому то, что обычно называют домом, на самом деле домом не является. Следовательно, эта школа должна быть вашим домом; здесь вы проводите восемь или девять месяцев в году, и ваша ответственность, теперь мы знаем, что означает это слово, она заключается в том, чтобы сделать Броквуд вашим домом, чтобы сказать мне или миссис Симонс или кому-то еще: «Это для меня не дом, потому что вы не делаете того-то и того-то». Вы следите? Тогда во всем этом будет частица и вашего труда. Вы просто слушаете или вы принимаете участие? Раскройте свои способности, творите, не допускайте, чтобы кто-нибудь

другой выполнил всю работу, а вы бы потом сказали: «Да, мне здесь очень уютно, это мой дом». В этом случае это не ваш дом, потому что вы его не строили.

Видите, с раннего возраста я жил в домах других людей, у меня никогда не было места, о котором я бы мог сказать: «Это мой дом». Но существует чувство дома, где бы вы ни были, потому что вы несете ответственность, вы ко всему относитесь с любовью. Дом в нашем понимании не есть творение сентиментальности, это творение факта — факта, что я чувствую себя как дома. Это означает, что я свободен, полон ответственности и любви. Полная ответственность — это и есть чувство дома.

Положение в мире, необходимость самообразования. Что включает в себя познание. Познание сотрудничества. Множество разнообразных видов деятельности. Искусство действия. Йога.

(18 сентября 1970)

КРИШНАМУРТИ: Вы знаете, что происходит в мире? — воздушное пиратство, обман, откровенная ложь, восстания, хаос, нищета в Индии. Когда вы читаете об этом, что это означает для вас? Или вы не читаете об этом? Вы отдаете себе отчет в том, что происходит?

С.: Все это очень печально.

КРИШНАМУРТИ: Что вы имеете в виду под этим словом?

С.: Одни люди подавляют других, причиняя очень многим боль.

КРИШНАМУРТИ: Но все это продолжается веками, не правда ли? Вся история состоит из этого. Что вы думаете по этому поводу?

С.: На самом деле это меня не волнует.

КРИШНАМУРТИ: Почему вы так говорите?

С.: По телевизору я вижу, как людей убивают. Я смотрю на это и не осознаю, что их действительно убивают.

КРИШНАМУРТИ: Какую роль вы играете во всем этом?

С.: Никакой.

КРИШНАМУРТИ: Тогда как же вы связаны с этим? Это нечто происходящее «где-то там», в Иордании, в Америке?

С.: Иногда это больно ударяет по дому, и я чувствую, что переживают эти люди.

КРИШНАМУРТИ: Вам кажется, что человек должен изменить все это, или вы не можете ничего сделать? Как вы связаны с миром? Может быть, через осознание удивительных достижений в области техники и ужасающей неспособности человека соответствовать требованиям этого технологического прогресса? Как вы связаны со смятением, которое человек распространяет по всему миру?

С.: До тех пор, пока мы сами находимся в смятении, мы способствуем этому смятению.

КРИШНАМУРТИ: Я это понимаю, но что вы чувствуете в связи с этим? Какова ваша внутренняя реакция на все это?

С.: Из-за всего того, что происходит, я чувствую разочарование и гнев. У меня появляются реакции на это; я вижу нечто неправильное, и во мне возникает враждебность.

КРИШНАМУРТИ: И что потом? Подумайте, когда вы покинете школу, поступите в университет или колледж, какую роль вы будете играть во всем этом? Вы просто приспособитесь к этому механизму? Что произойдет с вами по отношению к миру? Или сейчас вам это не интересно? Вы можете сказать: «Я слишком молод, чтобы думать обо всем этом. Я лучше буду веселиться и наслаждаться жизнью, пока у меня есть возможность; я об этом задумаюсь позже». Или вам кажется, что это подготовка, начало того, что произойдет, когда вы станете старше? Сейчас можно бунтовать и принимать наркотики или заниматься не этим, а чем-то другим, но когда вам исполнится двадцать пять, вы женитесь. Вы приспособитесь ко всему этому? Если нет, что вы собираетесь делать? Если вы враждебны по отношению к этой

системе, к тому, что происходит, причем враждебны не притворяясь, а на самом деле протестуя, способны ли вы притвориться, что в действительности не чувствуете ужаса всего этого? Что вы на это скажете?

Вы вообще-то задумываетесь о том, что собираетесь делать? Обзаведетесь семьей и остепенитесь? Если таков будет конечный результат, то что же такое образование? Оно необходимо, чтобы помочь вам устроиться и начать жить в этой системе? Я слышал, как многие индийские учащиеся на вопрос: «Что вы собираетесь делать?» отвечали: «Ах, сэр, мой отец хочет, чтобы я был инженером, мой отец желает, чтобы я стал врачом, нам нужны врачи. Став квалифицированным инженером, я хочу помочь Индии». Большинство из них размышляют с точки зрения профессиональной карьеры, они хотят помочь отсталой стране, заниматься социальной работой. Этим вы все собираетесь заниматься? Вы все спите?

Я думаю, что печаль именно в этом, а не в том, что представляет собой мир. Мир именно таков, в нем есть обман, лживые политики, люди, думающие только о деньгах, и так далее. Если вы не получили правильного образования, вы просто плавно перейдете в эту систему. Так что такое, по-вашему, образование? Оно необходимо, чтобы помочь вам приспособиться к механизму существующего порядка или беспорядка вещей, или вы считаете, что оно должно быть чем-то еще? Если нужно что-то еще, то что вы хотите?

С.: Это просто процесс познания.

КРИШНАМУРТИ: Что такое, по-вашему, познание?

С.: Постигание вещей, которые находятся вокруг вас и внутри вас.

КРИШНАМУРТИ: Вы делаете это сейчас?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Вы действительно хотите познавать?

С.: Да, хочу.

КРИШНАМУРТИ: Будьте абсолютно серьезны. Давайте не будем говорить впустую. Вы знаете, что значит познавать?

С.: Узнавать все, что можно, о чем бы то ни было, обо всем.

КРИШНАМУРТИ: Значит, под словом «познавать» вы имеете в виду узнавать? Можно взять энциклопедию и обо всем узнать из нее.

С.: В энциклопедии содержится только теоретическая часть.

КРИШНАМУРТИ: Тогда что такое, по-вашему, познание?

С.: Это когда мы узнаем что-то и приобретаем способность обращаться с этим, справляться с этим и, может быть даже, использовать.

КРИШНАМУРТИ: На днях мы говорим о сотрудничестве, разуме и сексе (См. главу 5). Мы обсуждаем, что такое в принципе сотрудничество, что значит сотрудничать, работать и что-то делать вместе. Как вы будете познавать это — это что, просто теория? Здесь, в Броквуде, живет небольшое сообщество. Любой цивилизованный человек, то есть культурный, внимательный, разумный, должен сотрудничать, жизнь требует сотрудничества, но не с чем вам нравится, необходим дух сотрудничества. Вы сказали: «Я хочу познать, что такое сотрудничество». Как же вы собираетесь это познать? Ведь в любом развитом обществе не обойтись без сотрудничества: в противном случае общество не сможет существовать. Как вы собираетесь познать это?

С.: Через обсуждение. Оно в какой-то степени является частью познания.

КРИШНАМУРТИ: Я спрашивал, что вы имеете в виду под выражением «познание сотрудничества»? Мы оба согласились, что жизнь не может продолжаться без сотрудничества. С чего мне следует начать?

С.: С процесса сотрудничества.

КРИШНАМУРТИ: Что значит, по-вашему, слово «сотрудничество»? Как, с чем и почему я

должен сотрудничать? Как мне этому научиться?

С.: Делая это.

КРИШНАМУРТИ: «Делая это» означает в вашем понимании исследовать, познавать.

С.: Необходимо понять, почему вы хотите сотрудничать.

КРИШНАМУРТИ: Так собираетесь ли вы познавать? Процесс ли познания побуждает задать этот вопрос? Я также спрашиваю, есть ли у вас это чувство, этот дух сотрудничества? Вы действительно на глубоком уровне хотите сотрудничать? Разве не с этого придется начать, разве не с выявления того, действительно ли глубоко внутри вас существует желание сотрудничать? Что, если вы не знаете, что это означает, вы никогда не узнаете, что значит не сотрудничать. Представьте, что государство говорит вам: «Иди и убивай!»; пока вы не узнаете, что такое сотрудничество, как вы сможете понять, когда сотрудничать не следует?

Теперь скажите мне, пожалуйста, как вы собираетесь выяснить для себя, есть ли в вас дух сотрудничества, не просто со мной или с чем-то еще, ради выполнения чего-то, имеется в виду именно чувство. Разве не это является началом познания сотрудничества? Откуда вы начинаете познание — из книги? Если вы говорите: «Познание начинается с книги», значит, у вас есть много энциклопедий, вы обладаете обширными знаниями, собранными на книжных страницах или в голове учителя, но с этого ли следует начинать? Представьте, к примеру, что я верю в какую-то идею и, как следствие, хочу, чтобы вы и кто-нибудь еще сотрудничали со мной, помогая осуществить ее (обычно, именно это и называют сотрудничеством); ведь мы оба верим в эту идею, в принцип, в систему. Но точно так же у нас может быть и чувство сотрудничества не ради того, чтобы сделать с определенным человеком что-то конкретное, это именно чувство. Достаточно ли глубоко вы понимаете значение этого слова? Я имею в виду не только совместную работу, но и общее чувство, что какие-то вещи должны быть сделаны, сначала чувство и только потом действие.

Когда вы говорите, что хотите заниматься познанием в сообществе, в школе, подобной этой, это представляет собой проблему. Здесь есть люди старшего возраста и более молодое поколение, учитель и ученики, сюда приезжают другие люди; необходимо найти путь, который дает возможность жить счастливо, разумно, активно, обладая большим запасом энергии. Человек должен обладать этим чувством, иначе мы все будем тянуть воз в разные стороны. Поэтому я хочу познавать, и прежде всего я должен выяснить, хочу ли я на самом деле сотрудничать, обладаю ли я в действительности этим чувством. Есть ли оно у меня? Если нет, то постарайтесь понять почему. Именно это удивительное качество, это чувство сотрудничества, совместного созидания, совместной деятельности породило этот мир.

С.: Что вы имеете в виду, говоря: «Оно породило этот мир»?

КРИШНАМУРТИ: Я имею в виду железные дороги, почтовую службу, путешествие на Луну, люди занимались этим триста лет и они не могли не сотрудничать друг с другом; они делали это из патриотических или материальных соображений, ими могло двигать тщеславие и многое другое. Они сотрудничали ради осуществления какой-либо идеи из соображений престижа, соревнования с Россией и так далее. Может ли существовать истинное, глубокое, длительное сотрудничество, если существует какой-либо внутренний мотив? Если я исхожу из какого-то корыстного соображения, из эгоистичного побуждения, может ли существовать сотрудничество в том смысле, в котором мы хотим его понимать?

С.: Мы хотим что-нибудь из этого извлечь, нам не обязательно этого делать.

КРИШНАМУРТИ: Поэтому выясните, есть ли у вас чувство готовности что-то извлечь. Вы начинаете познавать нечто, что нельзя изучить по книге.

С.: Идея извлечения чего-то полезного не всегда подходит. Когда мы хотим построить дом, я понимаю, что, если мы будем работать вместе, нам будет легче. Мы организуем это с самого

начала и сотрудничаем друг с другом, чтобы осуществить строительство. Следовательно, у меня есть лишь идея постройки дома; в результате мы, то есть вы и я, собираемся получить дом.

КРИШНАМУРТИ: Это так, но продолжай дальше. Ты можешь продвинуться еще немного глубже.

С.: Что же происходит, когда вы хотите, чтобы дом был белым, а я против этого.

КРИШНАМУРТИ: Именно. Вам хочется квадратную комнату, а ей прямоугольную. Вам кажется, что вы разбираетесь в этом лучше ее. Доминик только что сказал, что если мы захотим совместно построить дом, мы будем сотрудничать, потому что в результате он получит дом. Но если мы начнем спорить о том, какими должны быть комнаты в этом доме, мы поссоримся. Так что же это означает?

С.: Даже если с самого начала в вас будет присутствовать дух сотрудничества, и вы оба захотите вместе что-нибудь построить, разве у вас так или иначе не возникнет проблема?

КРИШНАМУРТИ: Итак, у вас по-прежнему будет проблема. Как вы возьметесь за ее решение? Вы и я, мы оба хотим сотрудничать, хотим построить дом, но вы хотите, чтобы комната была квадратной, а я бы предпочел прямоугольную. Но вместе с тем у нас обоих есть дух сотрудничества. Как мы тогда поступим?

С.: Мы постараемся выяснить, почему вы хотите прямоугольную комнату, а я квадратную.

КРИШНАМУРТИ: Что, в свою очередь, означает...?

С.: Что мы сотрудничаем.

КРИШНАМУРТИ: Это означает, что мы оба готовы уступить. Вы не настаиваете на своем, а я на своем. А следовательно?

С.: У вас нет навязчивой идеи, и вы находитесь в процессе познания.

КРИШНАМУРТИ: Это значит, что у вас уступчивый ум, вы не говорите: «Я должен это иметь, вы хотите измениться и поэтому вы не цепляетесь за свое конкретное желание, за свое определенное мнение.

С.: Предположим, у одного человека есть желание думать об этом, а у другого человека нет.

КРИШНАМУРТИ: Что он будет делать?

С.: Я думаю, вы бы сделали так, как хочет другой человек, если вы готовы пойти навстречу, а он нет.

КРИШНАМУРТИ: Да, правильно. Что делать, если вы хотите сотрудничать, а другой человек не хочет?

С.: Понять позицию этого человека.

КРИШНАМУРТИ: Но если говорить про сообщество, подобное этому, что вы должны делать?

С. (1): Нужно обговорить это с тем человеком, чтобы он согласился. Видите ли, я из тех людей, которые в подобной ситуации уступили, я рассматриваю ее со своей точки зрения. Я был бы рад поговорить об этом. Не знаю, что бы я сделал, если бы другой человек не захотел ничего обсуждать.

С. (2): Может быть, вместо разговоров о комнате следовало бы начать разговор о самом сотрудничестве, потому что это и есть причина возникновения проблемы.

С. (3): Чтобы начать, необходим также дух сотрудничества.

КРИШНАМУРТИ: Но у меня его нет. Посмотрите на проблему шире. Обычно мы преклоняемся перед интеллектом, неизменно уважая способного человека, который блестяще сдает экзамены. Он обладает острым, живым умом и великолепно разбирается в предмете; игры и работу в саду он считает скучным занятием. Поймите, как важно, чтобы мы не только обладали развитым мозгом, но и умели делать определенные вещи: ухаживать за садом, готовить, мыть посуду. Как важно, чтобы мы развивались не односторонне. Разум предполагает

наличие способности делать что-то, не повторяя при этом: «Я не люблю работать в саду, это занятие мне надоедает, я хочу только учиться». Это неравномерный, односторонний образ жизни.

Теперь я хочу предложить, чтобы в нашей школе мы уделяли внимание не только развитию по-настоящему великолепного ума (то есть способности мыслить логически, разумно, беспристрастно, безотносительно к собственной личности), но и искусству действия. Вы знаете, что такое йога? Это слово означает также и «искусство действия», это не просто выполнение нескольких упражнений. Как вы собираетесь овладеть этим искусством действия?

С.: С помощью практики.

КРИШНАМУРТИ: Которая, в свою очередь, подразумевает, что вы что-то делаете. Я бы предложил вам (и я сам немало этим в жизни занимался), чтобы каждый человек в том или ином виде работал на земле: возделывал сад, сажал деревья, заботился бы о них, а не просто говорил: «Я буду сажать, а ты иди и полей». Когда вы ухаживаете за садом, заботитесь о нем, это дает вам возможность проявить свою заботу по отношению к чему-либо. Вы когда-нибудь копали землю? Такая работа позволяет соприкоснуться с ней. Я предлагаю, чтобы здесь не только велась интеллектуальная деятельность высшего порядка, но и на том же высочайшем уровне поддерживалось интенсивное, активное, ясное мышление, работа и учеба и, кроме того, уделялось внимание искусству действия, умения делать что-то. Играя на гитаре, старайтесь действительно играть, а не просто брэнчать на ней. Все нужно делать искусно, и одним из способов познания этого искусства является работа в саду, различные игры и все прочее. Я предлагаю это, а кто-то говорит: «Я не желаю работать в саду, мне это надоедает». Что вы будете делать с таким человеком?

С.: Выясним, почему он или она не будет делать это.

КРИШНАМУРТИ: И что потом?

С.: Возможно, что у него есть на это причина...

КРИШНАМУРТИ: Выясните это. Представь то, что он говорит вам: «Я не хочу, мне это надоело».

С.: У него есть право не делать этого, если он не хочет.

КРИШНАМУРТИ: Вы все слишком торопитесь с ответами. Я не хочу работать в саду, я не желаю работать на кухне. Вы видите, что происходит? — постепенно я удаляюсь от других. И вокруг себя я начинаю собирать людей, которые не хотят делать те или иные вещи.

С.: Но вы же не хотите делать только что-то одно.

КРИШНАМУРТИ: Но почему я не хочу? Разум говорит, что мы должны уметь делать эти вещи, не заявляя: «Я не хочу играть». Вы проведете здесь гораздо больше времени, чем дома, это и есть ваш дом, мой дом, дом других людей; это наш дом. Когда мы говорим «наш дом», мы имеем в виду сад, газон, посадку деревьев и уход за ними. Раз я собираюсь жить здесь, я не могу говорить: «Я не хочу ухаживать за садом». Это наш дом, я не могу взвалить его на ваши плечи. Как вы покажете мне или поможете понять, что нам необходимо заниматься делами вместе, постичь сущность совместной работы. Вы отвечаете за это точно так же, как миссис Симонс или кто-то еще. Как поможет мне тот, кто говорит: «Мне надоело играть, оставьте меня в покое, дайте послушать мою поп-музыку или почитать книгу. Поскольку здесь я как у себя дома, я буду бросать пижаму на полу комнаты». Что вы будете делать? «Я буду оставлять ботинки в коридоре, я не буду убирать в комнате, потому что мне все равно. У себя дома в Калифорнии, в Лондоне, в Париже я веду себя так, как мне хочется. Так почему же здесь вы указываете мне, что следует делать?» А потом, когда кто-нибудь подходит к вам и говорит: «Пожалуйста, не делай этого», вы отвечаете: «Вы оказываете на меня давление, это наш дом, и я могу здесь делать, что хочу».

Так как же вы научите меня или поможете понять, что жить разумно — это значит играть, ухаживать за садом, учиться делать что-то своими руками, а не только головой. Лично мне нравится делать все: работать в саду, доить коров, следить за цыплятами, присматривать за детьми, менять пеленки, мне приходилось делать многое. Я люблю это, никто мне это не навязывает. И так и нужно жить, это самый разумный способ: когда ты живешь, обладая способностью делать что-то.

Итак, как вы поступите с человеком в этой школе, который говорит: «Я буду оставлять все в моей комнате, как мне нравится, я в ней сплю. Для меня это порядок, потому что среди этого беспорядка я могу найти все, что мне нужно». Откуда вы начнете познание? Мы все хотим жить вместе, быть счастливы вместе, делать что-то вместе. Жизнь — это когда мы делаем что-то вместе. Поэтому, пожалуйста, скажите мне, как вы предлагаете понять все это.

С.: Начинать нужно с духа сотрудничества.

КРИШНАМУРТИ: Если вы будете обладать им, как вы поможете мне познать?

С.: Придется установить правило.

КРИШНАМУРТИ: И что тогда произойдет? Как только вы установите правило, я начну его нарушать, потому что я хочу быть свободным. Люди отправились в Америку, потому что им не нравились всевозможные ограничения, они говорили, что хотят свободы. Они покинули старую страну и переехали в новую. Они говорили: «Мы начнем заново. Никаких епископов, никаких королей». Но постепенно у них вырос собственный монстр. Итак, понимаем ли мы, как важно иметь хороший мозг, который способен мыслить, изучать, наблюдать и познавать объективно, здраво?

С.: Сэр, что происходит, если человек рождается с неполноценным мозгом?

КРИШНАМУРТИ: Если человек рождается с неполноценным мозгом, то в этом случае боюсь, что можно сделать очень немного.

С.: Вы говорите так, как будто что-то мы все-таки можем сделать.

КРИШНАМУРТИ: Конечно, потому что даже имея неполноценный мозг, человек необязательно является идиотом.

С.: Я имею в виду слабоумных людей.

КРИШНАМУРТИ: Если человек слабоумный, кое-что можно исправить, осознав это. Я буду стараться что-то сделать, я не стану говорить: «Я слабоумный» и сидеть сложа руки.

С.: И что же вы будете делать?

КРИШНАМУРТИ: Познавать, что я слабоумный.

С.: Некоторые люди обладают большей способностью что-то делать, чем другие.

КРИШНАМУРТИ: Так познавайте это. Если у меня есть способность что-то делать лучше, чем это делает другой человек, это может привести к односторонней жизни. Я — человек и обладаю необычайными способностями. Я должен развивать все эти способности, иначе я не человек. Я становлюсь просто специалистом. Если вы говорите: «На самом деле меня не интересуют такие вещи, как музыка или любование красотой дня, оставьте меня в покое и дайте заниматься математикой», то на это я могу сказать: «Вы слабоумны».

С.: Но разве не существует некоей врожденной способности, с которой мы появляемся на свет?

КРИШНАМУРТИ: Все можно изменить.

С.: Можем ли мы все быть бетховенами?

КРИШНАМУРТИ: Я хочу познавать, я не хочу быть похожим ни на кого, я не хочу становиться таким, как Христос, Будда, Бетховен или Эйнштейн! Я хочу видеть вещи иначе, вести совершенно иной образ. Как группе людей, живущих вместе, людей, в которых стараются поддержать чувство, что здесь их дом, что вы будете делать, если кто-нибудь скажет: «Извините,

но мне что-то не хочется когда-либо работать в саду».

С. (1): Может быть, это не его дом?

С. (2): Я думаю, что бесполезно было бы разбиваться на группы, объединяя в одной из них тех, кому нравится работать в саду, а в других тех, кто предпочитает заниматься чем-то еще, вы согласны?

С. (3): Если кому-то не нравится работать в саду, может быть, этот человек просто не чувствует, что это его дом, может быть, его место не здесь.

КРИШНАМУРТИ: Верно, его место не здесь. Как вы ему об этом сообщите? Скажете ли вы ему: «Ты пришел сюда, чтобы получить образование в истинном смысле этого слова, но, очевидно, ты не хочешь быть образованным человеком, ты предпочитаешь оставаться дикарем». Вы прогоните этого человека? Он так же, как и все, пришел сюда, чтобы получить образование, но он не знает, что это такое, он мыслит исключительно с позиции бунта против истеблишмента, против профессора, заявляя при этом: «Я все знаю, кто вы такие, чтобы учить меня!» И он не знает, что означает слово «сотрудничество». Возможно, вам придется избавляться от него. Вы будете это делать?

С.: Значит ли это, что нам необходимо заинтересоваться познанием?

КРИШНАМУРТИ: Именно этим мы сейчас и занимаемся.

С.: Если мы этим занимаемся, значит, нам нет нужды волноваться о ком-то еще.

КРИШНАМУРТИ: Но представьте себе, что по прошествии четырех месяцев моя комната по-прежнему будет похожа на свинарник. Как вы со мной поступите?

С.: Если я на самом деле согласился с вами, что комнату необходимо содержать в чистоте, я больше никогда не оставил бы ее неубранной.

КРИШНАМУРТИ: Но вы ведь этого не делаете. Несмотря на то, что ваш организм уже вырос, что физически он уже достаточно крепок, все вы по-прежнему остаетесь детьми.

С.: Хорошо, но в чем же тогда причина?

КРИШНАМУРТИ: Наберитесь терпения, найдите ее сами и расскажите мне.

С.: Что бы вы сделали? Поговорили бы с этим человеком?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, в школу, особенно такую, как эта, мы приходим ради познания. Познание — это не только то, что вы можете прочесть в книге, но и совместное постижение того, что такое сотрудничество. Подобное совместное познание приводит к пониманию того, что человек всегда искал и продолжает искать безопасность: в боге, в семье, в обществе — во всем. Безопасность — это успешная сдача экзамена, получение диплома: подобные вещи действительно обещают вам безопасность. Здесь, в этой школе, мы должны разобраться, существует ли вообще такое понятие, как безопасность. Здесь мы обучаем сами себя, мы вместе занимаемся познанием того, что такое сотрудничество и что представляет собой понимание любви. Мы ведь совершенно невежественны в очень многих вопросах.

С.: Можно я задам вопрос. Когда кто-то, занимаясь йогой, делает это, применяя насилие, а вы постоянно предупреждаете его не делать этого, в большинстве случаев это никак не помогает человеку осознать свое собственное насилие; в какой-то момент он может осознать это, но будет продолжать делать то же самое. Точно так же другой человек может долгое время заниматься определенными вещами, пока внезапно не осознает это.

КРИШНАМУРТИ: Верно.

С.: Можно ли дать образование человеку, который не прошел через некое естественное созревание, подобное тому, которое мы наблюдаем у растения? Как будет реагировать человек, которому удалось немного вырасти, на человека, так и не развившегося? Если, к примеру, человек не вырос до осознания необходимости спокойного ума, как он может помочь другому? — это невозможно. Учитывая все это, как мы можем что-то делать в этой школе?

КРИШНАМУРТИ: Ты говоришь о йоге и спрашиваешь, когда ты стоишь тем или иным образом, принимаешь определенную позу, возникает ли прежде всего идея или ты делаешь это в то время, пока учитель йоги дает тебе указания? Вы понимаете разницу? Он говорит: «Сядьте так», и демонстрирует, как нужно сесть. Либо у вас возникает образ о том, как он сидит, и после этого вы начинаете выполнять упражнение, либо вы делаете это в самом наблюдении, как он сидит? Когда он показывает это вам, у вас возникает идея о том, что он делает, после чего вы осуществляете эту идею? Или вы делаете это в момент демонстрации? Как вы поступаете?

С.: Мы выполняем упражнения одновременно с демонстрацией?

КРИШНАМУРТИ: И что же это означает? Углубитесь в этот вопрос. Не правда ли, это означает, что вы очень внимательно его слушаете и, слушая, вы одновременно делаете. Существует и совершенно иной процесс: сначала вы слушаете, затем возникает идея, после чего вы ее реализуете, но в данном случае все происходит по-другому. Для этого необходимо развитие, необходим рост.

Послушайте, я занимаюсь йогой многие годы. У меня было несколько учителей, и я все делал так, как они говорили, то есть между выполнением действия и слушанием не существовало противоречия. Если вы сначала создаете идею, образ, то это займет у вас очень много времени, и вам потребуется практика. Но если учитель говорит: «Делай так» и вы выполняете, в этот момент вы находитесь в действии, вы делаете. И у вас может плохо получаться, но вы это делаете. Поймите, как это важно. В большинстве своем мы слушаем, затем создаем идею, после чего ее осуществляем. В данном случае, если вы слушаете и делаете, идея исчезает. Развитие идеи и ее реализация требуют времени — именно это называется зрелостью, ростом.

С.: Предположим, что кто-то выполняет одно из упражнений йоги, и я говорю: «Делай это интенсивно, приложи усилие». Мои слова помешают этому человеку видеть...

КРИШНАМУРТИ: Я покажу вам кое-что. Дотроньтесь до пола ладонями. Представьте себе, что вы никогда этого не делали, и, может быть, не сможете это сделать. Что же происходит? Вы слушаете, возможно, вы не сумеете дотронуться до пола, но вы это делаете. Реальный процесс выполнения этого может занять немного времени, но само «выполнение» уже налицо.

С.: Вы еще не завершили действие, но вы его уже совершаете.

КРИШНАМУРТИ: Именно.

С.: Потому что вы не сопротивляетесь.

КРИШНАМУРТИ: Но как только возникнет идея, вы сразу же начинаете сопротивляться.

С.: То же самое можно сказать и о сотрудничестве.

КРИШНАМУРТИ: Обо всем.

С. (1): Но предположим, что на занятиях йогой учитель пытается сделать что-то неправильное.

С. (2): Вероятно, нам в любом случае придется это сделать, потому что, если мы не сделаем то же, что и он, мы не сможем понять, было ли это правильным или нет.

КРИШНАМУРТИ: Поэтому следует выяснить, действительно ли он хороший учитель. Я не профессионал, но мне приходилось много заниматься йогой. Есть один мастер, который считается учителем других учителей. Он говорит: «Заниматься настоящей йогой — значит делать это без малейшего усилия. Как только возникает усилие, это уже не йога. Поймите, что на то есть основание. Ваше тело не настолько искусно, оно не обладает достаточной гибкостью и поэтому на каждое упражнение вам может потребоваться неделя или даже больше, но не пытайтесь ускорить событие, не применяйте силу. Применяя силу, вы неправильно напрягаете мышцы, нанося им вред; поэтому выполняйте упражнение очень спокойно, пусть это займет у

вам неделю или месяц, но делайте это медленно. Если учитель говорит вам: «Сядьте так», вы можете выполнить задание неправильно, но главное — начните, не пытайтесь осуществлять какую-нибудь идею. Точно так же прислушайтесь к чувству сотрудничества, и если вы это делаете, то оно у вас уже есть. Не нужно создавать идею о сотрудничестве и затем ее реализовывать.

С.: Относится ли это, к примеру, к порядку?

КРИШНАМУРТИ: Да. Нам необходим порядок. Если вы неаккуратны, непунктуальны, мы не сможем жить вместе, это станет невозможным. Мы вынуждены соблюдать определенный порядок. Не рисуйте себе картины этого: я хочу порядка, а вы нет. В такой школе, как эта, нам необходимо жить вместе. Совместная жизнь подразумевает порядок. Поэтому я вынужден его соблюдать. Вы слушаете меня без сопротивления или собираетесь поспорить? Пожалуйста, слушайте без сопротивления, поймите, что совместная жизнь нуждается в порядке. Если я не моюсь и говорю: «Ну и что же в этом плохого? Со мной все в порядке. Мне нравится мой запах», то за счет этого создается беспорядок.

Сейчас, в настоящий момент, удастся ли вам воспринимать слова «сотрудничество», «порядок», не создавая их образ? Если да, то вы сразу же становитесь аккуратным.

С.: Разве слова вроде «порядок» и «сотрудничество» не приобретают для нас значение ровно настолько, насколько мы эти состояния пережили?

КРИШНАМУРТИ: Да, конечно это так. И что это означает? У вас уже есть образ, вы уже имеете опыт того, что такое порядок и сотрудничество, вследствие чего возникает сопротивление. Тогда как, если мы говорим: «Послушайте, давайте выясним, давайте займемся познанием того, что значит быть аккуратным, что значит сотрудничать», мы не делаем по этому поводу никакого вывода, потому что мы познаем. Если преподаватель йоги говорит вам: «Сядьте и примите эту позу», у вас может сразу не получиться, и тогда вам потребуется неделя или месяц, но то, как вы слушаете, гораздо важнее, чем то, смогли ли вы сесть правильно или нет. Это умение придет со временем, тогда как момент восприятия его слов происходит мгновенно.

С.: Чаще всего, чтобы слушать так, как вы говорите, нам необходима большая доля доверия.

КРИШНАМУРТИ: Зачем вам нужно доверие? Я говорю, а вы слушаете. Почему вам так необходимо доверять мне?

С.: Потому что кто знает, может быть, вы начнете учить меня убивать.

КРИШНАМУРТИ: Почему вам необходима уверенность во мне? Прежде всего, познайте искусство восприятия, изучите его, но не с моих слов. Ведь я не знаю, я могу сказать что-то неправильное, поэтому слушайте, чтобы отличить истинное от ложного, для чего вам необходимо стать чувствительным. Невозможно приобрести чувствительность, то есть разум, если вы упрямы, если вы сопротивляетесь, когда кто-нибудь говорит вам: «Вот что я думаю». Очень важную роль играет именно искусство восприятия.

С.: Но если кто-то говорит вам, что он думает, разве при этом он не указывает это вам?

КРИШНАМУРТИ: Конечно. Я ваш преподаватель йоги, предполагается, что я что-то о ней знаю, и хотя я не могу знать всего, мне известна какая-то часть, я учу вас тому, что знаю сам. И обучая вас, я в то же самое время что-то познаю.

Что значит жить вместе разумно? Свобода и открытость познанию. Сотрудничество. Порядок.

(9 сентября 1970)

КРИШНАМУРТИ: Вспомните, пожалуйста, нашу недавнюю беседу, которая была посвящена тому, что такое «Броквуд Парк» и что мы здесь пытаемся сделать. Мы говорили, что школа была создана ради созидания разума, если только это возможно. Слово «разум» означает способность понимания не только друг друга, но также и того, что такое сотрудничество, свобода, дисциплина и порядок. Мы говорили, что разум предполагает наличие свободы. Эта свобода не принадлежит вам или мне — она существует независимо. Пусть вам это будет абсолютно ясно. Пожалуйста, остановите меня, если вы этого не понимаете. Не молчите, чтобы впоследствии сказать: «Я с вами не согласен». Мы сейчас стараемся понять все это вместе.

Поскольку получилось так, что мы образуем небольшое сообщество, я задаю вам вопрос: что значит жить вместе разумно? Очевидно, что самое главное — это свобода в отношениях между мной, вами и другими людьми. Свобода вовсе не означает, что вы можете поступать так, как вам хочется, потому что, если бы каждый из нас себе это позволил, здесь возник бы хаос. Или некоторые из вас сформировали бы группу сторонников своего понимания границ свободы, противопоставив себя какой-то другой группе. Это также нельзя назвать свободой.

Вы можете сказать: «По-моему, свобода дает мне возможность делать так, как я хочу, потому что у себя дома я именно так и поступаю; никто не говорит мне: «Не делай этого», а если бы сказали, то я бы взбунтовался, рассердился и убежал из дома». Поступать так, как человеку хочется, на самом деле просто невозможно. Потому что желания человека могут быть временными, проходящими, и если бы мы все поступали, как нам хочется, не считаясь с другими, мы не смогли бы жить вместе. Итак, разум предполагает свободу в поиске того, как можно жить вместе. Вы не навязываете свое мнение мне, я не навязываю свое мнение вам. Пожалуйста, поймите, осознайте нашу взаимную ответственность. Свобода подразумевает, что все мы вместе понимаем значение авторитета. Если я засиделся допоздна и вы говорите мне, что пора ложиться спать, не называйте это авторитарным: это было бы неразумно. Потому что мы вместе уже рассмотрели вопрос о том, что все должны ложиться спать в установленное время, мы пришли к соглашению. Следовательно, наши взаимоотношения не авторитарны, они построены не на придирках друг к другу, а на разуме. Мы обсудили, в какое время должны ложиться спать, и это продиктовано нам разумом, а не властью. Если я прореагирую на ваше замечание по-дружески или с раздражением, — в зависимости от того, говорите вы со мной грубо или вежливо, — это будет проявлением отсутствия у меня разума. Не знаю, понимаете ли вы то, что я говорю.

С.: Человек, говорящий со мной грубо, также демонстрирует недостаток разума.

КРИШНАМУРТИ: Конечно, никто из нас не является абсолютно разумным. Мы находимся в процессе познания — познания природы, свойств разума. Я выхожу из себя и что-то такое говорю, но я понимаю, что это глупо с моей стороны, — это и является одним из проявлений разума. В следующий раз я буду внимательным, я буду осторожным. Итак, вы видите, что сотрудничество — это понимание разума.

С.: Мне интересно знать, кто наблюдает, кто следит за этим?

КРИШНАМУРТИ: Вы сами. Я рассержен на вас, я говорю: «Пожалуйста, ложись спать в одиннадцать, я уже десять раз говорил это тебе». Я чувствую раздражение и говорю себе: «Как глупо сердиться на человека, у которого недостаточно разума, чтобы все понять, и который, после того как мы обсудили этот вопрос, все равно ложится поздно». Я понимаю, что я рассержен. Что здесь для вас непонятно?

С.: Меня интересует, можно ли смотреть без обусловленности: наблюдающий ведь по-прежнему чем-то обусловлен.

КРИШНАМУРТИ: Не вдавайтесь сейчас в сложную проблему наблюдателя. Мы обратимся к этому немного позже, я не пренебрегаю тем, что вы говорите, но мы сейчас рассматриваем особенности разума, которые заключаются в способности сотрудничать.

С.: Если кто-то говорит вам, что вы авторитарны, конечно это реакция; но когда человек сердится, это ведь тоже реакция. Так почему же не сказать: «Не сердись».

КРИШНАМУРТИ: Конечно. Мы живем вместе, мы стараемся понять, помочь друг другу, учиться друг у друга. Если вы отказываетесь учиться, потому что думаете, что вы лучше нас, что нам тогда делать? Молодые люди думают, что знают все; что вы будете делать, если вам скажут: «Я не согласен с вами», и будут стоять на своем?

С.: Мы исследуем эту проблему.

КРИШНАМУРТИ: Но если этот человек откажется что-либо обсуждать?

С.: Именно этим мы и занимаемся в данный момент, закладываем основу для этого.

КРИШНАМУРТИ: Совершенно верно, мы пытаемся заложить основы, чтобы всем вместе жить разумно. Важно не то, чтобы вы жили разумно и учили этому меня, или я учил вас, а все вместе. Мы все вместе отвечаем за то, чтобы быть разумными. Что же значит это слово? Его словарное значение — понимать, обладать способностью к пониманию.

С.: Оно в буквальном смысле означает делать выбор.

КРИШНАМУРТИ: Да, необходима способность выбирать, и это умение должно быть разумным. Если я выбираю исходя из моего предубеждения, это не разум. И если мы закладываем основы такой обстановки, в которой нашей очередной заботой стало бы стремление жить вместе разумно, для этого требуется не только свобода, но и самокритичное сознание. Я должен осознавать то, что делаю, почему я это делаю и последствия своего действия; я не могу оставаться упрямым и говорить: «Это верно! Именно так я и думаю! И я буду придерживаться своего мнения». В этом случае человек перестает познавать, и между нами разрушаются взаимоотношения.

Вы понимаете это? Не соглашайтесь со мной, пока на самом деле не поймете. Я сформулирую сущность проблемы: мы хотим жить здесь счастливо, свободно и разумно, чего мы не можем позволить себе во внешнем мире, потому что мир жесток и безрассуден. В этой школе мы хотим создать атмосферу, заложить фундамент нашей совместной жизни, чтобы она проходила счастливо, разумно, в сотрудничестве друг с другом. И я объясняю, что значит разумно жить вместе.

Исследуйте сами, не молчите, чтобы в конце концов поступить по-своему. Обсуждайте это со мной, чтобы и вы, и я познавали, что значит быть разумными людьми и жить вместе в сотрудничестве. Разум предполагает наличие способности к пониманию свободы, и все мы хотим быть свободными. Мы не хотим, чтобы над нами властвовала какая-либо тирания, будь то тирания семьи или кого-то еще. Мы стараемся выяснить, как можно жить вместе свободно. Я могу оставаться в одиночестве, не выходить из своей комнаты, отделив себя от всех остальных; может быть, именно это я и называю своей свободой. Но я не могу так жить. Мы люди, связанные друг с другом взаимоотношениями, поэтому нам необходимо понять, что значит жить

вместе и в то же время свободно. Для этого же, в свою очередь, необходим разум.

Итак, как мы будем это делать? У вас может быть свое представление о свободе, а у меня свое. Но я говорю себе: «Я не знаю, что такое свобода, я собираюсь это выяснить». Вы видите разницу? Если я начну со слов: «Я знаю, что такое свобода», все будет кончено, — это будет означать, что вы недостаточно разумны, чтобы познать это. Не знаю, понимаете ли вы меня.

С.: В этом случае человек живет в своей собственной тирании.

КРИШНАМУРТИ: Конечно, он живет в своих собственных проблемах, что не представляет для нас интереса. Мы все должны понять, что значит быть свободным. Вы хотите познать это? Или вы будете говорить: «Не учите меня. Я об этом все знаю. Когда вы так говорите, вы уже этим демонстрируете свою неразумность, потому что вы не познаете, вы зажаты своим представлением о том, что, по вашему мнению, является свободой. Я хочу познать, что значит жить вместе свободно; следовательно, первое, с чего я должен начать, — это не говорить себе: «Я знаю, что это значит». Итак, хотите ли вы познать, что такое свобода? Я задаю этот вопрос, потому что здесь, в Броквуде, мы собираемся заниматься именно этим.

Я объясню вам, почему это так. В состоянии свободы человек способен открывать новое. В мире науки свобода необходима для того, чтобы делать открытия. В мире человеческих взаимоотношений, то есть здесь, в этой школе, мы открываем или познаем новое о самих себе. Если я озабочен своим собственным мнением, я не способен познавать. Поэтому я должен быть очень осторожен и отдавать себе отчет в своих непоколебимых мнениях или суждениях, ибо этим занимается мир, что вовсе не является познанием. У людей существуют свои уже сложившиеся идеи, мнения, умозаключения, и они не собираются от них отказываться. Молодежь восстает против этого; но так или иначе у молодых людей имеются их собственные мнения, предрассудки, устоявшиеся умозаключения, поэтому в этом отношении они ничем не отличаются от старшего поколения.

С.: Что же делать, если у людей имеются их собственные устоявшиеся мнения?

КРИШНАМУРТИ: Люди, которые придерживаются определенных взглядов, суждений, умозаключений, не способны жить вместе свободно и разумно. Имеете ли вы какие-либо мнения, суждения, умозаключения, следуете ли традиции? Все это характерно и для меня, но я собираюсь познавать. Вы видите разницу? В конце концов, в этой школе мы не только изучаем географию, историю, математику и прочие предметы, но и, помогая друг другу, учимся быть предельно разумными, что нам особенно понадобится после ее окончания. Хотя может быть, вы никогда отсюда не уйдете, возможно, вы захотите работать здесь учителем, это зависит от вас.

Это учебный центр; учебный центр подразумевает развитие разума, который, в свою очередь, есть утонченность понимания, умение выбирать. Чтобы сделать правильный выбор, ум должен быть свободен от каких бы то ни было предрассудков и умозаключений. Нужна ли вам такая школа, как наша, где вы можете получать образование свободно, счастливо, разумно? Что в действительности подразумевает сотрудничество, не правда ли? Я не могу с вами сотрудничать, если стараюсь подчеркнуть свои личные качества. Вы понимаете? Если я придаю значение длине волос и делаю из этого символ своего бунта, то подумайте, какие это может иметь последствия. Длинные волосы сейчас в моде. Длина волос является символом бунта, символом возможности делать все, что захочется, потому что старшее поколение предпочитает стричься коротко: это стало символом напористой агрессии, символом красоты. Все это объясняет ваше стремление носить длинные волосы, не правда ли? Они являются символом восстания против войны, восстания против существующего порядка. Вы носите длинные волосы, потому что это красиво?

С.: Это как ловушка. Существуют два противоположных понятия: короткие волосы — это истэблишмент, длинные волосы — это антиистэблишмент.

КРИШНАМУРТИ: Я не говорю: «Длинные волосы — это хорошо» или «Короткие волосы — это хорошо». Я спрашиваю: вы предпочитаете длинные волосы, потому что это выглядит красиво?

С.: Ну, скажем, мне так удобнее.

КРИШНАМУРТИ: Исследуйте это очень тщательно. Представьте себе, что, когда вы сидите рядом со мной, от вас пахнет потом, вы неумыты и весь в грязи, и тогда я говорю, что не хочу сидеть рядом с вами. Если что-то удобно вам, это должно быть удобно и мне, человеку, который сидит за столом рядом с вами.

С.: Я согласен.

КРИШНАМУРТИ: Длинные волосы действительно смотрятся очень красиво, если их надлежащим образом расчесывать, когда они свисают, закрывая лицо. Вы носите длинные волосы ради этого?

С.: Я не уверен, что делаю это специально ради того, чтобы волосы смотрелись привлекательно и блестяли.

КРИШНАМУРТИ: Тогда почему вы их не стрижете?

С.: В воде или на ветру это доставляет приятные ощущения.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, но вы же не находитесь на ветру все время. Вам приходится садиться рядом со мной, ведь вы не один в этом мире. Мы учимся жить вместе разумно и свободно.

С.: Да, но если из волос выползают насекомые, если они растут, а за ними никто не ухаживает, тогда понятно, почему вы так реагируете, если сидите рядом с обладателем таких волос.

КРИШНАМУРТИ: Подождите, я же просил вас слушать внимательно. Пока волосы чистые, действительно красиво смотрятся и не распространяют дурного запаха, что же в этом плохого? На Цейлоне мужчины носят длинные волосы, закрепляя их круглыми гребнями, чтобы они выглядели аккуратно, и это смотрится очень красиво. Согласитесь вы ходить, как они, с гребнем в волосах? (Смех) Что же в этом такого? Видите, у вас есть свои предрассудки, именно к этому я и подвожу вас.

С.: На самом деле это не предубеждение. Я не имею ничего против человека, который ходит с гребнем в волосах.

КРИШНАМУРТИ: Но поскольку мне приходится жить с вами, если от вас дурно пахнет, если вы неаккуратны, то мне это не понравится.

С.: Правильно. Но я не совсем уверен в том, что значит слово «аккуратный».

КРИШНАМУРТИ: Итак, если вам кажется, что длинные волосы — это хорошо, носите их. Но это означает, что вы должны следить за их чистотой. Или, может быть, они служат вам символом вашего бунта против истеблишмента? И если я ношу короткую стрижку, значит ли это, что я принимаю истеблишмент? Поймите, как это опасно. Так почему же вы носите длинные волосы? Вы не ответили на мой вопрос. Может быть, потому, что все так делают? Если да, то это лишь подражание, приспособление, что совершенно неразумно. Поймите, что вы делаете. Это часть разума? Если бы вы сказали: «Послушайте, я отращаю волосы, потому что это мне нравится, потому что это выглядит красиво, и они чистые», — я бы немедленно с вами согласился. Но если вы ходите с длинными волосами, потому что это символ, тогда я хочу знать, что этот символ означает, ведь мне приходится жить с вами. Ваш символ может оказаться для меня смертельно опасным! И я хочу это выяснить!

С.: Но разве в этом нет также и родства с вашим поколением?

КРИШНАМУРТИ: Но вы должны знать, почему вы это делаете. «Родство с вашим поколением...» — правильно ли вы выбрали выражение?

С.: Я имею в виду дружбу, связь родственными узами...

КРИШНАМУРТИ: Если вам кажется, что вы связаны узами только с теми, кто носит длинные волосы, вы понимаете, что вы в этом случае делаете? Это означает, что вы создаете разделение, основы которого были заложены предыдущим поколением, и следовательно, вы идете по его стопам, принося в мир ничуть не меньшее разрушение, чем оно. И тогда символ мира на вашей майке ничего не значит. То есть я хочу сказать, что если мы собираемся жить вместе разумно и свободно, мы все должны знать, что мы делаем и почему. Не надо прикрывать все это множеством слов, ибо это не разум. Почему в этой школе мы едим вегетарианскую пищу? Вы спрашиваете об этом? Вы упомянули слово «аккуратный»? Вам известно, что значит быть аккуратным? Неизвестно, ведь правда?

С.: Если бы я знал, то не сидел бы сейчас здесь.

КРИШНАМУРТИ: Мы поговорим об этом. Важно ясно и последовательно думать, ясно и аккуратно действовать. Не думать одно, а делать другое, но мыслить очень ясно, объективно, здраво — это и есть порядок, не так ли? Я объясню вам слово «аккуратно» на другом примере. Когда мы одеваемся опрятно, это аккуратность, не правда ли?

С.: Я не уверен.

КРИШНАМУРТИ: В чем вы не уверены? Представьте, что вы приходите в столовую с грязными босыми ногами и я сижу рядом с вами. Мне не нравится ваш вид, потому что вы принесли грязь, а я люблю чистоту. Но вы мне говорите, что это предрассудок. Но разве это так? Любое животное стремится быть чистым.

С.: Любое животное также ходит необувшись.

КРИШНАМУРТИ: Но оно чистое. Животные всегда следят за чистотой — вы же видели, как кошка облизывает лапки. Приходите с чистыми ногами! — и пол будет чистым.

(8 сентября 1970)

КРИШНАМУРТИ: Каким человеком вы собираетесь стать, когда выйдете отсюда и начнете жить в мире? Вам ведь придется столкнуться с огромным множеством проблем, не правда ли? Проблем не только экономических, экологических, но проблем, связанных с взаимоотношениями, с половой жизнью. Вам придется искать ответ на вопрос, как жить разумно, с чувством огромной любви и не позволить обществу задушить и развратить вас. Здесь, в этой школе, мы более или менее защищены и находимся среди друзей; здесь возможно доверие, мы знакомы с особенностями характера, предрассудками, наклонностями и стремлениями друг друга. Но во внешнем мире мы никого не знаем и мы сталкиваемся с действительно уродливым миром.

Нам необходимо выяснить, как мы собираемся встретить все это, каким качеством будет обладать наш ум или разум при столкновении с миром. Поэтому образование приобретает огромное значение. Под словом «образование» мы имеем в виду не только приобретение знаний в области техники, но и понимание, объединенное с чувствительностью и разумом, всей проблемы бытия целиком, включая смерть, любовь, секс, медитацию, взаимоотношения, конфликты, гнев, жестокость и все остальное, что составляет целостную структуру человеческого существования.

Если бы мы смогли полностью изучить хотя бы один из этих элементов, проникнуть в него очень глубоко, то тогда, вероятно, у нас появилась бы возможность связать его со всеми остальными. Отдельных, изолированных проблем не существует. Любая проблема связана с другими проблемами и вопросами. Поэтому, если мы возьмем только одну человеческую проблему и свободно ее изучим, то мы сможем увидеть, как она связана со всеми остальными проблемами. Так о чем же мы сегодня будем говорить?

С.: Какова цель жизни?

КРИШНАМУРТИ: На днях мы уже говорили и очень ясно поняли, что цель предполагает выбор направления: выбрав направление, человек начинает избегать всего остального. Если я говорю: «Сегодня с утра я хочу пойти в «Рошу», потому что там прекрасные цветы», то все мое внимание сосредоточено на этой прогулке, и поэтому я отбрасываю все остальное. Точно так же спрашивать, что является целью жизни, значит привести в нее больше противоречий, больше конфликтов. Я не знаю, понимаете ли вы это на самом деле?

С.: Может быть, истинная трудность заключается в общении?

КРИШНАМУРТИ: Вы думаете? Когда вы хотите что-то сказать, вы ведь говорите это, верно?

С.: Да, но общение предполагает, что мы делаем что-то вместе.

КРИШНАМУРТИ: Вы сказали, что общение — это когда мы что-то делаем вместе: это совместное понимание, совместное творчество. Вы хотите поговорить об этом?

С. (1): Может быть, у нас появляется желание сделать что-то вместе, потому что нам кажется, что мы не сможем выдержать в одиночку?

С. (2): Может быть, мы сможем обсудить, что такое правильные взаимоотношения?

С. (З): Мне представляется, что мы очень разбросаны в нашем мышлении.

КРИШНАМУРТИ: Зато если вы чем-то интересуетесь, эта разбросанность мыслей исчезает. Пожалуйста, скажите мне, что вас интересует.

С.: Счастье.

КРИШНАМУРТИ: Вам всем это интересно? — счастье, наслаждение, удовольствие, возможность хорошо провести время? Вы собираетесь интересоваться этим не только в юности, но и на протяжении всей жизни? Что вы все будете делать? Просто искать счастья и говорить: «Если бы у меня было больше драгоценностей, больше сексуальных встреч, больше того или этого, я был бы счастлив»? Вы этого хотите?

С.: Я мог бы проявить интерес к некоторым другим аспектам жизни, например, к политике.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо. Но если вам интересна политика, разве вас при этом заботит только одна сторона жизни? Если вы действительно интересуетесь политикой, вас обязательно должно интересовать движение жизни целиком. Не следует рассматривать политику как нечто совершенно изолированное, как это делают большинство политиков.

С.: Меня интересует карьера инженера и, кроме того, моя жизнь как жизнь человеческого существа.

КРИШНАМУРТИ: Значит, вы интересуетесь не только инженерным делом, но и пониманием целостности жизни. Что же для вас важнее, что вы считаете более насущным, ни в коем случае не противопоставляя эти вещи?

С.: Все в целом.

КРИШНАМУРТИ: А значит, сюда входит, например, и религия. Вы следите? Если вы все внимание уделяете инженерному делу, игнорируя все остальное, то ваше развитие односторонне; по сути дела вы вовсе не человек, а просто специалист в определенной области. Помня об этом, давайте решим, что мы выберем для обсуждения таким образом, чтобы, исследовав выбранную тему, мы поняли, что она включает в себя также и все остальные проблемы. Какой предмет мы изберем? Может быть, секс представляет для вас важную проблему?

С.: Ну, для меня это не является проблемой, но для других людей вокруг меня это действительно важно.

КРИШНАМУРТИ: Важно? Такое возможно?

С.: Конечно, возможно!

КРИШНАМУРТИ: Хорошо. Вы идете по улице, привлекая внимание девушек, и говорите, что это они виноваты, а вы абсолютно невинны.

С.: Нет, это не совсем так. Но возьмите, к примеру, сексуальные взаимоотношения. Если у меня связь с какой-то девушкой, а другие люди об этом не знают, то каким-то образом именно они превращают это в проблему.

КРИШНАМУРТИ: Подождите. Вы находитесь в школе, в так называемом учебном центре образования; вас послали сюда родители, кроме того, вы сами говорили, что хотите здесь учиться. Поэтому вы не просто отдельные индивидуумы, делающие все, что им хочется, вы отвечаете за это место. Это ваш дом, и вы несете за него ответственность, включая само здание школы и сад, который вы должны содержать в порядке. Вы также несете ответственность перед своими родителями, перед людьми, которые вас окружают, перед соседями. И естественно, что люди наблюдают за тем, что здесь происходит. Они заплатили деньги, их дети здесь учатся, это могут быть также соседи, гости, люди, которые здесь работают, они заинтересованы и поэтому все они наблюдают.

Если я хочу завязать с кем-то в этой школе сексуальные отношения, мне необходимо полностью осознавать всю опасность и возможные последствия этого. Если человек вступил с

кем-то в интимную связь, то сотрудники школы, несущие ответственность перед вашими родителями, соседями и заботящиеся о благосостоянии школы, имеют все основания для беспокойства, не так ли? Они вынуждены внимательно за вами следить; в этом нет ничего авторитарного, вы согласны?

С.: Разве кому-нибудь еще следует знать об этом? И разве обязательно, что сексуальные связи так уж опасны?

КРИШНАМУРТИ: Можно ли сохранить свои отношения в секрете в такой школе, как эта? Мы не говорим о том, опасно это или нет. Мы рассматриваем эту проблему, и кто-то говорит, что вину следует возложить на другого человека. Отвечающие за это люди присматривают за вами и говорят: «Посмотрите, что происходит, поймите то, что вы делаете!» Можно ли это назвать авторитарным? И кто создает проблему? Вы или люди, которые заботятся о школе? Вам необходимо быть восприимчивым; вы должны знать, что определенные вещи делать нельзя. Что произойдет, если появится ребенок?

С.: За это отвечает тот, у кого родился ребенок.

КРИШНАМУРТИ: То есть проблема возникает у его матери?

С.: Не только у матери, но и у отца.

КРИШНАМУРТИ: И как это затрагивает всех остальных людей, в этом заинтересованных: родителей, работников школы, соседей? Может быть, ваши родители живут в Индии или Америке; они что, послали вас сюда, чтобы рожать детей, о которых необходимо заботиться?

С.: Но, сэр, если юноши и девушки хотят половых контактов, а им этого не разрешается, это создает конфликт.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, допустим, что разрешается. И что тогда происходит?

С.: Появляется проблема.

КРИШНАМУРТИ: В чем состоит эта проблема?

С.: В том, что ученики говорят противоречивые вещи. С одной стороны, они не хотят подчиняться правилам, с другой стороны, с их стороны можно услышать: «Почему я не могу делать то, что хочу?», — что и является приспособлением.

КРИШНАМУРТИ: Так говорят обе стороны. Нам необходимо продвинуться немного глубже. Поставьте себя на место родителя, который отправил сюда своего сына или дочь для получения образования, или на место человека, отвечающего за организацию совместного обучения юношей и девушек. За что несете ответственность вы? (Замешательство) Видите, вы замолчали, вы улыбаетесь по-другому?

С.: Даже если мать и отец тщательно следят за своим ребенком, это вовсе не значит, что они обязательно запрещают ему вступать в половые отношения.

КРИШНАМУРТИ: Это нечто другое. Дело в том, что здесь, в этой школе, юноши и девушки живут и учатся вместе. И вероятно, все ваши железы работают сейчас с удвоенной силой, повинувшись определенным биологическим импульсам, возникает возбуждение, желание показать себя, свое тело и так далее. Вы все это знаете гораздо лучше меня. И что же может произойти в такой школе, как эта? Здесь вас просят исследовать соответствие определенным нормам, понять это, используя ваш ум и ваш разум. И вот возникает эта сексуальная проблема, связанная с сексом; в школе, где вместе живут и учатся множество девушек и юношей, пробуждается половой инстинкт. Что вы будете делать? Тайно или открыто поддадитесь биологическому импульсу? Не молчите, включайтесь в обсуждение.

С.: Ну, в Америке многие ученики ответили бы: «Да».

КРИШНАМУРТИ: Я знаю, что множество учащихся в Америке или Франции, а также студенты университетов здесь, в Англии, сказали бы: «Это не ваше дело».

С.: А что если человек пойдет другим путем, что если он скажет: «Я не буду следовать за

своей биологической потребностью»?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, давайте посмотрим, из чего состоит вся проблема в целом. Оставим на время конкретную вашу или мою личную биологическую потребность. Нельзя так просто утверждать, что родители и люди, работающие здесь, заставляют меня приспособливаться, что они ведут себя авторитарно. Эта школа является одним из центров общественного внимания. Это общество может быть испорченным, глупым, но если этот центр получит дурную репутацию, то все будущее школы окажется под угрозой; ее могут закрыть. И вы должны все это учитывать. Итак, что вы будете делать со своей биологической потребностью? Не молчите, давайте обсудим это. Что вы будете делать? Мы уже достаточно исследовали, вы подумали о своих родителях, об ответственности, которую вы несете здесь, о том, что руководители школы отвечают за вас перед родителями, о соседях, о будущем школы.

С.: Но разве учащиеся не несут ответственность наравне с преподавателями?

КРИШНАМУРТИ: Я уже об этом говорил. Это ваш дом, дом для всех вас, и следовательно, вы все ответственны за то, что происходит здесь. Так что же вы будете делать? Зная, что весь ваш организм биологически перегружен, как вы поступите? В конце концов, вы читаете журналы, газеты, рассказы, ходите в кино, вы видели полуобнаженных женщин, и вам все об этом известно. В чем же заключается ваша ответственность? Пожалуйста, поговорите со мной об этом. Это одна из проблем жизни, и вы не хотите соприкоснуться с ней поближе. Но шила в мешке не утаишь. Как вы собираетесь решить проблему подобного рода, обладая еще недостаточно зрелым умом? Ведь вы все еще очень молоды, вы понимаете? Ваш ум еще не приобрел той чрезвычайной активности, чувствительности и разума. Сталкиваясь с этой проблемой, вы совершенно естественно хотите от нее уйти. И у вас возникают страхи и опасения.

Как ваш ум сможет быть достаточно разумным, чтобы справиться с проблемой? Ведь все общество вокруг через одежду, моду подталкивает вас в одном направлении — все в обществе приводит к сексу. В Индии поцелуи на экране запрещены. Когда вы начинаете жить во внешнем мире, даже если вы женитесь, проблема не уходит, она остается. Как вам приобрести этот разум, который сможет справиться без какого бы то ни было сопротивления, конфликта или подавления? Если вы поддадитесь этой слабости, она превратится в еще одну форму невроза; если вы подавите ее, невроза вам также не избежать; если вы будете сопротивляться, проблема доставит вам ужасные неприятности. Вы знаете, что происходит с людьми, которые сопротивляются всему этому? Они начинают держать все в себе, вспыхивают по пустякам, становятся истеричными.

Так как же можно создать ум, способный избежать сопротивления, подавления или потакания слабости? Это действительно сложная проблема. Как добиться того, чтобы ум был чувствительным, живым, острым и одновременно обладал удивительной способностью реагировать на прекрасное — красоту женщины или ребенка? Как этого достичь?

Тщательно изучив проблему, вы доходите до этой точки, и что же вы будете делать? Скорее всего, вы скажете: «Я не знаю, что делать», а затем добавите: «Давайте не будем говорить об этом». Вы следите? Жить без усилия, без приспособления, без подавления, без сопротивления, без слепого следования за толпой — то есть без бессмысленного хождения на вечеринки, без вовлечения в весь этот притупляющий ум процесс современного существования: это и есть подлинное образование.

Теперь будьте внимательны! — потому что эта проблема будет существовать на протяжении всей вашей жизни. Как мы говорили, если вы подавляете ее, возникает опасность, что она взорвется в других направлениях; и если вы поддаетесь или начинаете с нею играть, она уничтожит вас, разрушит ваш ум.

Поэтому ум не учится подавлять, сдаваться или делать из этого огромную проблему. Вам это понятно? Это для вас что-нибудь значит? Или вы говорите: «Пусть он говорит, мы останемся при своих удовольствиях, женимся, будем продолжать в том же духе, и только после этого столкнемся с проблемой»?

Вы когда-нибудь задумывались, почему люди придают такое огромное значение сексу? Во всем мире он играет гораздо более важную роль, чем деньги или религия. На западе эта тема свободно и откровенно обсуждается. На востоке все держится за закрытыми дверями независимо от того, женат человек или нет. Как вы думаете, почему половая жизнь приобрела такое колоссальное значение?

С. (1): Может быть, из-за удовольствия; это ведь то небольшое, что можно получить без денег.

С. (2): Или, может быть, у людей накапливается много энергии, которую им не удалось истратить на что-то другое, и поэтому они используют ее в этом направлении?

КРИШНАМУРТИ: Продолжайте, не останавливайтесь. Пусть это будет совместное творчество, высказывайтесь! Не сидите здесь просто так, предоставив мне работать за всех!

С.: Возможно, это побег от печали или какой-то проблемы.

КРИШНАМУРТИ: Итак, посмотрите на это! Мы вместе работаем, мы вместе понимаем, общаемся. Вы сказали, что секс приобрел такое значение из-за доставляемого им удовольствия, из-за излишка энергии или как побег от повседневной рутины. Происходит ли с вами то же самое? Я не говорю, что именно вы вступаете здесь в сексуальный контакт. Я лишь спрашиваю: этого ли ищет ваш ум? Стремится ли он к удовольствию, к уходу от однообразной жизни в школе, монотонного изучения чего-то, и следовательно, уходит ли он от всего этого в создание образов?

С.: Может быть, имеет значение также и то, что мы ищем любви? Мы не нашли ее, потому что люди постоянно указывают нам, что это нехорошо.

КРИШНАМУРТИ: Вы ищете любви? Вы хотите сказать, что хотите любви, доброты, нежности, заботы, чего-то настоящего и, поскольку ничего не находите, вам кажется, что этого можно добиться с помощью удовольствия, с помощью половой жизни? Конечно же, вам нужна любовь так же, как вам нужны солнечный свет, дождь и облака. Но почему вы ищете ее? Почему вы говорите, что такой-то человек не проявляет ко мне любви?

С.: Потому что любовь помогает нам почувствовать себя лучше.

КРИШНАМУРТИ: Почему еще?

С.: Она дает пищу для нашего эго.

КРИШНАМУРТИ: Продолжайте, не останавливайтесь.

С.: Мы узнаем человека лучше и хотим действительно быть ближе к людям и знать их.

КРИШНАМУРТИ: То есть вы имеете в виду, что хотите чьей-то любви, потому что она делает вас счастливыми, приносит уют и вы чувствуете, что способны расцвести от этого.

С.: Но ведь хочется и что-то отдать.

КРИШНАМУРТИ: Да, вы хотите отдавать и делиться чем-то. Все это так. Ну, так продолжайте, что все это означает? Когда я ищу любви других, что это означает?

С.: Это значит, что во мне ее недостаточно.

КРИШНАМУРТИ: Что значит, в вас ее недостаточно? Посмотрите, источник бьет ключом постоянно, он все время отдает воду, не правда ли? И только если глубоко во мне не действует мой собственный источник любви, у меня появляется желание, чтобы кто-нибудь еще дал ее мне. Вы согласны?

С.: Это не всегда так.

КРИШНАМУРТИ: Почему вы говорите «не всегда»? Пожалуйста, послушайте

внимательно. Если глубоко внутри вас существует любовь ко всему, не только к чему-то одному, а ко всему — любовь к деревьям, птицам, цветам, полям, а также и к людям, если вы на самом деле ощущаете это, станете ли вы, даже случайно, говорить: «Я бы хотел, чтобы кто-нибудь продемонстрировал мне свою любовь»? Разве не очевидно, что только когда внутри нас пустота, вы хотите, чтобы с вами был кто-то другой?

Итак, вы узнали что-то, не правда ли? Ваш ум сейчас активно наблюдает, его взгляд разумен, и вы видите, что, когда в самом человеке нет любви, он хочет любви других. Это проявляется в половой жизни, в ваших взаимоотношениях с другими, и когда эта внутренняя пустота пытается установить отношения с помощью секса и через постоянное общение, у вас появляется ревность, страх, гнев. Вы следите? Пожалуйста, поймите все последствия этого. Сама половая жизнь не является проблемой. Проблема заключается в том, чтобы в самом наблюдении за всем этим появился высочайший разум, который бы управлял половой жизнью. Я не знаю, следите ли вы. Вы поняли это?

С.: Следовательно, это означает, что можно иметь сексуальные отношения, не создавая проблемы.

КРИШНАМУРТИ: Я этого не говорю.

С.: Я имею в виду, что существует такая возможность.

КРИШНАМУРТИ: Нет, я бы так не сказал. Прежде всего, необходим разум, который тут же разрешит любую проблему. Пусть ваш ум будет разумным, а не искаженным. Искраженный ум говорит: «Вот то, что я хочу, и я буду это искать». То есть такой ум не интересуется целым, для него важны только его собственные мелкие потребности и ему не удалось пронаблюдать за всем процессом в целом. Поэтому вот она, ваша ответственность. Она заключается в том, чтобы обладать этим разумом, и если у вас его нет, не обвиняйте в этом других. Знайте, разумная жизнь — это удивительная, необычная вещь; она приносит подлинное наслаждение. Но если вы пойдете по иному пути, ваша жизнь будет наполнена страхом.

Порядок, дисциплина и познание. Пространство и свобода. Потребность в безопасности, доверии: чувство «дома». Познание того, как жить вместе без авторитета. Ответственность друг за друга и за «дом». О медитации.

(31 января 1970)

КРИШНАМУРТИ: Что значит порядок и что такое дисциплина в такой школе, как эта? Слово «дисциплина» означает «познание». «Ученик» — это человек, который познает, а не приспособливается или подчиняется; он занимается познанием постоянно. А когда познание прекращается и уступает место простому накоплению знаний, возникает беспорядок. Когда мы в своих взаимоотношениях перестаем познавать, будь то во время учебы, игры или чем бы мы там ни занимались, когда мы действуем, опираясь лишь на накопленные знания, беспорядок появляется неизбежно.

Дисциплина есть познание. Вы говорите какие-то слова, например: «Не закармливайте собаку», или «Ложитесь спать пораньше!», или «Будьте пунктуальными!», «Убирайте в комнате!» Вы говорите это мне, и я познаю. Жизнь, ее течение — это движение в познании, и если я сопротивляюсь, когда вы говорите мне, что нужно делать, мое сопротивление есть утверждение, основанное на накопленном мною лично знании; следовательно, я останавливаюсь в своем познании, порождая таким образом конфликт между вами и мной.

С.: Это касается только учащихся, или это относится ко всем?

КРИШНАМУРТИ: Речь идет о жизни, не только об учащихся, но и о всех людях.

С.: Но среди людей не каждый является «учеником».

КРИШНАМУРТИ: Зато каждый познает. Слово «ученик» означает «человек, который занимается познанием». Но в общепринятом значении учеником называют человека, который следует за кем-то, за гуру или какой-нибудь глупой личностью. В этом случае, как последователь, так и его учитель находятся вне познания.

С.: А что если человек, за которым мы следуем, вовсе не глуп?

КРИШНАМУРТИ: Нельзя ни за кем следовать. Как только вы становитесь чьим-либо последователем, вы делаете из себя идиота, так же как является идиотом и ваш учитель, — ибо вы оба прекращаете познавать. Итак, как вы относитесь к дисциплине и порядку? Стараетесь ли вы познавать все, не только изучать географию, историю и все остальные предметы, но и познавать суть взаимоотношений? Мы все вместе живем в одном доме, каждый из нас тянет воз в своем направлении, каждый хочет чего-то своего, сопротивляется кому-то другому, говоря: «Ах, он или она становится авторитарным». Все подобные утверждения, все эти случаи сопротивления, когда мы поступаем так, как, по нашему мнению, нам хочется, разве все это не порождает беспорядок?

Если вы говорите: «Я делаю так, как мне хочется; я веду себя естественно; такова моя природа, и не надо учить меня, что мне делать», если вы говорите подобные слова, а я отвечаю вам тем же самым, то что тогда происходит? Каковы будут наши взаимоотношения? Способны ли мы вообще делать что-либо «естественно»? Это очень серьезный вопрос, если вы следите за тем, что я имею в виду. Вы думаете, вы естественны, хоть кто-нибудь из вас? Конечно же нет! Вы подвержены влиянию со стороны отца, матери, общества, вашей культуры, климата, пищи,

одежды, пропаганды. Вы целиком находитесь под чужим влиянием, и вместе с тем говорите: «Я должен быть естественным!» Это бессмысленно. Вы говорите: «Я хочу делать то, что считаю правильным», или «Я свободный человек». Это не так! Вы не свободны. Свобода — это нечто необъятное, поэтому бессмысленно говорить: «Я свободен». Вы даже не знаете, что это такое.

С.: Тогда как же вы можете утверждать, что «свобода необъятна»?

КРИШНАМУРТИ: Она действительно необъятна, когда человек на самом деле свободен, но ведь этого нет. Способен ли человек понять, что он несвободен? Свобода — это прежде всего отсутствие страха. Это свобода от любой формы сопротивления. Это неизолированное движение без изоляции. Свобода — это полное отсутствие сопротивления. Так свободны ли вы? Совершенно очевидно, что люди напуганы, они сопротивляются, они заключены в скорлупу из своих собственных мелких идей, желаний и стремлений. Поэтому, когда вы говорите «свобода» и «естественно», эти два слова не имеют никакого смысла. Свобода может прийти, только если вы поймете всю глубину своей обусловленности и освободитесь от нее. Тогда человек может быть свободным, естественным.

Знаете ли вы, что такое порядок? Он возникает, когда имеется достаточно много пространства, не правда ли? В маленькой комнате, где пространства немного, поддерживать порядок сложнее. Вы не согласны? Сейчас вы поймете. Мне рассказывали об одном эксперименте с крысами: как можно больше крыс помещают в очень ограниченное пространство, и поскольку им не хватает места, они начинают убивать друг друга — мать съедает своих детенышей. Но мы также нуждаемся в пространстве. Сейчас появляется все больше и больше переполненных населением городов. Вам следовало бы поехать в Индию и посетить некоторые из ее крупнейших городов: Калькутту, Бомбей или Дели, — вы даже представить себе не можете, на что это похоже, какой там ужасный шум, крики и как много там людей. Улицы похожи на муравейник, и люди, ограниченные пространством, взрываются насилием.

Здесь нам также необходимо пространство; но размеры самого здания ограничены, что вы будете делать? Внешнее пространство ограничено, а вам еще необходимо и пространство внутреннее, как вы собираетесь сохранить его? Вы понимаете, что я имею в виду под внутренним пространством? Наш ум настолько переполнен тысячами идей, что в нем совершенно не остается пространства, даже между двумя мыслями, двумя идеями, между двумя эмоциями также не существует интервала. Но пока в вас не появится это пространство, не будет и порядка. Порядок означает познание, не правда ли? Познание всего. То есть если кто-то говорит мне, что я дурак, я хочу познать истинность этого; я хочу понять. Я не начинаю сопротивляться и говорить в ответ: «Сам дурак». Я хочу увидеть, услышать, познать. Таким образом, познание порождает порядок, сопротивление же ведет к беспорядку.

Итак, даже если мне не достает внешнего пространства, из-за того, что мир все больше и больше наполняется людьми, я хочу понять, способен ли я овладеть внутренним пространством. Если во мне его нет, то я неизбежно создаю беспорядок. Что вы на это скажете? Вот вы, группа подростков, которые не согласны с установленным порядком, восстают против установленного порядка, хотя он естественен, неизбежен. Вы пришли сюда с подобными идеями и чувствами, и всякого человека, который указывает вам на что-то, вы называете «авторитарным». Так что же мы будем делать?

Как мы можем жить здесь по-другому, поступать по-другому, быть счастливыми по-другому? Знаете ли вы, что может произойти в противном случае? Вы будете выброшены в джунгли этого мира, кишацие волками, и вы погибнете. В Индии на каждое свободное рабочее место набирается от 3 до 4 тысяч претендентов. Вы понимаете, что это значит? Однажды понадобился повар, и вы знаете, кто пришел наниматься на работу? — бакалавры, магистры и

доктора философии! Положение будет еще хуже, не только в Индии, но и во всем мире.

Итак, в такой школе, как эта, нам необходимо познавать. Я использую слово «познавать» в его истинном смысле: понимать, исследовать взаимоотношения, потому что, в конечном счете это то, как мы живем. Общество — это взаимоотношения между людьми. Очень важно, чтобы здесь мы занимались познанием того, как нужно жить, что такое взаимоотношения, что такое любовь. Мы должны познавать, а не просто говорить: «Это любовь», «Это не любовь» или «Это авторитет», «Это не авторитет», — все абсурдные утверждения подобного рода не имеют смысла. Но если мы на самом деле способны к совместному познанию, тогда, я думаю, в существовании этой школы есть определенный смысл.

В школе на юге Индии учатся мальчики в возрасте от 6 до 18 лет, там мы разговариваем обо всем. В Индии слово «медитация» имеет огромное значение. И сама медитация наполнена определенным смыслом. И пока я говорил об этом, рядом со мной совершенно неподвижно сидела целая группа ребят. Удивительно, как они это делали! Глаза их были закрыты, ноги поджаты «по-турецки», и сами они оставались абсолютно спокойны. Там медитация является частью традиции, чтобы это для мальчиков не означало. Нужно сидеть абсолютно неподвижно и ощущать радость жизни... Так как же всем нам вместе достичь этого? Ни вы по одиночке, ни миссис Симонс, ни я в отдельности, а мы все вместе должны создать это. Как мы можем это сделать?

С. (1): Мы можем сделать это только вместе?

С. (2): Вы сказали: «Не индивидуально, а все вместе»?

КРИШНАМУРТИ: Да. Вы знаете, что означает слово «индивидуальный»? Неделимый. Индивидуальность — это когда человек не разделен внутри самого себя. Но мы разделены, раздроблены на части, мы не являемся индивидуальностями. Мы разделены на отдельные маленькие кусочки. Послушайте, когда человек чувствует себя в полной безопасности? Ведь нам необходима полная безопасность.

С.: Когда он доверяет другому?

КРИШНАМУРТИ: Да, но также и у себя дома, не правда ли? Предполагается, что дом — это такое место, где вы находитесь в полной безопасности, где вы защищены и всем можете доверять. Эта школа и есть ваш дом, вы согласны? На восемь месяцев в году она становится вашим домом. Но вы ведь не чувствуете себя в безопасности, так?

С.: Я чувствую.

КРИШНАМУРТИ: Правда? Это хорошо. Но все ли ответят так же? Поймите, что значит в полной мере чувствовать себя как дома, где вы находитесь в полной безопасности. Мозг требует безопасности; в противном случае он не способен эффективно и ясно функционировать. Только когда клетки мозга не защищены, человек становится неврастеником; его душевное равновесие нарушается. Эта школа является для вас домом, где вы находитесь в полной безопасности.

С.: Что делать, если это не так?

КРИШНАМУРТИ: Я подхожу к этому. Человеку необходима безопасность, защита, доверие, уверенность, а также чувство, что он может делать все что угодно, не разрушая все это. В такой школе, как эта, вы не чувствуете себя как дома, именно в этом смысле, не так ли? Кто будет для вас это создавать? Вы понимаете, о чем я говорю? Кто будет обеспечивать вам такую полностью защищенную среду? Мне кажется, что вы не понимаете. Знаете ли вы, что значит быть полностью защищенным? Вы знаете, что младенец нуждается в постоянной защите, иначе он начинает плакать? Его необходимо регулярно кормить, купать, заботиться о нем. В противном случае ему будет причинен вред. Сейчас вы вырастаете, и кто будет делать это место домом для вас? Миссис Симонс или какой-то человек вроде меня? Послезавтра я уеду. Так кто же будет этим заниматься?

С.: Все мы.

КРИШНАМУРТИ: Вы будете создавать это сами, вы будете строить это. Если вам не удастся это, виноваты будете вы сами. Вы не можете сказать миссис Симонс: «Я хочу полной безопасности, а вы мне ее не обеспечиваете». Это ваш дом, и вы строите, создаете его. Если вы не чувствуете, что это ваш дом, это ваша вина. Постарайтесь понять, что для этого нужно. Вызовите в себе чувство, что вы находитесь дома.

С.: Не смогли бы вы углубиться в проблему безопасности, потому что, мне кажется, мы этого не понимаем. Безопасность для чего? Не для идеи же. Понимаете, мы отождествляем себя с идеей.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Речь идет не о безопасности идеи, а о безопасности людей. Разве вы не знаете, что это означает?

С. (1): Я не уверен.

С. (2): Это нечто такое, о чем мы не знаем. Некоторые из нас приехали сюда, потому что имели определенные идеи об этом.

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, наблюдайте. Я не изучал неврологию и строение мозга, но просто наблюдайте за собой, и вы легко сможете найти ответ. Когда ум спокоен, когда он чувствует себя в полной безопасности и под надежной защитой, он функционирует безукоризненно, идеально. Вы когда-нибудь это испытывали?

Он думает очень ясно, способен очень быстро познавать, великолепно, без трения он выполняет все свои функции — вот что значит безопасность, полная безопасность. Сами клетки мозга ощущают отсутствие конфликта. И тогда почему вы должны конфликтовать со мной, или я с вами?

Когда вы говорите мне: «Поддерживай в комнате порядок», почему у меня обязательно должно появляться чувство: ах, как это ужасно? Почему бы вам мне этого не сказать? Но ваши слова порождают во мне конфликт? Почему? Потому что я перестал познавать. Мы понимаем друг друга? Это ваш дом, и вам, а не кому-то еще придется его строить. Здесь вы должны чувствовать себя в полной безопасности, иначе вы не будете способны к истинному познанию, иначе вы превратите это место в нечто похожее на внешний мир, где все друг против друга. Безопасность — это когда сами клетки мозга находятся в совершенной гармонии, в идеальном равновесии, то есть когда они находятся в состоянии покоя и разума. Вот что такое дом; эта школа и есть ваш дом. Если вы никак не способствуете этому, вы сами виноваты. И если вы видите, что ваша комната в беспорядке, вам необходимо навести в ней порядок, потому что это ваш дом.

Поэтому нельзя говорить: «Я собираюсь покинуть это место, потому что это ваш дом (хотя, может быть, однажды вам придется отсюда уехать). Вы знаете, что происходит, когда у вас возникает чувство дома, лишённое страха, когда вы открыты, когда вы доверяете? Это не значит, что вы должны доверять кому-то, необходима скорее способность к доверию, к великодушию, и не имеет значения, что делает другой человек. Не знаю, следите ли вы за всем этим?

С.: Что вы имеете в виду, когда говорите: «Не имеет значения, что делает другой человек»?

КРИШНАМУРТИ: Хорошо. Вот вы делаете мне какое-то замечание. Почему?

С.: Потому что у меня есть свое представление о том, что необходимо.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Почему вы или миссис Симонс просите меня поддерживать порядок в комнате? Прежде чем я отвечу, что согласен убрать, или не согласен, почему вы мне об этом напоминаете.

С. (1): Потому что вы этого не делаете.

С. (2): Потому что мы любим порядок.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Вы не поняли мой вопрос. Пожалуйста, послушайте внимательно,

прежде чем отвечать. Допустим, я уже десять раз говорил, чтобы вы убрались в комнату, и когда мне приходится говорить это в одиннадцатый раз, я раздражаюсь. Тогда вы говорите, что я распоряжаюсь вами. Так почему же я вообще стал об этом вам напоминать? Найдите ответ: почему? Потому ли, что мне хочется выразить свой эгоизм, свое представление о том, что такое порядок, свою идею о том, как вам следует поступать? Когда я говорю: «Ложитесь спать», «Будьте пунктуальны», навязывая вам свою идею, вы отвечаете: «Почему я должен убираться в комнате? И кто вы такой? Это моя комната». Что же в этом случае происходит?

С.: Борьба.

КРИШНАМУРТИ: И что это означает?

С.: Смятение.

КРИШНАМУРТИ: На самом деле это означает, что у вас нет чувства дома. Вы не познаете, согласны? И конфликт существует только тогда, когда вы прекращаете познание. Вы приходите и говорите: «Поддерживайте в комнате порядок». А я слушаю вас, я познаю. Вы, в свою очередь, стараетесь понять, почему вы мне это говорите. Вы следите? Если вы хотите сжечь школу.. помните, что это ваш дом. Если вы не хотите ухаживать за садом, следить за домом, убираться в комнатах, если вы неаккуратно едите, что ж, это ваш дом. Но если кто-то говорит мне: «Не кладите ноги на стол во время еды», я отвечаю: «Не буду спорить», — и это значит, что я познаю.

С.: А если кто-нибудь говорит мне: «Это ваша страна...»

КРИШНАМУРТИ: Нет. Пожалуйста, не преувеличивайте. Речь не идет о «моей стране». Я говорю о доме. Если кто-нибудь обращается ко мне со словами, что это моя страна и ради нее я должен убивать, все это сущий вздор...

С.: Но можно ли познавать также и в этой ситуации?

КРИШНАМУРТИ: Конечно! Познание — это познание.

С.: Да, но в этом случае налицо сопротивление.

КРИШНАМУРТИ: Нет, вы не поняли смысла.

С.: Сопротивление проявляется в том, что я не иду никого убивать.

КРИШНАМУРТИ: Мы говорим о школе, о том, как здесь жить вместе. Если я знаю, как жить и познавать здесь, то я буду знать, что делать, когда правительство или государство скажет: «Иди и убивай». Если же я не умею познавать и жить, я не смогу должным образом на это отреагировать.

С.: Я не совсем понимаю. Если я хожу без обуви и кто-то говорит мне: «Ты должен обуться»...

КРИШНАМУРТИ: Ну, и что тогда происходит? Вы ходите босиком, и тут появляюсь я и говорю: «Пожалуйста, обуйтесь».

С.: Я бы, вероятно, ответил: «Я не хочу».

КРИШНАМУРТИ: Постарайтесь понять, почему я прошу вас об этом. В этом деле две заинтересованные стороны, вы и я, не так ли? Я прошу вас обуться. Почему? Либо я следую традиции, либо хочу распоряжаться вами, либо я вижу, что у вас грязные ноги и вы пачкаете ковер, либо ходить с грязными ногами просто не красиво. Я хочу убедиться, что вы понимаете, о чем я говорю.

С.: Почему бы вам в таком случае не сказать мне об этом?

КРИШНАМУРТИ: Да. Поэтому я вам и говорю. Я не обращаюсь к вам из-за своей ортодоксальности, вы следите? Итак, я объясняю вам все это, а вы начинаете сопротивляться и отвечаете: «Но почему нет? Я ходил босиком дома, почему бы мне не делать этого и здесь?» Потому что это другая страна, другой климат. И люди вокруг вас, соседи, скажут: «Что это за люди там? Почему они ходят полураздетые.» И вы подорвете нашу репутацию. Поймите,

сколько всего с этим связано. Поэтому вас необходимо познать все это, что вовсе не означает, что вы приспособливаетесь к буржуазному обществу.

С.: Я не понимаю. Если вы озабочены тем, что подумают другие, какие-то люди из внешнего мира...

КРИШНАМУРТИ: Я не озабочен. Я живу в этом мире. Что произойдет, если наша школа будет иметь в глазах людей дурную репутацию?

С.: Наверное, будут неприятности.

КРИШНАМУРТИ: Конечно. Вскоре после чего Броквуд придется закрыть. В мире есть очень плохие люди.

С.: И тогда здесь уже не будет столь необходимой нам безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Именно. Поэтому познавайте это! Не говорите: «Почему бы мне не делать то, что хочется, и к черту весь этот внешний мир, он так глуп». Мне необходимо познавать, потому что мне придется жить в этом глупом мире.

Давайте вернемся к нашему вопросу. Как мы, каждый из нас, сделаем это место своим домом? Это ваша работа! Дом, в нашем понимании, это такое место, где вы полны энергии, созидания, счастья, где вы деятельны и бодры, где вы не просто изучаете что-то по книгам.

Последние пятьдесят лет я много путешествую, провожу беседы. Я езжу из страны в страну, одна комната сменяется другой, каждый раз новая пища, своеобразный климат. Но где бы я ни был, любая маленькая комнатка становится моим домом. Вы понимаете? Я дома, я чувствую себя в полной безопасности.

Итак, как вы, начиная с сегодняшнего дня, сможете превратить это место в свой дом? Если вы этого не сделаете, позвольте кому-либо указать вам на это? Если я приду и скажу: «Послушайте, вы же не делаете школу своим домом», будете ли вы меня слушать? Или вы ответите: «Что вы хотите сказать? Это мой дом, и мое понимание «дома» отличается от вашего». Вы истолковываете идею дома по-своему, а я по-своему, и между нами возникает ссора. Но тогда это точно не дом! Интерпретация идеи о том, что в вашем представлении является домом, не создает его самого, для этого необходимо чувство дома, что в свою очередь предполагает определенную уступчивость. Это, однако, не означает, что вы должны принимать авторитет.

Если сюда захочет прийти человек, который скажет: «Все здесь довольно-таки незрелые дети (извините, но это на самом деле так), что здесь происходит?» — и его появление послужит будоражающим фактором. Как вы будете с ним обходиться? Хором скажете: «Давайте голосовать за него. Нам нравятся его лицо, его внешность или еще что-то, и поэтому мы все согласны с его появлением здесь»? Является ли это достаточным основанием, чтобы принять его? Он может оказаться пьяницей; он может быть способен на все что угодно. Как вы будете действовать? Как раз с такими проблемами вы столкнетесь в жизни. Вы понимаете? И как вы их встретите? Слава богу, у меня нет детей, но здесь я все это очень хорошо чувствую. Вы покинете это место, будете брошены к волкам и окажетесь неспособны противостоять всему этому. Вам кажется, что вы все очень умны, но это не так.

Как мы можем жить здесь с мудростью, заботой и любовью, чтобы, когда вы выйдете в общество, вы были готовы к чудовищным вещам, которые там происходят? Как вы принесете порядок в этот дом? Пожалуйста, подумайте над этим серьезно. Что вы будете делать, если, проходя мимо чьей-то комнаты, увидите, что в ней все разбросано на полу?

С.: Соберу все.

КРИШНАМУРТИ: И будете убираться за этого человека каждый день. (Смех)

С.: Я попрошу его убрать свои вещи самому.

КРИШНАМУРТИ: А он не будет!

С.: Тогда нужно сказать ему, почему он должен это делать, напомнить ему об этом.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо. Представьте, что вы напоминали ему об этом уже десять раз!

С.: Надо объяснить ему почему.

КРИШНАМУРТИ: Ладно, вы все мне объясните, но я останусь ленивым. Мне все равно. Я не занимаюсь познанием. Я не слишком развит умственно. Что вы будете делать? Побьете меня? Но я, так же как вы, считаю это место домом. Как вы поступите со мной? Вы не отвечаете! Это ваш дом, и если ваша комната не убрана, значит, разрушается какая-то часть здания. Это все равно что поджечь дом. Что вы будете делать?

С.: Потушу огонь!

КРИШНАМУРТИ: Вы будете тушить его каждый день, а он будет каждый день поджигать? Подумайте об этом, не оставляйте без внимания. Это ваша жизнь! (Пауза) Что вы скажете, что вы будете делать? Это ваш дом, в котором я каждый день пачкаю пол. Как вы поступите со мной?

С.: Проблема заключается в том, что кто-то заботится об этом, а кто-то нет.

КРИШНАМУРТИ: Что вы будете делать?

С.: Выясню, почему это так.

КРИШНАМУРТИ: Да, и я приведу вам тысячу оправданий. Поймите, вы не улавливаете суть. В моей комнате беспорядок, на ковре грязь, я все пачкаю. Что вы будете делать? Вы уже десять раз напоминали мне, но я продолжаю поступать по-своему.

С.: Если между нами нет общения...

КРИШНАМУРТИ: Что вы будете делать? Причем здесь «нет общения»? Вы все пытаетесь найти оправдание. Давайте изменим ситуацию. Представьте себе, что вы несете за это ответственность, что вы директор... что вы будете делать?

С.: Вы уже говорили об этом. Если эта грязь сравнима с огнем, ей не будет конца. Вы либо скажете: «Вы часть этого дома, вы должны о нем заботиться», либо «Нельзя разрушать дом».

КРИШНАМУРТИ: Так как же вы поступите со мной?

С.: Ну, если вы чувствуете, что это ваш дом, вы будете убираться, не так ли?

КРИШНАМУРТИ: Тогда почему я этого не делаю?

С.: (Многочисленные восклицания)

КРИШНАМУРТИ: Углубитесь в это. Вы поймете, как только я прихожу сюда, на вас ложится ответственность за то, чтобы я понял, что значит чувствовать себя как дома. Не надо дожидаться, пока я что-нибудь испорчу. Допустим, что у вас и у меня есть чувство дома. Тогда сделайте так, чтобы кто-то еще почувствовал это, и тогда вы создадите порядок. Но если ни вас, ни меня это не волнует, этот кто-то скажет: «Хорошо, я буду поступать так, как мне нравится».

Поэтому все мы должны создать ощущение, что это наш дом. Миссис Симонс вовсе не должна ходить повсюду, приводить все в порядок и говорить нам, что делать, а что нет. Мы все должны заниматься этим. Знаете ли вы, сколько энергии у вас появится?! Потому что сейчас энергия растрачивается на сентиментальность, повышенную эмоциональность и конфликты. Когда мы ощутим, что это наш дом, в нас появится необычайная жизненная энергия.

С.: Однако согласитесь, что каждый приходит сюда со своим собственным опытом, своими собственными истоками и, следовательно...

КРИШНАМУРТИ: Вы правы. Но все эти люди вместе хотят одного — безопасности.

С.: Да, но это может быть какая-то их особая форма безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Ах, нет, речь ведь не идет о вашей или моей форме безопасности, здесь важно обладать ощущением, в котором нет страха. Это чувство полного единения. То ощущение, когда мы говорим: «Я могу тебе доверять», «Я могу рассказать тебе все о себе». Дело вовсе не в том, что я что-то рассказываю вам по-своему или обладаю своими конкретными особенностями

характера, важно, чтобы я чувствовал себя как дома, чтобы у меня было ощущение полной защиты. Разве вы не знаете, что это такое? Может быть, когда вы покинете школу и вернетесь домой, вы этого не почувствуете?

С.: Все же, когда приезжаешь домой, то это чувствуется. Я думаю? Мне кажется, что в родном доме у меня возникает это чувство. Но там в моей комнате не так уж и аккуратно. И я не знаю почему, приезжая сюда, я должен сразу быть таким опрятным.

КРИШНАМУРТИ: Это не вопрос аккуратности. Дело в ощущении. Как мы уже говорили, человек функционирует гораздо лучше, когда чувствует себя в полной безопасности, но большинство из нас этого не чувствует, потому что мы возвели вокруг себя стену сопротивления, мы изолировали себя. В этой изоляции мы можем чувствовать себя в безопасности, но в любой момент она может быть разрушена. А теперь я задам вопрос: есть ли у вас чувство, что в вас не возникает сопротивления? Не знаю, понимаете ли вы это. Когда мы действительно являемся друзьями, когда я люблю вас, а вы любите меня, — причем это не то чувство, что возникает между полами, вы понимаете, когда мы на самом деле вместе это чувствуем, мы находимся в безопасности, не правда ли? Вы будете защищать меня, а я вас, в том смысле, что мы будем работать вместе, а не сопротивляться кому-то еще. Разве мы не можем так жить? Разве мы не можем создать здесь это ощущение? Ведь иначе, какой во всем этом смысл? Разве в нас не может быть чувства благополучия, заботы, любви? Тогда мы, несомненно, создадим нечто совершенно новое!

Посмотрите, что происходит. Мать растит ребенка. Она окружает его заботой; на протяжении многих месяцев ей приходится вставать в два часа ночи; но когда дети вырастают, их выпускают в мир. Общество проглатывает их и посылает во Вьетнам или куда-нибудь еще. Здесь же может существовать ощущение полной безопасности. И именно вы должны создать его, потому что это ваш дом, ваша мебель, ваши книги, ваша еда, ваш ковер. Вы понимаете?

Я знаю человека, который сказал своей дочери: «Ты выйдешь замуж, и я могу себе представить, что это будет означать. У тебя всегда будут какие-нибудь неприятности, ты будешь ссориться с мужем и так далее. Но здесь у тебя всегда будет комната. Это твой дом». Вы знаете, что произошло? Муж и жена жили очень плохо. Но женщина приходила в эту комнату и успокаивалась. Она отдыхала в ней и была счастлива, хотя бы ненадолго. Я знал эту семью достаточно хорошо.

С.: Но в данном случае женщина обретала покой, только когда она отдыхала в комнате.

КРИШНАМУРТИ: Правильно. Но вы видите, какое значение имело это место.

С.: Когда человек достигает совершенства этого чувства дома, оно остается с ним, где бы он ни был.

КРИШНАМУРТИ: Так начните с этой школы. И тогда вы везде будете чувствовать себя как дома.

С.: Нельзя «достичь» этого раз и навсегда. Это непрерывный процесс.

КРИШНАМУРТИ: Но если вы не знаете этого чувства сейчас, когда вы молоды и не создаете его, то потом будет слишком поздно.

* * *

Знаете ли вы что-нибудь о медитации? Вас интересует секс, не правда ли? Вас интересуют развлечения; вы также проявляете интерес к изучению географии, истории это — случайный

интерес. Вы интересуетесь очень многим, верно? Медитация — это часть жизни; не говорите, что это нечто такое, чем занимаются некоторые глупые людишки из внешнего мира. Это часть существования, поэтому вы должны знать о ней, так же как вы знаете о математике, электронике или о чем-то еще. Вы знаете, что значит медитировать? Словарное значение этого слова — «размышлять», «обдумывать», «исследовать». Поговорим об этом немного?

Когда вы сидите или лежите очень спокойно, ваше тело полностью расслаблено, не так ли? Вы когда-нибудь пытались сидеть очень спокойно, не применяя усилия? Ведь если вы применяете усилие, то все заканчивается. Важно сидеть в полном покое, глаза могут быть закрыты или открыты. Если они у вас открыты, возникает небольшое отвлечение внимания, вы начинаете видеть вещи. Поэтому, посмотрев вокруг, на извилистую линию дерева, на листья, на кусты, внимательно посмотрев на все это, закройте глаза. И тогда вам не захочется сказать себе: «Что происходит? Дай-ка я посмотрю». Прежде всего, посмотрите на все вокруг: на мебель, на цвет стула, на цвет свитера, на очертания дерева. Если вы сделаете это, желание открыть глаза и взглянуть еще раз уменьшится. Я уже видел это голубое небо, закончил воспринимать его, и я больше на него не посмотрю. Но сначала нужно посмотреть. Тогда вы сможете сидеть спокойно. Когда вы сидите или лежите очень спокойно, приток крови к голове осуществляется очень легко, вы согласны? В вас не возникает напряжения. Поэтому говорят, что нужно сидеть, скрестив ноги и держать голову очень прямо, ибо в таком положении кровь циркулирует легче. Если вы сидите согнувшись, кровь поступает к голове гораздо хуже. Итак, нужно сидеть или лежать очень-очень спокойно. Не напрягайтесь, не ерзайте. Если же вы чувствуете беспокойство, наблюдайте за ним, не говорите: «Я не должен». Затем, оставаясь в полном покое, наблюдайте за своим умом. Прежде всего наблюдайте. Не пытайтесь его поправить. Не говорите: «Это хорошая жизнь, а эта плохая», просто наблюдайте. И тогда вы увидите, что существует наблюдатель и наблюдаемое. Существует разделение. И когда есть разделение, существует конфликт.

Способны ли вы наблюдать без присутствия наблюдателя? Существует ли наблюдение без наблюдателя? Ведь именно наблюдатель говорит: «Это хорошо, а это плохо», «Это мне нравится, а это не нравится» или «Лучше бы она этого не говорила», «Мне бы хотелось иметь больше еды».

Попробуйте как-нибудь наблюдать без наблюдателя. Это является частью медитации. Просто начните с этого. Этого достаточно. И вы увидите, что у вас получится, что происходит нечто поразительное... ваше тело становится очень и очень разумным. Сейчас наше тело лишено разума, потому что мы испортили его. Вы понимаете, что я имею в виду. Мы разрушили естественный разум самого тела. И если вы вновь обретете его, вы услышите, как тело говорит вам: «Ложись спать вовремя». Оно хочет этого, оно обладает своим собственным разумом и активностью. Если оно хочет лениться, пусть ленится.

Вы не знаете, что все это значит! Попробуйте узнать. В апреле я вернусь, и мы будем встречаться дважды в неделю и исследовать это, согласны? Хорошо! Мне кажется, вы должны выйти отсюда высоко разумными людьми. Не просто успешно сдать какие-то экзамены, но быть удивительно разумными, все осознающими, прекрасными людьми. По крайней мере, я вам этого желаю.

Три вида энергии. Конфликт и потеря энергии. Действие без конфликта. Встреча ранним утром.

(23 мая 1972)

КРИШНАМУРТИ: Обладает ли человек творческой энергией, и как он может ее высвободить? Вы знаете, что я имею в виду? Когда мы хотим что-то сделать, у нас обычно достаточно много энергии. Если мы очень сильно хотим это сделать, нам ее всегда хватает. Когда мы хотим играть или предпринять длительную прогулку, у нас также есть запас энергии. Энергия используется, когда мы хотим обидеть кого-то. Наш гнев указывает на наличие энергии. Проявлением энергии является также наша бесконечная болтовня.

Так в чем же различие между этой энергией и энергией творческой? Вас это интересует?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: В чем различие, сейчас я просто думаю вслух, так вот, в чем же различие между физической энергией и энергией, возникающей за счет проявлений разногласий, таких как гнев, напряжение, неприязнь? Ведь существует чисто физическая энергия и энергия, порождаемая напряжением, конфликтом, честолюбием. Существует ли еще какой-либо иной вид энергии?

Мы знаем только эти два: удивительная энергия, которой обладает прекрасное, здоровое тело, и энергия, которой человек заряжается во время борьбы, столкновений, конфликтов. Вы замечали это? Великие писатели живут ужасной, несчастной жизнью, полной конфликтов во взаимоотношениях со своими коллегами и вообще окружающими людьми: это направление дает им огромный заряд энергии. И поскольку они обладают определенными способностями, литературным дарованием, эта энергия выражается через их творчество. Вы понимаете все это?

А теперь вопрос: каким видом энергии обладаете вы? Прежде всего, конечно, физической — вы молоды, и у вас должно иметься ее в изобилии. Обладаете ли вы также другим направляющим вас видом энергии, которая связана с ненавистью, гневом, честолюбием, напряжением, конфликтом, сопротивлением? Ибо если я сопротивляюсь, во мне возникает мощная энергия. Я испытываю к вам неприязнь, я нападаю на вас, потому что хочу завладеть чем-то, что принадлежит вам, и это заряжает меня энергией. И за этой энергией всегда стоит какой-то мотив.

Итак, вы видите два типа энергии: это физическая энергия и энергия, возникающая в результате конфликта, сопротивления, страха или стремления к удовольствию. Существует ли какой-либо иной вид энергии? Бывает ли энергия, не подкрепленная никаким мотивом?

Я хочу получить энергию, потому что она мне нужна; и этот стимул, потребность в работе придает мне достаточно энергии, чтобы спрашивать, требовать, пробиваться, проявлять агрессивность.

За всем этим стоит мотив. Когда он присутствует, энергия всегда ограничена. Как только возникает мотив, он начинает действовать как тормоз. Вы улавливаете смысл?

Так обладаете ли вы этим видом энергии, которую всегда сдерживает некий тормоз из-за того, что она подкреплена мотивом? Включайтесь в обсуждение! Я просто думаю вслух. Доводилось ли вам когда-нибудь делать что-то без мотива? Без такого мотива, как страх,

симпатия или неприязнь, желание получить что-то от кого-то, стать таким же хорошим, как кто-то еще? Все это мотивы, побуждающие человека двигаться вперед.

Известно ли вам какое-нибудь действие, не подкрепленное мотивом? Существует ли оно вообще? Мы исследуем. Что вы скажете?

С.: Проблема заключается в том, осознаете вы присутствие мотива или нет, — потому что можно выполнять какое-либо мотивированное действие, но если вы...

КРИШНАМУРТИ: ...не осознаете это, ..

С.: ...то тогда вы...

КРИШНАМУРТИ: Совершенно верно. Итак, вы говорите: «Я могу считать, что действую без мотива, и все же в скрытом виде он будет присутствовать».

С.: Да, или наоборот.

КРИШНАМУРТИ: Или наоборот. Так что не существует в вас самих? Исследуйте, проникните в себя, найдите ответ. Посмотрите на самого себя. Вы знаете, что значит «посмотреть на себя».

Разве вы не смотрите на себя в зеркало, когда причесываетесь? Конечно смотрите, не правда ли? Так что же вы видите? В зеркале вы видите свое отражение, точную копию того, как вы выглядите, если только это не кривое зеркало или оно не разбито. Сможете ли вы взглянуть на себя точно так же, как разглядываете себя в зеркале? Посмотрите на себя без всякого искажения, без искривлений и отклонений. Постарайтесь увидеть себя точно так же, как вы видите себя в зеркале. Только тогда вы поймете, подкреплено ли ваше действие мотивом или нет. Способны ли вы предельно просто и ясно посмотреть на себя, как если бы смотрелись в зеркале. Знаете, сейчас мы говорим об очень сложном явлении. Не уверен, что вы когда-либо делали это; мы исследуем вопрос о том, стоит ли за всеми нашими действиями: приемом пищи в определенное время, пробуждением, за всем, чем бы мы ни занимались, какой-либо мотив. Или в нашем движении есть определенное ощущение свободы?

С.: Что значит свобода движения?

КРИШНАМУРТИ: Это значит просто свободно двигаться, без страха, без сопротивления, без мотива — это значит жить. И понять все это! Мы говорим, что у вас достаточно физической энергии, если вы хотите построить модель самолета, вы это делаете. Обычно на это требуется время, вы исследуете, изучаете, что-то читаете, вы вкладываете в работу свой ум и сердце и строите ее. Для этого требуется очень много энергии. В данном случае мотивом является ваша заинтересованность в создании модели. Возникает ли при этом какое-либо трение, борьба, сопротивление? Вы хотите построить этот самолет. Тут появляюсь я, стараюсь помешать вам и говорю: «Пожалуйста, не глупи, это ребячество, — вы же, в свою очередь, мне сопротивляетесь, потому что вы в этом заинтересованы. Теперь посмотрите, что происходит: сопротивляясь мне, вы впустую растрачиваете энергию, не так ли? И следовательно, у вас остается меньше энергии на строительство модели. Углубитесь в это, не торопитесь, понаблюдайте».

Может ли ваш интерес не ослабеть, даже невзирая на то, что я сопротивляюсь вам и называю вас глупцом. Вы улавливаете смысл? Я хочу отправиться на прогулку, сегодня прекрасный день. Я хочу посмотреть на деревья, послушать пение птиц, увидеть молодые листья, полюбоваться красотой весеннего дня. А вы приходите и говорите: «Пожалуйста, помоги мне на кухне». Что происходит? Мне надоело на кухне, я не хочу вам помогать, потому что заинтересован отправиться на прогулку. Во мне возникает разделение, не правда ли? Разделение же это напрасная трата энергии, вы согласны? Я так хочу отправиться на прогулку, а вы приходите и просите помочь. Как мне следует поступить?

Включайтесь, а то получается, что я провожу все исследование, а вы просто слушаете! Что мне делать? Памятуя о том, что, если я скажу: «На кухне так скучно, и вообще, я хочу пойти

прогуляться», это будет напрасной потерей энергии. Что мне следует делать, чтобы не потратить ее? Давайте, включайтесь в обсуждение! Как мне следует поступить?

С.: Что вы имеете в виду, говоря о потере энергии?

КРИШНАМУРТИ: Сейчас я поясню это на примере. Вы просите меня прийти и помочь вам на кухне. Мне же, на самом деле, хочется погулять. Если я делаю только то, что хочу, и отправляюсь на прогулку, то что тогда делать с вашей просьбой: «Приди и помоги мне»? В связи с этой просьбой у меня возникает чувство вины, это очевидно. «Моя прогулка испорчена», — говорю я. «О господи, мне следовало пойти и помочь ему», — во мне происходит борьба. А это ведет к потере энергии, не так ли?

С.: Вы говорите о конфликте.

КРИШНАМУРТИ: Конфликт — это напрасная трата энергии, не правда ли? Так как же мне поступить, если я знаю, что, уступив вам и явившись на кухню, я начну говорить: «Боже, какой сегодня чудесный день! Ну почему я не на улице?», — а отправившись на прогулку, буду говорить: «Господи, я должен сейчас быть на кухне».

С.: Посмотреть, что еще необходимо сделать.

КРИШНАМУРТИ: Нет, не это. Как бы вы ответили на мой вопрос, чтобы я смог что-то сделать без потери энергии, то есть без конфликта? Вы ведь поняли вопрос? Пожалуйста, Рахаэль, как мне следует поступить? Я не хочу, чтобы во мне происходила борьба. В обоих случаях мне ее не избежать: если я уйду гулять, когда вы попросите меня остаться и помочь, или если я останусь, в действительности испытывая сильное желание погулять. Я хочу сделать что-то без борьбы. Что мне делать при данных обстоятельствах?

С.: Объяснить о своих чувствах человеку, который вас о чем-то просит.

КРИШНАМУРТИ: Зачем?

С.: Чтобы этот человек понял.

КРИШНАМУРТИ: Да, он попросил меня прийти и помочь ему, он хочет, чтобы я ему помог, мало кто любит чистить картошку, поэтому он попросил меня помочь. Могу ли я сказать ему: «Послушай, мне очень хочется отправиться на прогулку: сегодня такой чудесный день, пожалуйста, пойдем вместе»? Но картошку необходимо почистить. Так как же я должен поступить?

С.: Действовать, ответственно и чутко.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите, действовать, не забывая об ответственности, отзывчиво? В данном случае я хочу совершить прогулку, и это тоже моя ответственность. Так что я должен делать?

С.: Откуда вы знаете, что прогулка доставит большее удовольствие, чем работа на кухне?

КРИШНАМУРТИ: За окном — прекрасный день, чудесные облака, пение птиц, что отбивает всякую охоту чистить картошку! Как мне следует поступить! Пожалуйста, дайте поработать клеточкам вашего мозга.

С. (1): То, что вы делаете, не имеет значения, пока вы оставляете все как есть. То есть, сказав, что не собираетесь помогать на кухне, вы отправляетесь на прогулку.

С. (2): Сначала можно пойти на кухню, а после этого погулять. (Смех)

КРИШНАМУРТИ: Если я действительно уйду гулять, меня будет мучать совесть или что-то там еще.

С.: Но если вы поймете всю ситуацию целиком, разве этот конфликт возникнет?

КРИШНАМУРТИ: Что значит «всю ситуацию целиком»? Это кухня, прекрасный солнечный свет и прохлада, и мое желание погулять.

С.: Со мной такое случалось...

КРИШНАМУРТИ: Такое случалось со всеми нами.

С.: Суть в том, что чтобы человек ни делал, в нем все равно возникает конфликт.

КРИШНАМУРТИ: Нет, я не допущу конфликта.

С.: Если я действительно нужен на кухне, то я отправлюсь туда и помогу.

КРИШНАМУРТИ: Вам говорят, что вы нужны, и вы пойдете. Но как же ваша прогулка?

С.: Можно пойти позже? Прогулка от вас никуда не убежит...

КРИШНАМУРТИ: Подождите, появятся огромные тучи, на улице стемнеет. И я скажу: «Ну вот, идет дождь. Почему ты испортил мне прогулку?»

С.: ...Если бы пошел дождь, вы наверное, так или иначе промокли бы. (Смех)

КРИШНАМУРТИ: Как поступить, отправиться на кухню? Или сказать: «Иди к черту, я ухожу гулять»?

С.: Нужно действовать.

КРИШНАМУРТИ: На чем будет основано ваше действие?

С.: Непосредственно на прямой энергии.

КРИШНАМУРТИ: Вы сказали, что будете действовать, — знаете ли вы какое-либо действие, не сопряженное с конфликтом? Я спрашиваю, что вы будете делать в этой ситуации, когда существуют две несовместимые вещи — работа на кухне и прогулка? Вы правильно поняли мой вопрос?

С.: Что порождает конфликт?

КРИШНАМУРТИ: Конфликт заключается в том, что налицо две противоречивые потребности: моя потребность отправиться на прогулку и ваша потребность в моей помощи. Я разрываюсь на две части, не зная, по какому пути пойти. Так что же я должен сделать, чтобы остался только один путь, который бы не вел к конфликту? Вы понимаете красоту этого вопроса?

С.: Когда вы видите необходимость помочь на кухне...

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите, что, осознав необходимость одной потребности, вы отбрасываете вашу. Способны ли вы полностью отказаться от своего очень сильного желания пойти на прогулку и уступить просьбе другого человека? Вы сделаете это?

С.: Если я увижу необходимость этого.

КРИШНАМУРТИ: Можете ли вы отказаться от прогулки и любезно, с легкостью, без малейшего конфликта пойти навстречу его просьбе?

С.: Да, если я вижу опасность конфликта.

КРИШНАМУРТИ: Видите ли вы эту опасность, понимаете ли, что конфликт — это отравка, это напрасная потеря энергии, что он никуда не ведет? И способны ли вы отказаться от своего желания погулять и столь же легко, счастливо пойти на кухню, полностью забыв о своей прогулке? Ибо, если вы не забудете о ней, она постоянной ноющей мыслью будет напоминать о себе, не правда ли?

С.: Несомненно, обстоятельства постоянно что-то требуют, эти требования могут быть выражены явно или нет.

КРИШНАМУРТИ: Суть в этом. И именно это я стараюсь показать вам. Я хочу поваляться в постели, но мне необходимо не опоздать к завтраку. Вы идете на кухню с недовольством, не правда ли? Поэтому я спрашиваю: способны ли вы делать что-либо, не соответствующее вашему желанию, в то же время, оставаясь в таком состоянии, в котором не существует конфликта? Это жизнь, и подобные ситуации возникают постоянно. Кто-то хочет, чтобы я делал что-то одно, а я хочу делать совсем другое. Тогда на меня начинают ворчать, и я сопротивляюсь.

С.: С другой стороны, если все время уступать...

КРИШНАМУРТИ: Если я постоянно уступаю, я становлюсь настоящей тряпкой. Так способен ли я понять, как нужно действовать при наличии противоречащих друг другу

потребностей? Необходимо действие, при котором не возникает трения, недовольства, сопротивления и вражды. Можете ли вы сделать это?

С.: Все зависит от того, насколько велико желание.

КРИШНАМУРТИ: Каким бы сильным оно ни было, ум все равно находится в напряжении.

С.: Я сравниваю две потребности.

КРИШНАМУРТИ: Нет, здесь не сравнение.

С.: Я имею в виду, что, когда я хочу сделать одно, а кто-то просит меня сделать что-то другое, мне приходится сравнивать.

КРИШНАМУРТИ: Нет, это не сравнение. Вы приходите и просите меня помочь, а я хочу отправиться на прогулку, я не сравниваю две возможности.

С.: Я говорю о сравнении, потому что...

КРИШНАМУРТИ: Нет, сравнение происходит, когда я задаю вопрос: «Что в данном случае важнее: моя прогулка или работа на кухне?» Допустим, я говорю: «Работа на кухне важнее». Что тогда происходит? Я оцениваю и основываю свое действие на том, что важнее. Но я не хочу, чтобы мое действие основывалось на этом.

С.: А что если загорается дом?

КРИШНАМУРТИ: Когда дом горит, о прогулке речь уже не идет.

С.: Разве то же самое не происходит в более мелком масштабе, когда вы определяете, что в данный момент необходимо?

КРИШНАМУРТИ: Нет, я не хочу основывать свое действие на неодинаковом отношении, на том, что важно.

С.: Почему?

КРИШНАМУРТИ: Я объясню вам почему. Кто тот судья, который решает, что важно, а что неважно? Я сам, не так ли?

С.: Решают обстоятельства...

КРИШНАМУРТИ: Вы можете считать это важным, а я нет, и следовательно, между нами возникают разногласия. Поэтому я не хочу основывать свое действие на том, что важно.

С.: Разве не существует объективного фактора?

КРИШНАМУРТИ: Важна действительность, факт, а не нечто основанное на важности. Факт заключается в том, что он просит меня пойти на кухню, а я хочу погулять.

С.: Вам, так или иначе, приходится оценивать...

КРИШНАМУРТИ: Исследуйте медленно, осторожно. Это весьма интересно. Итак, если я основываю свое действие на разделении того, что важно, и того, что неважно, мое неодинаковое отношение может оказаться результатом моих предрассудков, моей обусловленности. Поэтому я говорю, что это разделение абсолютно незначительно, потому что оно основано на моей обусловленности, предрассудках, на моем мнении и склонностях. Я не буду основывать свое действие на разделении. Я не буду основывать его на оценке.

С.: Вы говорите об оценке, связанной с моими мыслями. Но разве не существует оценки, которая не окрашена тем, что я думаю?

КРИШНАМУРТИ: Существует, но прежде я хочу подготовить почву для вашего понимания. Я не буду разделять, оценивать, потому что моя оценка может быть основана на моих же предрассудках, склонностях, желаниях, воображении. Я не буду основывать свое действие на собственной оценке. Следовательно, я не буду действовать, основываясь на том, что важно и что неважно. Я собираюсь углубиться в это. Вы следите? Мы вступаем в опасную область. Если вы не понимаете всего достаточно ясно, вы должны остановить меня. В противном случае вы лишь нахватаетесь нескольких слов, скажете: «Это не важно» — и сбросите это на плечи миссис Симмонс. Итак, я понимаю, что если оцениваю что-то, то моя

оценка может быть основана на предрассудках. Но оценка необходима. Когда учитель в своем отчете говорит, что вы не достигли успехов во французском, но очень хорошо занимаетесь по математике, это оценка, только основанная на фактах, а не на ваших предубеждениях. Вы видите разницу? Вам что-то кажется непонятным? Вы в чем-то сомневаетесь?

С.: Это очень сложно, потому что...

КРИШНАМУРТИ: Предположим, что я преподаю у вас итальянский. Очевидно, что я знаю этот язык гораздо лучше вас, иначе я не был бы учителем. И я вижу, что вы не очень хорошо успеваете в итальянском действительно; это не зависит от моих предрассудков, — после шести месяцев изучения вы не в состоянии правильно построить предложения. Это факт. Я оцениваю исходя из этого факта, а не из своих предрассудков. Вы согласны? Это совершенно не похоже на оценку, основанную на том, что важно.

С.: Эта ли оценка имеет место, когда мы выбираем между чаем или кофе?

КРИШНАМУРТИ: Не принижайте это до уровня чая или кофе. Прежде всего, посмотрите на ситуацию. В оценку вовлечено два фактора: предубеждение и факт. Когда я оцениваю, что важно, а что нет, моя оценка может быть основана на предубеждении, а не на факте. И когда кто-то просит меня отправиться на кухню, является ли это фактом или этот человек просто хочет мне досадить? Поэтому я иду туда и смотрю, какова ситуация на самом деле. Если моя помощь действительно необходима, я выполняю работу и забываю об этом, потому что это факт, который требует от меня действия. Вы видите разницу?

С.: В данном случае я понимаю...

КРИШНАМУРТИ: Поймите данный случай и поймите некий общий принцип. Если я оцениваю, разделяя ситуацию на важное и неважное, не исключено, что моя оценка основана на предубеждении. Следовательно, я сомневаюсь в своем собственном решении. Но когда факты требуют оценки, именно они говорят о ценности того или иного предмета. Это различие вам понятно, не правда ли? Разве это не стало для вас абсолютно ясным?

С.: Все действительно абсолютно ясно, когда, с одной стороны, вы имеете какие-то желания, а с другой стороны, вы где-то нужны. Но если ваша помощь требуется в обоих случаях, вы вынуждены выбирать что-то одно.

КРИШНАМУРТИ: Нет, я не буду выбирать.

С.: Вам ведь необходимо действовать — делать или что-то одно, или что-то другое.

КРИШНАМУРТИ: Нет, когда вам приходится действовать, поступая так или иначе, это означает выбор, а следовательно, вы не знаете, что делать, и выбираете более приятный вариант.

С.: Обусловленному человеку чрезвычайно трудно увидеть истину без предубеждения.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, давайте начнем сначала. Я хочу отправиться на прогулку, а вы приходите и просите меня помочь на кухне. Если я спрошу себя, что важнее, моя прогулка или работа на кухне, то я буду оценивать в соответствии с собственными удовольствием, желанием, предубеждением. Поэтому я говорю себе: «Я не буду ничего оценивать. Факты приведут меня к верному действию». И я иду с тем человеком на кухню, чтобы посмотреть, действительно ли факты требуют этого. Факты говорят: «Да», и я забываю обо всем остальном.

С.: Это так, но что если ваша помощь необходима одновременно и на кухне, и, например, в канцелярии?

КРИШНАМУРТИ: Это иная ситуация. Факты подскажут мне, что делать. И тогда я осознаю, что если в своих действиях я руководствуюсь фактами, то не возникает никаких трений. Вы видите красоту этого? Послушайте, вы не такие уж младенцы, ведь верно? Именно факты, а не мои предубеждения являются главным фактором решения, действия.

С.: Если факты и предубеждения равны, то...

КРИШНАМУРТИ: Мое предубеждение и факт — это два различных понятия. Мое

желание, удовольствие, стремление, мои склонности не имеют ничего общего с фактом работы на кухне. Это настолько проясняет наш ум, что выбор между работой на кухне и прогулкой исключается. Факт определяет, что вы должны пойти на кухню, и на этом все заканчивается. Знаете, для этого требуется изрядная доля разума. Человек, который говорит: «Я хочу отправиться на прогулку, и я ухожу — кто вы такой, чтобы звать меня на кухню, вы ведете себя авторитарно, грубо», — просто понапрасну теряет время и энергию. Гораздо лучше, если он скажет: «Пожалуйста, пойдите и попросите об этом кого-нибудь другого, я ухожу гулять». Так было бы гораздо проще, не правда ли? Но мы побаиваемся так отвечать. Вы знаете, я сейчас описал все это, но мои слова не являются фактом.

С.: Я хотел бы подойти к этой проблеме с другой стороны.

КРИШНАМУРТИ: Продолжайте.

С.: Представьте себе такой случай: я занимался учебой 6 или 7 часов, после чего почувствовал необходимость немного передохнуть и погулять. И тут кто-то говорит мне: «Иди и помоги на кухне».

КРИШНАМУРТИ: Что вы сделаете?

С.: Моя потребность в отдыхе — это факт.

КРИШНАМУРТИ: Так что же вы сделаете?

С.: Даже если я пойду на кухню, я не смогу работать там в полную силу.

КРИШНАМУРТИ: Спросите себя, в чем заключается факт. Придерживайтесь фактов.

С.: Факт в том, что я устал.

КРИШНАМУРТИ: Вы устали, и этого вполне достаточно. «Извините, я устал и не могу пойти на кухню» — вот все, что от вас требуется. Но только будьте честными, не притворяйтесь усталым.

Итак, давайте вернемся немного назад. Существует физическая энергия, которой у нас достаточно, потому что мы хорошо питаемся, отдыхаем и так далее. Кроме того, существует психологическая энергия, растрачиваемая нами в конфликтах. И я говорю себе: «Это лишняя трата энергии». Даже несмотря на то обстоятельство, что психологический конфликт порождает напряжение, из которого выделяется энергия определенного вида. И если я обладаю способностями писателя, оратора или художника, я их использую, расходую таким образом психологическую энергию.

Так могу ли я психологически действовать, не расходуя энергии, основываясь на фактах и больше ни на чем? Вы понимаете, о чем я говорю? Имеют значение только факты, а не психологические и эмоциональные предубеждения: «Я должен, я не должен». И тогда в вас появляется гармония души и физического тела. Ваш образ жизни становится гармоничным. Из этого состояния вы способны постичь, существует ли еще один, совершенно иной вид энергии. Но без гармонии духовного и физического, без этой психосоматической гармонии ваше исследование не будет иметь никакого смысла.

Итак, вы все это выслушали. Что вы будете делать со своей жизнью, как вы поступите уже сегодня утром или днем, когда такая проблема возникнет? Она обязательно возникнет и будет ежедневно возникать в вашей жизни: работа на кухне, прогулки, моделирование самолетов, катание на автомобиле. Школа, занятия, желание поваляться в постели. «О боже, обязательно ли вставать так рано?»

Так что вы будете делать дальше? Это зависит от того, как вы слушали. Если вы на самом деле слушали, то начиная с этого момента вы будете действовать основываясь только на фактах — это чудесная вещь, вы еще не знаете всей ее красоты. Опирайтесь только на факты, а не вовлекать в действие весь мир ваших эмоций.

Вы почувствовали какое-нибудь изменение после нашей воскресной беседы о лени? Как вы помните, мы говорили о том, что не следует употреблять слово «ленивый», скорее необходимо понять, почему вам хочется подольше поваляться в постели. Вы углублялись в это? Роза, вы исследовали еще одну проблему нашей воскресной беседы, связанную с тем, что с самого детства наши родители, соседи, друзья причиняют нам боль? Люди причиняют нам боль. Можем ли мы избавиться от нее раз и навсегда? Это не означает сопротивления, это не означает, что мы должны построить вокруг себя стену. Это подразумевает, что мы не должны иметь представления о самих себе. Есть ли у вас образ самой себя?

Способны ли вы просто посмотреть на все это, не привязываясь так сильно к тому, длинные у вас волосы или короткие? Мы здесь постоянно говорим о длинных или коротких волосах — какая пустая трата времени! Вы знаете, что значит быть гибким? Вы когда-нибудь наблюдали за рекой? Наблюдали? Как она огибает камни, как не дает загнать себя в угол, превратиться в какой-нибудь небольшой прудок или лужу и все время движется, движется. И если вы в этом возрасте не будете находиться в постоянном движении, вы попадете в маленький грязный прудок, вами же и созданный, и это будет далеко не река. Образ — это не просто картинка чего-то: умозаключение тоже является образом; умозаключение, что я что-то из себя представляю, что я должен чем-то быть, — все это образ.

Вы знаете, что в Северной Индии существует школа, которую я также посещаю, очень похожая на эту, только она занимает 300 акров (1,5 гектара) земли, там чудесная река Ганг. Школа расположена прямо на ее берегу, поэтому реку прекрасно видно. Эта река на самом деле очень необычна. Она протекает через большой город Бенарес. Можно увидеть, как люди стирают в ней одежду, сжигают тела умерших и сбрасывают их в воду, купаются, пьют, и все это происходит на расстоянии каких-нибудь нескольких метров. Эта река постоянно кишит людьми, она работает, и из-за этого ее воды не загрязняются и ничем не заражаются. Несколько лет назад врачи специально возили эту воду в Швейцарию, чтобы лечить болезни желудка.

Однажды я плыл по Гангу на лодке и, опустив в воду кисть, чтобы почувствовать ее температуру, увидел, как мимо лодки проплывает человеческая рука. Дело в том, что в Индии, особенно в районе Бенареса, существует традиция сжигать тела умершего на берегу реки. Вообще в этой стране людей не хоронят в земле, а кремируют, это гораздо проще и занимает меньше места.

Итак, бедняки приносят тела своих умерших родственников на берег реки, покупают немного дров и поджигают труп. Но у них нет времени, чтобы дождаться, пока тело полностью сгорит, потому что им необходимо спешить назад в деревню. И тогда человек, который торгует дровами, тушит огонь, сохраняя таким образом свой товар, и сбрасывает труп в реку. Затем он продает сэкономленные дрова следующему покупателю. В результате через несколько миль ниже по течению вы можете наткнуться на выброшенное тело.

С.: Сэр, я уверен, что воду Ганга подвергали анализу и обнаружили несколько паразитических особенностей.

КРИШНАМУРТИ: Я знаю, это верно, Священная Река. Поэтому ее и называют священной.

С.: Вчера вечером на нашем школьном собрании мы обсуждали утреннюю встречу и в некоторых вопросах столкнулись с отсутствием ясности.

КРИШНАМУРТИ: Относительно чего?

С.: Я имею в виду встречу до завтрака.

КРИШНАМУРТИ: Что вам было неясно? Зачем вы встречаетесь?

С.: Чтобы побыть вместе.

КРИШНАМУРТИ: Вы целый день находитесь вместе. В той школе в Бенаресе, которую я навещаю, ученики также встречаются каждое утро. То же самое делают и в Риши Вэлли, — для

чего? Вы против этого, так?

С.: Нет, не против.

КРИШНАМУРТИ: Скажите прямо. Вы против? Нет?

С.: Я вовсе не против, я не люблю, когда на меня давят другие...

КРИШНАМУРТИ: Подождите, значит, вам не нравится, когда на людей, и на вас в том числе, оказывают давление. Сейчас я тоже оказываю на вас давление, спрашивая о вашем мнении. Вы можете послать меня к черту, но люди постоянно оказывают давление на вас и друг на друга. Поэтому не надо просто говорить, что вам это не нравится. Ваш отец оказывает на вас давление. То же самое делают общество, книги, которые вы читаете, телевидение, буквально все. Вы хотите сказать: «Мне нравится выбирать виды давления, которые доставляют удовольствие». Вот и все. Так вот, я спрашиваю вас: нравится ли вам встречаться по утрам? Приходить в школу — это давление. Что же вы скажете, вам это не нравится? Давайте будем в этих вопросах откровенны.

С.: Иногда мне это нравится.

КРИШНАМУРТИ: Зачем же вы вообще встречаетесь?

С.: Чтобы познакомиться с различными идеями и выслушать каждого.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо. Другими словами, вы встречаетесь, чтобы послушать других людей. Это является поводом ваших встреч?

С.: У разных людей могут быть различные причины.

КРИШНАМУРТИ: Почему вы все встречаетесь?

С. (1): Чтобы спокойно посидеть.

С. (2): Чтобы побыть вместе.

КРИШНАМУРТИ: Чтобы послушать, что говорят другие, посидеть спокойно, побыть вместе — вы назвали три фактора. Ради этого вы встречаетесь?

С.: Мы собираемся, чтобы набралась аудитория. (Смех)

КРИШНАМУРТИ: Почему вы все сейчас сидите здесь?

С.: Вы — рассказчик, а мы слушатели, мы составляем аудиторию.

КРИШНАМУРТИ: Значит, вы встречаетесь, потому что вы слушатели? Я спрашиваю, почему вы собираетесь здесь?

С. (1): Чтобы вместе обсуждать определенные вещи.

С. (2): Потому что в течение дня мы не обращаем внимания на голоса вокруг.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите: мы хотим побыть в состоянии покоя по утрам, собраться с силами, сконцентрировать внимание, послушать людей — побыть вместе, что-то понять, ощутить коллективность совместного действия, — из-за этого вы приходите?

С. (1): По привычке.

КРИШНАМУРТИ: Вы приходите по привычке?

С. (2): Лично я — нет.

КРИШНАМУРТИ: В чем смысл ваших утренних собраний? Разве не важно по утрам собираться вместе, спокойно сидеть, слушать пение птиц или слушать, как кто-то читает стихотворение — вы читаете стихи? И кстати, вы пишете стихи? Да? Я очень рад, это отлично. Хорошие стихи? (Смех) Разве не стоит по утрам собираться вместе, чтобы побыть в покое, посидеть, послушать чье-то чтение, сосредоточиться?

С.: Так, чтобы все действовали как один.

КРИШНАМУРТИ: Нет, не как один. Я сказал: собраться с силами, чтобы побыть в покое.

С.: Разве это не означало бы, что перед тем как собраться с силами, вы были несобраны?

КРИШНАМУРТИ: Но перед этим вы действительно несобраны.

С.: Но почему?

КРИШНАМУРТИ: Потому что вы всегда находитесь в этом состоянии. Вы что, постоянно собраны? Что происходит, когда вы просыпаетесь утром? Вы торопитесь, принимаете ванну, приводите себя в порядок и так далее. «Ради бога, у меня осталось еще десять минут», — и так вы носитесь целый день.

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Нет? Но вы все разные. (Смех) Мы азиаты, мы встаем рано, но делаем это более медленно. Но некоторые из вас вскакивают, тут же начинают бегать, и это продолжается целый день, не правда ли? Нет?

Это действительно так. Вы целый день бегаєте с урока на урок, на обед, играете, вы все время двигаетесь. И у вас нет времени на то, чтобы осознать себя, побыть в покое, понаблюдать за собой, посмотреть на деревья, на птиц, послушать их пение — у вас нет на это даже секунды. Разве вам не нужен покой? Покой не означает, что вы поднимаете бумажку с пола и смотрите на нее — я говорю об абсолютном покое. Разве вы не находите, что это необходимо? Является ли в этом случае покой привычкой?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Нет, вы не осознаете своего постоянного возбуждения, с которым вы проживаете день; следовательно, когда вы осознаете, что все время движетесь, волнуетесь, разговариваете, читаете, побудьте по утрам все вместе в состоянии покоя. Вы знаете, что происходит, если вы действительно спокойны?

С.: Почему вместе? Я хочу сказать, что покой можно обрести и одному.

КРИШНАМУРТИ: Да, конечно. Я не говорю, что нельзя обрести покой в одиночестве, но когда вы спокойны все вместе, это порождает общее действие. Вы согласны? Разве вы этого не заметили? И тогда, если бы кто-нибудь попросил вас пойти и поработать на кухне, вы бы пошли.

С.: Но за стенами Броквуда мы не можем каждое утро собираться вместе, одной группой или сидеть в покое.

КРИШНАМУРТИ: Я сказал: быть вместе и быть в покое; тогда, если вы читаете что-то, я слушаю, если вы говорите что-то, я слушаю, делая это из состояния покоя, а не из возбуждения. Вы следите? Я слушаю из состояния покоя. И тогда я действительно слушаю, я познаю искусство слушать из состояния покоя. Ради этого я бы пришел на встречу.

Как-то раз я приезжал в один монастырь и остановился там на неделю. Монастырем руководили мои друзья из Калифорнии. Согласно распорядку дня вы должны были вставать в шесть часов, принимать ванну и все прочее. С шести тридцати до семи тридцати все сидели в затемненной комнате, в ней было действительно темно; человек, которому это было поручено, читал отрывок из Брата Лаврентия, из книги «Облако неизвестного» или какой-нибудь другой философской или духовной книги — он читал на протяжении двух или трех минут. Затем все сидели в течение целого часа. Это был небольшой амфитеатр, — вы знаете, что такое амфитеатр: ряды спускающихся вниз ступеней, и каждый человек сидел на одной из ступеней, поставив ноги на следующую. Так все на протяжении часа сидели в полной темноте и медитировали. Таково было требование.

Затем, с 7.30 до 8.00 все вместе готовили завтрак, а с 8.30 до 8.45 мыли посуду и расходились по своим комнатам, чтобы убрать в них, застелить постель и так далее. В 10.30 кто-нибудь устраивал беседу на какую-либо тему, например, из области естественных наук, философии, биологии или антропологии. С 11.30 до 12.30 вновь часовая медитация в той темной комнате. Затем обед. После обеда никто не говорил друг другу ни слова, а с 17.30 люди отправлялись на прогулку или делали что-нибудь в саду, или уходили в свои комнаты, но не разговаривали. С 18.30 до 19.30 медитация в темной комнате и ужин, затем мытье посуды. После того как заканчивался обед и до следующего утра после медитации никто никогда не

разговаривал. Теперь, если вы следили за моим рассказом, мы можем сказать, что подобный распорядок мог бы сформировать привычку, не правда ли, потому что это был обычай, что-то, что нужно было выполнять? Но, к счастью или к несчастью, этот монастырь закрылся.

Если бы я учился или работал здесь учителем, я бы ходил на утреннюю встречу из-за желания несколько минут или полчаса посидеть в покое, не только посмотреть или послушать, что говорят или читают другие люди, но также взглянуть на самого себя. Я хочу понять, к какому виду животных я отношусь, что я за человек, почему я делаю это и почему я делаю то, почему я думаю так, почему во мне возникают желания, — я хочу познать себя. Ибо, когда я знаю себя, во мне возникает великая ясность и я способен мыслить очень ясно, очень просто и непосредственно. Именно этим я бы и занимался на утренних встречах: читал, слушал, а также сидел в покое, старался увидеть, что я собой представляю, увидеть красоту или уродство самого себя, просто увидеть, понаблюдать. И когда встреча заканчивалась, я бы уходил с нее с восторгом в глазах, потому что я что-то понял.

(5 октября 1971)

С.: Не могли бы мы поговорить о чувствительности и внимании по отношению к другим людям.

КРИШНАМУРТИ: Человек всегда стремится к чему-то святому, праведному. Если вы просто добры, чувствительны, вежливы, нежны, заботливы, внимательны к другим, этого недостаточно, в этом нет глубины и жизненной энергии. Пока в вашей жизни не появится что-то действительно святое, что-то обладающее глубиной и удивительной красотой, что-то являющееся источником всего остального, она останется весьма поверхностной. Может быть, вы будете счастливы в браке, у вас будут дети, хороший дом, деньги, вы можете обладать умом, какими-нибудь способностями и стать знаменитым, но без этого аромата святости все в вашей жизни будет подобно призраку.

Видя происходящее в мире, в вашей повседневной жизни постарайтесь открыть для себя что-то действительно истинное, действительно прекрасное, святое, связанное. Если вам это удастся, то ваша вежливость и уважение к другим будут обладать смыслом и глубиной. И тогда, что бы вы ни делали, этот аромат будет всегда с вами. Как вам прийти к этому? Это часть вашего образования: вы ведь должны не только изучить математику, но и открыть что-то для себя.

Для того чтобы увидеть что-либо очень ясно, даже вот то дерево, ваш ум должен находиться в покое, не правда ли? Чтобы увидеть эту картину, я должен на нее посмотреть, но если мой ум при этом что-то бормочет, если он занят мыслями вроде: «Как бы мне хотелось быть сейчас на улице» или «Как жаль, что у меня нет лучшей пары брюк», если мой ум отвлекается, я никогда не смогу увидеть эту картину действительно ясно. Чтобы видеть очень ясно, я должен обладать очень спокойным умом. Прежде всего, поймите логику этого. Чтобы смотреть на птиц, на облака, на деревья, наблюдать птиц, облака, деревья, ум должен быть необыкновенно спокоен для восприятия.

В Индии и Японии существуют различные системы, позволяющие контролировать ум настолько, что он становится абсолютно спокойным. Идея состоит в том, что в этом состоянии вы переживаете нечто неизмеримое. Люди, которые этим занимаются, говорят: главное, чтобы ваш ум был в состоянии покоя, контролируйте его, не позволяйте ему отвлекаться, потому что спокойный ум сделает вашу жизнь необычайно прекрасной. А теперь подумайте: контролируя ум или принуждая его к чему-то, вы его искажаете, не так ли? Если я заставляю себя быть добрым, это уже не доброта. Если я заставляю себя быть вежливым, это уже не вежливость. Поэтому, если я заставляю свой ум сосредоточиться на этой конкретной картине, появляются сильное напряжение, усилие, боль и подавление. А следовательно, такой ум вовсе не является спокойным, вы понимаете? Значит, нам необходимо спросить себя, возможен ли способ, при котором ум обретает покой без какого-либо усилия, без искажения, без фраз типа: «Я должен его контролировать».

Конечно же, возможен. Существует состояние покоя, неподвижности, не связанное ни с каким усилием. Для этого необходимо понимание того, что такое усилие, контроль, подавление. Когда вы это понимаете, не просто на уровне слов, а на самом деле увидите истину этого, то в

самом этом восприятии ум обретает покой. Каждое утро в 8 часов вы собираетесь вместе. Что вы делаете.

С.: Спокойно сидим в комнате.

КРИШНАМУРТИ: Зачем? Продолжайте, давайте обсудим это. Вы что-нибудь читаете?

С.: Иногда да.

КРИШНАМУРТИ: Каков смысл всего этого? Зачем вы каждое утро собираетесь вместе?

С.: Как мне объяснили, это делается для того, чтобы обрести ощущение единства.

КРИШНАМУРТИ: Когда вы спокойно сидите, рождается ли у вас ощущение единства? Вы на самом деле что-то чувствуете? Или это просто идея?

С.: Кто-то чувствует, кто-то нет.

КРИШНАМУРТИ: Почему вы вообще собираетесь? Не молчите, вы ведь совсем не участвуете в обсуждении!

Знаете, что утренние встречи, на которых вы собираетесь вместе, — это удивительная вещь, если делать это правильно. Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над этим. Вы на самом деле сидите очень спокойно? Действительно ли спокойным остается ваше тело?

С.: Нет. Большую часть времени оно беспокойно.

КРИШНАМУРТИ: Почему это происходит? Знаете ли вы, что значит сидеть спокойно? Закрываете ли вы в этот момент глаза? Не молчите! Мне приходится говорить за вас. Что вы делаете? Вы расслабляетесь? Вы действительно находитесь в состоянии покоя?

С.: Иногда мы бываем очень расслаблены.

КРИШНАМУРТИ: Подождите, «иногда» нас не интересует. Это лишь попытка уйти от ответа.

С.: Во время этих встреч я очень спокоен и неподвижен.

КРИШНАМУРТИ: Что вы имеете в виду, говоря «я спокоен»? Вы спокойны физически?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Что это означает? Пожалуйста, послушайте внимательно. Уверены ли вы, что ваша нервная система, тело, глаза абсолютно спокойны? Можете ли вы сказать, что ваше тело нигде не подергивается, что оно неподвижно и что, когда вы закрываете глаза, они также остаются без движения? Состояние покоя означает, что все ваше тело расслаблено, что ваши нервы не напряжены и их ничто не раздражает, что нигде не возникает ни малейшего трения, что физически вы абсолютно спокойны. Вы знаете, что наши глаза находятся в постоянном движении, потому что они всегда на что-то смотрят, следовательно, когда вы их закрываете, следите, чтобы они оставались в полном покое.

Каждый день в восемь утра вы приходите в эту комнату, чтобы посидеть в состоянии покоя и установить гармонию между вашим умом, телом и сердцем. Все происходит утром, для того чтобы это состояние покоя не прекратилось через 10 минут или полчаса, а было с вами на протяжении целого дня. Даже когда вы играете, кричите или о чем-то болтаете, покой не покидает вас и вы всегда ощущаете в себе это спокойное движение, вы следите?

С.: Как это происходит?

КРИШНАМУРТИ: Я объясню вам. Вы понимаете, как это важно? Не спрашивайте «как», главное — увидеть логику, разумность этого. Когда вы по утрам на 10 минут собираетесь вместе, вы сидите абсолютно спокойно. Вы можете что-то читать — отрывок из Шекспира или какое-нибудь стихотворение, и в то же время вы приобретаете покой.

Что происходит, когда вы сидите абсолютно спокойно, без малейшего движения рук или глаз, когда все совершенно неподвижно? Кто-то прочитал стихотворение, и вы его выслушали; по дороге к этой комнате вы смотрели на деревья, на цветы, вы видели красоту земли, вы видели небо, птиц, белок, вы разглядывали все, что было вокруг вас. И вот, посмотрев на все это, вы

входите в комнату; после этого у вас уже не возникает желание еще раз выглянуть на улицу. Мне интересно, следите ли вы за моими словами? Вы больше не разглядываете мир за окном (потому что через некоторое время вы вновь к этому вернетесь), вы закончили с этим действием, очень внимательно посмотрев на все вокруг, перед тем как войти. После этого вы сидите абсолютно спокойно, без единого движения; вы накапливаете покой без какого-либо принуждения. Оставайтесь в состоянии покоя. И тогда, покинув эту комнату, когда вы будете вести урок или наоборот, что-то изучать, вы почувствуете, что этот покой не оставляет вас ни на мгновение.

С.: Разве такой покой не будет вынужденным?

КРИШНАМУРТИ: Вы не поняли. Вы приняли ванну, спускаетесь вниз и смотрите — не просто небрежно бросаете взгляд, а именно смотрите на деревья, на пролетающую мимо птицу, на движение зеленого листа на ветру. На все это нужно смотреть. Важно не просто сказать: «Я видел это», а уделить действию все свое внимание. Вы понимаете, что я говорю?

Итак, перед тем как войти в эту комнату, посмотрите на все с исключительной ясностью, вниманием, заботой. Когда же вы войдете и кто-нибудь будет что-то читать вслух, вы останетесь в состоянии покоя. Понимаете ли вы, что в этом случае происходит? Так как вы на все уже посмотрели, то, когда вы сидите спокойно, это состояние становится естественным и удобным, потому что ко всему, на что вы посмотрели, вы отнеслись с максимальным вниманием. Когда вы сидите спокойно, это внимание не покидает вас, вы не отвлекаетесь, у вас не появляется желания посмотреть на что-то еще. Вы сидите с вниманием, и это внимание есть покой. Вы не способны по-настоящему смотреть, если вы невнимательны, а значит, не спокойны. Не знаю, понимаете ли вы, как это важно?

Это состояние покоя необходимо, потому что действительно спокойный, неискаженный ум способен понять нечто столь же неискаженное, нечто такое, что выходит за пределы мысли. А именно там находится источник всего сущего и берет свое начало.

Поймите, что вы способны на это, не только сидя в комнате, а постоянно: когда вы едите, разговариваете, играете, — во всем этом всегда присутствует чувство внимания, которое вы получили на заре утром. И когда вы делаете это, оно все сильнее и сильнее пропитывает вас. Сделайте это!

С.: Сэр, разве внимание, которое мы уделяем чему-то, не играет более важную роль, чем сидение на одном месте и пребывание в состоянии покоя?

КРИШНАМУРТИ: Как я уже говорил, существует внимание, с которым вы наблюдали птиц, деревья, облака. После этого, войдя в комнату, вы собираете это внимание, усиливаете его — это понятно? И потом это состояние не покидает вас в течение всего дня, даже если вы не обращаете на него внимания. Попробуйте заняться этим уже завтра утром, я собираюсь расспросить вас. Устрою вам экзамен. (Смех) Потому что, когда вы покинете это место, вы должны что-то унести с собой, что-то не связанное ни с индуизмом, ни с христианством, — и тогда в вашей жизни появится святость. (Пауза)

Что вы на это скажете, София? Сейчас я ее разговарю.

С.: Временами мы обо всем этом забываем, и тогда мысль вновь целиком формирует нас.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите следующее: я наблюдала птиц, деревья, зеленые листья, покачивание ветки на ветру, я наблюдала, как искрится светом роса на траве — я делала это с вниманием. И когда я вошла в комнату, я сохранила это внимание. Имеется в виду не внимание к чему-то конкретному, вы понимаете. Там я был внимателен к птице, к листе дерева. Здесь, в комнате, мое внимание не относится к чему-то — я просто внимателен. Затем, когда я нахожусь в состоянии внимания, возникает мысль, не правда ли? «Я не заправил постель», «Я должен почистить ботинки», — вы можете подумать о чем угодно. Так вот, когда мысль появляется, вы следуете за ней. Доведите ее до самого конца, не говорите: «Я не должен об этом думать».

Закончите ее. Когда вы будете заканчивать с одной мыслью, появится новая. Так проследите каждую мысль до конца, и тогда в ваших действиях не будет контроля, не будет ограничения. Пусть даже у меня появится сотня мыслей. Каждый раз я отслеживаю по одной мысли, благодаря чему в уме устанавливается порядок. Не знаю, понимаете ли вы меня?

С.: Где тогда возникает безмолвие?

КРИШНАМУРТИ: В этом случае вам не приходится беспокоиться о тишине, потому что, если появляется мысль, это уже означает, что вы не молчите. Не следует заставлять себя быть спокойным, лучше следуйте неотступно вместе с мыслью.

С.: Есть ли у этого процесса какой-то конец?

КРИШНАМУРТИ: Да, если вы заканчиваете каждую мысль; но если вы не доведете какую-то из них до самого конца, она вернется. Вы понимаете?

Послушайте, вот я выхожу из дома, прохожу мимо лужайки и смотрю очень внимательно на красоту, нежность листвы, наблюдаю за ее движением. Я смотрю на все, что находится вокруг меня, после чего захожу в комнату и сажусь. Вы что-то читаете, и я сижу, находясь в состоянии покоя. Я стараюсь сидеть спокойно, но мое тело вздрагивает, так как у меня есть привычка совершать какие-то движения, поэтому мне приходится следить за ним, я уделяю этому внимание, но не пытаюсь ничего исправить. Невозможно ведь исправить колыхание листвы на деревьях, вы согласны? Аналогичным образом я не хочу корректировать движение своих рук, я внимательно наблюдаю за ним. Когда внимательно наблюдаешь, руки успокаиваются, попробуйте. Итак, я нахожусь в состоянии покоя одну секунду, две, десять, и вдруг внезапно у меня возникает мысль: сегодня днем мне нужно сходить куда-то, я не сделал зарядку, я не помыл ванну. Иногда мысль может оказаться гораздо более сложной: я завидую этому человеку. И сейчас я чувствую эту зависть. В этом случае доберитесь до самого конца и еще раз пристально на все посмотрите. Зависть подразумевает сравнение, соперничество, подражание. Хочу ли я подражать? — следите? Додумайте мысль до самого конца и покончите с ней, не цепляйтесь за нее. И когда так же внезапно возникает другая мысль, вы говорите: «Подожди, я к этому еще вернусь».

Если хотите вести эту игру очень тщательно, записывайте каждую свою мысль на бумаге, и вскоре вы обнаружите, что ваше мышление обретает организованность и покой, потому что вы заканчиваете каждую свою мысль, одну за другой. И когда на следующий день вы придете в эту комнату, чтобы спокойно посидеть, это действительно будет покой. У вас не возникает ни одной мысли, потому что вы уже закончили их; это значит, что вы уже почистили ботинки, помыли ванну и повесили полотенце на место, когда это необходимо. Вы не говорите: «Я не повесил полотенце на место», когда приходит время побыть в состоянии покоя. Каждый раз вы доводите свое дело до конца, поэтому, когда вы приходите в комнату и садитесь, вы удивительно спокойны, вы привносите в свою жизнь необычайно сильное чувство порядка. Не обладая этим порядком, вы не способны к безмолвию, но когда он в вас есть, когда ваш ум на самом деле спокоен, тогда существует подлинная красота и начинается таинство мира. Это и есть истинная религия.

(7 октября 1971)

С.: Я бы хотел предложить тему для обсуждения. Видите ли, я понимаю, что вопрос о пристрастии к чему-то одному и неприятию чего-то другого спорен; у каждого человека есть свои собственные представления о красоте и уродстве. Может ли существовать что-либо красивое или уродливое, если я начисто лишен каких-либо образов?

КРИШНАМУРТИ: Когда нам что-то нравится, имеет ли это что-нибудь общее с понятием — любовь?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Не отвечайте сразу «да» или «нет», исследуйте этот вопрос. Образ ли дает нам ощущение красоты? Не отвечайте, лучше внимательно все изучите. Я вижу какое-то здание и говорю: «Как красиво!» Подумайте, это мое восклицание рождено образом? Или здесь возникает не образ, а восприятие здания, в котором видны пропорциональность, глубина, высокое качество, а также проявляется мастерство его создателей?

С.: У вас есть образ того, что красиво, или того, что вам нравится: вы сравниваете его с чем-то еще. Начинает действовать ваша обусловленность.

КРИШНАМУРТИ: Это верно. Но присмотритесь внимательней, на самом деле проблема гораздо сложнее. Вы видите вот то дерево — можете ли вы сказать, что оно красивое? Если да, то почему вы это говорите, кто вам об этом сказал? Или, может быть, кроме образов от восприятия всего у вас рождается чувство красоты, никак не связанное с деревьями, домами, людьми? Вы понимаете? — чувство красоты, которое не зависит от того, на что конкретно вы смотрите.

С.: Если вы действительно смотрите, это не обязательно будет относиться только к деревьям.

КРИШНАМУРТИ: Вы видите здание и говорите: «Как красиво!» У вас родилась эта фраза, потому что вы сравнили его с другим зданием? Или это одно из знаменитых сооружений, созданных Кристофером Реном или древними греками, и потому вы восклицаете: «Изумительно!» Вам рассказали об этом, вы создали себе образ человека, по проекту которого здание было построено; и вы подчиняетесь правилам игры, потому что все обычно говорят: «Как красиво!» Или у вас все же есть чувство красоты, не зависящее от того, что было или не было создано? Вы поняли мой вопрос?

С.: Чувство красоты не имеет ничего общего с тем, что вы видите.

КРИШНАМУРТИ: Именно. Чувство красоты не имеет ничего общего с тем, что вы видите снаружи, но что такое «чувство красоты»?

С.: Состояние гармонии.

КРИШНАМУРТИ: Вы слишком торопитесь с ответом. Не спешите, исследуйте вопрос. Что такое «чувство красоты»?

С.: Жизненная энергия.

КРИШНАМУРТИ: Все немного сложнее, исследуйте. Как мы только что сказали, у вас есть образ... самого себя, или художника, или какого-то известного человека, этот образ будет

диктовать вам, что считать красивым, в зависимости от культуры, от популярности художника, от известности статуи или картины и так далее. Поэтому имеющийся у вас образ мешает появлению чувства красоты, которое не существует при наличии образа.

С.: Он именно мешает видеть.

КРИШНАМУРТИ: Конечно. Значит, нам не нужны вообще никакие образы. Вы следите? Образ представляет собой наше «я». Когда «я» исчезает, появляется чувство красоты. У вас есть ощущение «я»? Если да, то когда вы говорите: «Это красиво», вы всегда лишь реагируете на собственный образ того, что есть красота, который основан на прочитанных вами книгах, на вашей культуре, на картинах, на музеях, на всем том, что имелось в вашем распоряжении. Вы никогда не скажете: «Как ужасно!», рассматривая картины Леонардо да Винчи; вы никогда не воскликните: «Что за шум!», слушая музыку Моцарта. Это действительно нечто необычайное: не иметь собственного образа, значит обладать чувством удивительной красоты.

С.: Бывает так, что, когда вы слышите какую-то музыку впервые, она не производит на вас впечатления. Но послушав ее несколько раз, вы внезапно или постепенно приходите к тому, что она вам нравится.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, что в этом случае происходит? Предположим, вам не нравится индийская музыка, но вы прослушиваете ее три или четыре раза; после этого вы понимаете, что в ней что-то есть, и не потому, что вам кто-то об этом сказал, а потому, что вы слушаете. Это значит, что вы уделяете слушанию свое внимание.

С.: Но вы и в первый раз уделяли внимание.

КРИШНАМУРТИ: В первый раз она показалась шумом.

С.: У вас уже есть представление о том, что такое западная музыка.

КРИШНАМУРТИ: Вы привыкли к западной музыке и вдруг неожиданно столкнулись с китайской. В первый раз вы не могли слушать ее действительно внимательно, ведь имела место ваша реакция, вы следите? Вот поэтому любой образ, внешний или внутренний, выводит на первый план «я», эго, личность, не давая абсолютно никакой возможности для появления качества и чувства красоты. А это значит, что подлинная страсть ни от чего не зависит и не является причиной чего бы то ни было.

С.: Что если мое чувство красоты говорит мне о том, что не существует различия между красотой солнца или красотой дерева и...?

КРИШНАМУРТИ: Подождите. У меня нет ни одного образа, следовательно, я обладаю чувством, ощущением красоты. И вот я вижу помойку, нищету, грязь. Я вижу обрывок бумаги на дороге. Что происходит? Я поднимаю его. Когда я вижу на дороге мусор, я что-то предпринимаю; будучи членом общества, я действую. Я не говорю: «У меня есть чувство красоты, я этого мусора не вижу».

С.: Мне это понятно. Мое чувство красоты не разрушается тем, что происходит вокруг. Мне незачем закрывать глаза, оно все равно не зависит от того, что я вижу.

КРИШНАМУРТИ: Совершенно верно. Но ваше чувство красоты является в то же время и моим. Нельзя сказать, что это мое чувство красоты или ваше, нельзя также сказать, что оно наше общее. Это красота, чувство красоты. Изучать его необычайно интересно. Гораздо лучше, чем все книги в мире! Впрочем, я не должен это говорить, потому что вам необходимо сдать экзамены!

Что в человеке жаждет самовыражения? Что такое «я»? Что во мне испытывает боль? Оборонительные укрепления стены. Исследование внимания, состояния сознания и чувствительности. Формирование образа.

(27 сентября 1970)

С.: Не могли бы мы поговорить о противодействии и о том, что в момент реагирования мы не замечаем своей реакции, — осознание этого появляется лишь некоторое время спустя?

КРИШНАМУРТИ: Вы все хотите обсудить это? Мне кажется, что мы могли бы выбрать для обсуждения более широкую тему и включить в нее вопрос о реакции. Мы все хотим чего-то достичь, не правда ли?

С.: Что вы имеете в виду под этим словом?

КРИШНАМУРТИ: Разве у вас нет ощущения, что вам бы хотелось выразить себя самыми различными способами: написать стихотворение, носить одежду определенного стиля, кем-то стать в этой жизни?

С.: То, о чем вы говорите — достаточно очевидно, но по сути все гораздо глубже.

КРИШНАМУРТИ: Мы как раз и собираемся углубиться в этот вопрос исследовать эту проблему на более глубоком уровне. Женщина чувствует, что в ее жизни чего-то не хватает, если у нее нет ребенка. Мужчина обычно бывает расстроен, если у него нет работы, если он ничем не занят в жизни. Если вы хотите кем-то стать, а у вас это не получается, вы ведь расстраиваетесь, вы чувствуете разочарование, не так ли? Что в человеке стремится «достичь»? Что стоит за этим его желанием? Кто именно занимается этим достижением чего-то?

С.: Ну, например, это может быть мысль.

КРИШНАМУРТИ: Не знаю, давайте выясним. Если вы говорите: «Да, я так одеваюсь, я так поступаю, я хочу выразить себя», какая часть вашего существа желает самовыражения? Что значит «себя», «я сам»?

С.: Разве это не представление человека о самом себе?

КРИШНАМУРТИ: Я не знаю, что вы имеете в виду, разберитесь в этом сами. Разве вы этого не чувствуете? Или я говорю о чем-то не относящемся к делу? Что вы скажете?

С.: В настоящий момент я не могу сказать о чем-то: «Это мой способ самовыражения».

КРИШНАМУРТИ: Что значит «моя»? Что вы имеете в виду, говоря: «Это мой личный опыт»? Что стоит за всем этим? Что такое «я», которое говорит: «Я должен выразить себя, я должен чего-то достичь»?

С. (1): Наше эго?

С. (2): Это можно назвать реакцией на отсутствие чувства безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Верно.

С. (1): И именно поэтому появляется чувство-ощущение: «Это мой путь».

С. (2): Разве вам не кажется, что вопрос заключается не столько в «моем» или «вашем» пути, а в том, чтобы выяснить, существует ли путь, свободный от воздействия вашего или моего «я»?

КРИШНАМУРТИ: Это возможно только в том случае, если я понимаю, что представляет собой это «я», постоянно выставляющее себя напоказ, постоянно вылезаящее на первый план.

Что это такое? «Мое мнение, мое суждение, моя манера одеваться, мой способ поддержания порядка», — что значит это «я»? Пытаетесь ли вы познать «я»? Хотите ли вы выяснить, что это такое? Имеется очевидное различие между познанием «я» и стремлением выяснить, существует ли «я» вообще.

С.: Прежде чем познавать «я», вы должны убедиться, что оно существует.

КРИШНАМУРТИ: Правильно, чтобы познавать его. Вы видите разницу?

С.: Что значит «вы должны убедиться, что оно существует»?

КРИШНАМУРТИ: Сказав, что «я» существует, тем самым я уже придал ему устойчивость.

С. (1): Наша цель — познать это «я».

С. (2): Я знаю, что оно есть.

КРИШНАМУРТИ: Это означает: у меня есть ощущение, что оно существует; все, что мне нужно, — это познавать «я», то есть изучать способы его самовыражения, его поступки, виды противодействия, потребности и так далее.

С.: Человек чувствует, что «я» действительно существует, что все это на самом деле так. И хотя внешне, на уровне слов я могу утверждать, что своими словами я создаю образ «я», глубоко внутри это чувство, очевидно, порождает «я», поэтому я, возможно, могу наблюдать эти чувства.

КРИШНАМУРТИ: Мы пытаемся выяснить, существует ли «я», которое нам необходимо было бы изучать. Или «я» не существует и, следовательно, когда я говорю: «Я хочу выразить себя», мне следует спросить себя, что это означает? Разве вы не чувствуете «я» важным? Что представляет собой это «я», которое говорит: «Я должен чего-то достичь, я должен кем-то стать, это соответствует моим вкусам, я могу поступать по-своему»?

С.: Может быть, это что-то, к чему я привязываюсь?

КРИШНАМУРТИ: Видите ли, Сара, когда вы говорите «я», тем самым вы уже создаете его, разве не так? После этого вы начинаете сопротивляться всему, что мешает вашему «я».

С.: Почему? Почему мы должны сопротивляться?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, я создал свое «я». «Я являюсь собственным предрассудком, «я» хочу одеваться, следуя определенному стилю, «я» думаю, что именно так следует поддерживать порядок в комнате.

С.: Все это вдалбливают нам еще в детстве.

КРИШНАМУРТИ: Именно «я» чувствует необходимость выразить себя, и если ему это не удастся, оно расстраивается. Нет? Если я скажу: «Послушайте, Сара, мне не нравится, как вы одеваетесь», вы ответите мне, что через одежду вы выражаете себя, что таковы ваши пристрастия в моде. Но прежде чем вы станете утверждать, что вам так больше нравится, что это ваша манера одеваться, подумайте, что представляет собой это «я». Создали ли вы «я», стремящееся к самовыражению?

С.: Что представляет собой «я», которое говорит: «Вам не нравится, как я одеваюсь?»

КРИШНАМУРТИ: Если я говорю вам, что мне не нравится, как вы одеваетесь, что это означает?

С.: Это означает, что вы выражаете мнение.

КРИШНАМУРТИ: Я нахожусь во власти предрассудков? Что во мне говорит: «Мне не нравится, как вы одеваетесь»? Вы отвечаете: «Это соответствует моим вкусам». Налицо два противоречащих друг другу противоположных утверждения. Кто говорит в вас, когда вы объясняете, что вам так хочется одеваться? И что представляет собой это «я», которое говорит: «Так одеваться не следует»? Давайте попробуем разобраться. Может быть, это происходит из-за того, что у меня есть идея, представление о том, что мини-юбки гораздо лучше прочих? А вы говорите: «Мне они не нравятся», потому что предпочитаете длинные юбки и полагаете, что именно их следует носить. Вместе с тем нам приходится жить вместе в одном доме, мы

постоянно соприкасаемся друг с другом. Что мы делаем?

С.: Я придерживаюсь своих идей...

КРИШНАМУРТИ: Не надо теоретизировать, иначе все пропало. Сначала посмотрите на реальные факты, и тогда мы сможем в этом разобраться. Если вы размышляете об этом, то ваше размышление ничем не хуже моего. Что представляют собой эти двое: ваше «я» и мое «я»?

С.: Мы оба обладаем целым складом воспоминаний и опыта, мы развили в себе определенные предпочтения.

КРИШНАМУРТИ: Как вы думаете, эти два «я», постоянно отстаивающие какие-то свои права, находятся во власти предубеждений?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Почему вы так считаете?

С.: Давайте исследуем этот вопрос.

КРИШНАМУРТИ: Давайте. Может быть, я реагирую на свою обусловленность, а вы на свою? К примеру, когда вам нравятся длинные платья, а мне нет.

С.: Ваша манера одеваться является выражением вашей обусловленности.

КРИШНАМУРТИ: Это мое предубеждение или ваше? Столкновение двух предрассудков приводит к взрыву, что-то так или иначе должно произойти. Почему я придаю такое значение тому, как вы одеваетесь? И почему вы сопротивляетесь тому, что я говорю? Почему бы вам не спросить: «Какое это имеет значение?» Почему бы нам этого не сделать? Почему возникает сопротивление?

С.: Я думаю, что в какой-то степени оно возникает из-за того, в какой форме вы высказываете свое недовольство моей манерой одеваться.

КРИШНАМУРТИ: Я могу сделать это грубо или более тактично, но все же почему вы сопротивляетесь?

С.: Потому что, если человека задевают за живое, он автоматически реагирует. Но если сказать: «Послушайте, давайте разберемся, почему вы одеваетесь именно так», то конфликт превратится в спокойное обсуждение, подобное тому, которым мы занимаемся сейчас.

КРИШНАМУРТИ: Да, сейчас мы обсуждаем, но когда наша встреча закончится, давайте об этом забудем, давайте не будем каждый день теоретизировать и разговаривать об одежде: ведь это никого не волнует!

С.: Разве в нашей недавней беседе мы не провели различия между предубеждением и предпочтением? На днях вы говорили...

КРИШНАМУРТИ: Мне безразлично, что я говорил на днях — вам необходимо выяснить все самим. Имеют значение не мои слова, а то, что вы на это скажете? Сара, пожалуйста, ответьте мне: когда я высказываю недовольство вашим платьем, это мое предубеждение? А когда вы отвечаете: «Это моя манера одеваться», это ваше предубеждение?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, тогда что вы понимаете под словом «предубеждение»? — только не повторяйте того, что говорил я.

С.: Предубеждение — это когда у человека есть представление о чем-то и он не хочет его менять.

КРИШНАМУРТИ: Почему он не хочет его менять? Кто продолжает отстаивать это представление?

С.: Мое «я».

КРИШНАМУРТИ: Что представляет собой это «я»?

С. (1): Оно является частью меня, моей обусловленности. Я нахожусь в зависимости от своего «я», ибо без него что я из себя могу представлять?

С. (2): Разве вам не кажется, что понимание себя является частью вашего образования?

С. (3): Вы говорили, что это никого не интересует, — но это действительно волнует нас, и я думаю, что это очень важно...

КРИШНАМУРТИ: Прошу прощения. Совершенно очевидно, что всех вас чрезвычайно заботит то, как вы одеты.

С.: Но почему бы и нет?

КРИШНАМУРТИ: Я не говорю, что это вас не должно заботить. Вас это волнует, вы придаете одежде определенное значение — вот и все. Так в чем же заключается проблема?

С.: Как мне кажется, проблема заключается в том, что нам необходимо научиться не реагировать даже на чьи-либо предубеждения. Возможно, с предубеждением мы ничего поделать не сможем, но представьте, что вы говорите мне: «Мне не нравится, как вы одеваетесь», — в этом случае ваши слова могут возникнуть под воздействием предубеждения, но в действительности это не всегда так. Однако важно не то, что мне необходимо исследовать, а то, что я делаю.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, что вы будете делать? Мы живем с вами в одном доме.

С.: Если я на действительно глубоком уровне не пойму, почему мне не следует так одеваться, если я просто изменюсь, то это будет лицемерием.

КРИШНАМУРТИ: Согласен.

С.: Но я не хочу быть лицемером. Поэтому мне, очевидно, ничего не остается делать.

КРИШНАМУРТИ: Почему мы часто имеем такие непоколебимые мнения о таких банальных вещах?

С. (1): Я думаю, что нас беспокоит не одежда, а наше лицемерие и стремление принять чужие идеи или точки зрения за свои собственные.

С. (2): Почему у вас вообще формируется какое-либо мнение? Получается, что я противостою вашему мнению.

КРИШНАМУРТИ: Продолжайте, Джимми, помогите нам найти выход из положения! И вы все, пожалуйста, не молчите! Она говорит: «Я не хочу быть лицемером», то есть говорить одно, а делать другое.

С. (1): Но почему существует потребность быть лицемерным?

С. (2): Нам необходимо чутко следить за изменяющейся ситуацией, но ведь в одежде не существует обязательного, установленного кем-то стиля.

С. (3): Однако ваша чувствительность отличается от чувствительности кого-то еще.

С. (4): Не бывает чувствительности моей или вашей, она существует как явление совершенно самостоятельное.

С.: Именно это мы и пытаемся выяснить: существует ли такая вещь, как чувствительность, и как ее можно обрести?

КРИШНАМУРТИ: Вы действительно хотите в этом разобраться?

С.: Да, конечно.

КРИШНАМУРТИ: Итак, как быть чувствительным не только к какой-то конкретной проблеме или своим собственным желаниям, но и ко всему, что существует вокруг нас. Что мешает вам обрести чувствительность? Я имею в виду чувствительность к собственным чувствам, а также к чувствам, идеям, мнениям и предрассудкам других людей.

С.: В данной ситуации нет объективности, у каждого из нас свое собственное представление о том, какую одежду следует носить; невозможно оставаться одинаково чувствительным ко всем идеям...

КРИШНАМУРТИ: Итак, необходима чувствительность ко всему, как к внешнему, так и к внутреннему. Почему же вы не чувствительны? Не потому ли, что боитесь пострадать и,

следовательно, начинаете сопротивляться, строить вокруг себя стену, не уставая в то же время повторять: «Я хочу быть чувствительным»? Что вы скажете?

С.: Скорее всего все дело в нашем желании сохранить способность к выполнению функций.

КРИШНАМУРТИ: Если вы предельно чувствительны, вы можете превосходно выполнять какие угодно функции. Можно даже сказать, что чувствительность — это единственный фактор успешного действия. Обладая чувствительностью, вы все делаете быстро, вы приспособливаете себя к ситуации, а не говорите: «Вот это правильно, и я буду этого придерживаться». Умение быстро приспособливаться к любой ситуации — это одна из составляющих чувствительности, не так ли? Причем, как уже говорилось здесь, нелепо разделять чувствительность на мою и вашу.

С.: Кроме того, разве не существует чувствительности иного, более высокого порядка? Другими словами, я могу быть чувствительным к тому, что вы говорите, но есть ведь и нечто большее.

КРИШНАМУРТИ: Конечно, именно это я и подразумеваю.

С.: Мы живем в определенном месте в определенное время и так далее: было бы, к примеру, абсурдно носить в наши дни рыцарские доспехи. Чувствительность необходима в очень многих случаях. Но мы склонны оставаться чувствительными только к самим себе.

КРИШНАМУРТИ: Давайте объединим все в один вопрос. Почему мы не чувствительны? Что мешает нам обрести чувствительность ко всему — к самому себе, ко мне, к сферам объективного и субъективного?

С.: Что мешает нам узнавать друг друга?

КРИШНАМУРТИ: Кто-то сказал, что страх перед возможной болью лишает нас чувствительности, и поэтому мы отступаем. Не является ли этот страх одной из основных причин отсутствия чувствительности? Мы создаем образ о себе, который говорит: «Независимо от ситуации я должен одеваться именно так, потому что я привык к этой одежде».

С.: Мы настолько озабочены своим местом в некоем целом, что совершенно не смотрим на само это Целое.

КРИШНАМУРТИ: Верно. Вы боитесь, что вам причинят боль? Подумайте, чему, какой части вас могут причинить боль? Почему вы этого не хотите, что в вас боится этой боли?

С.: Эго, наше «я».

КРИШНАМУРТИ: Эго? Что такое эго? Что представляет собой та часть нашего существа, которая говорит: «Я не хочу, чтобы мне причинили боль».

С.: Все это — наше прошлое.

КРИШНАМУРТИ: Двигайтесь вперед медленно, шаг за шагом, иначе вы все упустите. Почему вы говорите: «Я не хочу, чтобы мне причинили боль»? Не потому ли, что вам уже доводилось ее испытывать? Что вы скажете? Ранее вы уже ощущали эту боль и поэтому говорите: «Я не хочу повторения боли». В детстве вам причинили боль, вы пытаетесь ее избежать и говорите: «Я не хочу, чтобы мне причинили боль». Не правда ли, это означает, что вам уже было больно раньше, вы храните воспоминание о прошлой боли и не хотите ее повторения. Посмотрите внимательно на фразу: «Я не хочу, чтобы мне причинили боль». «Я» выступает здесь в качестве воспоминания о прошлой боли, и то «я» говорит: «Я должен соблюдать осторожность». Итак, что же происходит, когда вы говорите: «Я не хочу, чтобы мне причинили боль»? Каким оказывается ваш следующий шаг?

С.: Возникает сопротивление.

КРИШНАМУРТИ: Итак, вы сопротивляетесь, не правда ли? И что происходит потом? Наблюдайте за этим, не разговаривайте, смотрите на происходящее. Чтобы никто не причинил вам боль, вы строите стену вокруг себя. Что тогда происходит?

С.: Боль усиливается.

КРИШНАМУРТИ: Я не собираюсь помогать вам. Продолжайте, Джимми. Что происходит, когда я сооружаю вокруг себя стену, чтобы защититься от боли? И вы, и я, и любой человек занимается этим. Что происходит?

С.: Исчезает общение.

КРИШНАМУРТИ: Исчезает общение? Но вы стараетесь что-то делать вместе, стараетесь сотрудничать, одновременно сооружая вокруг себя стену. Это является основой лицемерия. Когда вы говорите: «Я не хочу быть лицемером», в действительности ваши слова означают: «Оставьте меня в покое, не причиняйте мне боль». Вы чувствительны по-своему, а я по-своему, что лишено всякого смысла.

С.: Я хочу понять, а не просто принимать на веру то, что мне говорят.

КРИШНАМУРТИ: Я вижу, что не хочу испытывать боль и строю вокруг себя стену и что вы делаете то же самое, — до тех пор, пока эта стена существует, сотрудничество невозможно. Я говорю о сотрудничестве, но когда я обращаюсь к вам со словами: «Пожалуйста, поймите, что для данного случая такая одежда не подходит», вы отвечаете мне: «Это предубеждение».

С.: В чем состоит особенность, которая требует совершенно определенного стиля одежды?

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, давайте оставим в покое одежду. Вокруг вас существует защитная стена, состоящая из вашего мнения, которое означает: «Я представляю собой именно это, и не выходите за его пределы», — вы сопротивляетесь, потому что не хотите, чтобы вам причинили боль. Вы сооружаете стену из мнений, утверждений и агрессии. Вы лишены гибкости и внутреннего свободного простора.

С. (1): Налицо два фактора — выражающий свое личное мнение человек и объективная ситуация. Эти два фактора удивительным образом перемешиваются. Когда вы говорите, что ситуация в школе диктует какие-то свои условия, все это зависит от того, чем вы занимаетесь здесь, что изучаете и как себя ведете.

С. (2): Как можно отличить реальную ситуацию от нашей личной, ограниченной обусловленностью оценки этой ситуации. К примеру, мы еще не поняли, какова ситуация здесь, в Броквуде.

КРИШНАМУРТИ: На самом деле это очень просто. Ситуация такова, что каждый из нас защищает себя от другого, вот и все. Вы согласны?

С.: Я бы сказал, что этот вопрос гораздо важнее всех остальных вопросов, которые мы обсуждаем.

КРИШНАМУРТИ: Они не имеют особого значения. Когда мы поймем это, все остальное встанет на свои места. Современный мир приучил нас действовать и думать так, как нам хочется. И мы распространяем свою вражду на всякого человека, который говорит: «Все должно быть по-другому».

С.: Я бы не сказал, что нас приучили делать все, что захочется. По-моему, как только мы родились, окружающие нас начали твердить: «Не делайте того, не делайте этого».

КРИШНАМУРТИ: А вы начали этому сопротивляться. Вы убегаете от воздействия окружающих и создаете свои собственные виды сопротивления. Я всего лишь предлагаю, я не утверждаю, что это на самом деле так, по-моему, налицо этот акт сопротивления: вы стоите на своем, я на своем, у каждого имеется справедливое или несправедливое чувство: «Я должен защищать себя». Так что же нам делать? Мы живем небольшим сообществом, и если каждый его член возводит вокруг себя стену сопротивления, как мы будем вместе работать? Знаете, это вечная проблема, которая характерна не только для Броквуда.

С.: Каждому необходимо разрушить свои оборонительные укрепления. Другими словами, нужно отбросить все, что ты думаешь о каких-то конкретных вещах, чтобы увидеть их такими, каковы они есть?

КРИШНАМУРТИ: И что тогда? Я появляюсь, закутанный в какую-нибудь нелепую индийскую одежду, а вы подходите и говорите мне: «Не одевайтесь так, ваша одежда не соответствует для данного случая!» И я сопротивляюсь вам.

С.: Но ведь на это напрасно растрачивается очень много энергии.

КРИШНАМУРТИ: Я согласен с вами, это потеря энергии.

С.: Сэр, не могли бы мы вернуться к вашему примеру с нелепой индийской одеждой. Лично я могу жить с человеком, который носит такую одежду.

КРИШНАМУРТИ: Дело не в том, что вы можете жить с человеком, предпочитающим индийское платье. Способен ли я сохранить чувствительность к ситуации, которая требует совершенно иного стиля в одежде?

С.: Давайте разберемся, почему некая ситуация заставляет нас одевать одежду определенного типа.

КРИШНАМУРТИ: Я приведу вам пример. Вы когда-нибудь видели сари, которые носят индийские женщины? Недавно в Лондоне я обратил внимание на одну индианку, одетую в длинное сари, в Индии сейчас такая мода. Она шла, «подметая» подолом сари грязный тротуар, но совершенно этого не замечала. Как бы вы это назвали?

С.: Значит, для нее это приемлемо.

КРИШНАМУРТИ: Нет, вы не понимаете. Она не осознавала, что «подметает» своим длинным сари асфальт. Она об этом даже не подозревала.

С.: Но так или иначе, в Бомбее на улицах не меньше грязи.

КРИШНАМУРТИ: (Смеется) Вы опять не понимаете главного: она этого совершенно не замечала.

С.: Хорошо, но это ее дело.

КРИШНАМУРТИ: Пожалуйста...

С.: Проблема заключается в том, что ее длинное платье пачкалось, или в том, что она надела индийское сари в Англии?

КРИШНАМУРТИ: Нет, дело не в этом. Я говорю об отсутствии чувствительности у человека, который не осознает того, что он делает. Вот и все!

С.: Но если вы чувствительны к ситуации...

КРИШНАМУРТИ: Именно это я и имею в виду. Речь идет о том, что, если бы та индийская женщина в центре Лондона осознавала то, что она делает, она бы, очевидно, приподняла немного подол своего сари.

С.: Потому что ей бы вряд ли захотелось тратить потом силы на его стирку.

КРИШНАМУРТИ: Нет, не только поэтому, все гораздо глубже. Дело в том, что она совершенно не осознавала ситуацию.

С.: Эта проблема сна и бодрствования.

КРИШНАМУРТИ: Да. Вы говорили: «Почему вас так волнует то, как она ходит или что делает? Она имеет право поступать по-своему». Это неважно. Меня интересует, осознаете ли вы свои действия, не то, как вы одеваетесь, а то, почему вы так одеваетесь. Почему вы придаете такое огромное значение тому, чтобы поступать так, как вам нравится? Проблема ведь заключается в этом, вы согласны?

С.: Вы, хотите сказать, что, как только я начну осознавать свою манеру одеваться, я изменюсь.

КРИШНАМУРТИ: Нет, этого я не говорил. Может быть, вы изменитесь, а может быть, и нет — здесь все зависит от вас. Но я предлагаю вам задать себе вопрос: осознаю ли я это? Важно не просто отдавать себе отчет в том, что на вас надеты брюки, а действительно осознавать, видеть весь смысл этого. Когда я говорю вам: «Сядьте правильно, держите спину прямо», — вы

это осознаете? Сейчас я расскажу вам кое-что довольно интересное. В Индии мальчикам-браминам до семи лет разрешается делать все, что им захочется, они постоянно заняты играми. Когда им исполняется семь, они принимают участие в особой церемонии, во время которой их учат сидеть с закрытыми глазами и абсолютно неподвижно. После церемонии мальчик становится настоящим брамином. С этого дня он должен правильно сидеть и заниматься медитацией; для этого он проходит специальные тренировки. Я рассказываю все это, чтобы показать вам, как нам прививаются привычки, как нас обуславливают. Это можно сказать про большинство из нас. И чтобы разрушить эту обусловленность, вам необходимо осознавать то, что вы делаете. Вот и все.

С.: Значит, нам необходимо избавиться не только от дурных привычек, но и от хороших?

КРИШНАМУРТИ: От всех. Привычка подразумевает обуславливание, механическое повторение, что, конечно же, не имеет ничего общего с чувствительностью. Так осознаете ли вы то, что делаете? Когда я говорю вам: «Пожалуйста, оденьтесь по-другому», — вы воспринимаете мои слова как попытку помочь вам обрести осознание и, следовательно, чувствительность, или вы начинаете этому сопротивляться? Что вы делаете? Чувствительность — значит познание. Я говорю вам: «Джимми, не одевайтесь так». Вы принимаете это как помощь в осознании или сопротивляетесь? Или, может быть, вы чувствуете, что вам причинили боль, и отвечаете мне: «Я ничем не хуже вас; это не более чем ваше мнение», — начиная тем самым словесную перепалку и порождая всю связанную с этим бессмыслицу.

С.: Так где же проявляется наша неверная реакция?

КРИШНАМУРТИ: Необходимо принять во внимание приспособление, подражание, боязнь боли, попытки найти вашу собственную, отличную от моей свободу. Доминик сказал: «Я не хочу задевать тебя, но и не хочу, чтобы ты задевал меня». Осознаете ли вы весь смысл того, что происходит? Если нет, то вы становитесь лицемером. Знаете ли вы, что вам причинили боль, и вы не желаете ее повторения?

С.: Если человек уделяет каждому мгновению все свое внимание, у него не остается времени на то, чтобы запоминать свою боль.

КРИШНАМУРТИ: Нет, это не так. Тем не менее, многие из нас не умеют относиться к каждому мгновению с полным вниманием. Мы запоминаем только боль и свое нежелание ее повторения. Есть ли у вас такие воспоминания? Что вы думаете с ними делать? Понаблюдайте, что происходит, когда вам причиняют эту боль; она реагирует гораздо быстрее вашего рассудка. Боль появляется гораздо раньше, чем ваше стремление разобраться, что-то понять. Поэтому, прежде всего вы должны справиться с ней. Что вы будете делать?

С.: Но эта боль является прошлым.

КРИШНАМУРТИ: Мертвое прошлое?

С.: Именно в таком виде боль реагирует.

КРИШНАМУРТИ: Согласен.

С.: Но у нее нет в этом необходимости.

КРИШНАМУРТИ: Конечно, у нее нет такой необходимости, однако она реагирует. Если вы поймете, как действует весь механизм боли целиком, вы никогда больше ее не ощутите. Знаете ли вы, что такое механизм боли? Выясните это. Всем нам тем или иным способом причиняют боль. Прежде всего, почему мы испытываем ее?

С.: Иногда виной тому оказывается наша гордыня, наши иллюзии.

КРИШНАМУРТИ: Почему возникает гордыня? Чем вы гордитесь? Вы написали книгу? Лучше других играете в теннис или быстрее бегаете? Мы рассказываем о себе что-нибудь подобное и говорим: «Да, я горжусь этим». Что это означает? Вы очень красивы, но тут оказывается, что кто-то красивее вас, и вы чувствуете, что вам этим причинили боль; появляется

ревность, гнев, горечь — верные спутники обиды. Так как же вы поступите со всеми накопленными вами воспоминаниями о боли, которые говорят: «Я не должен допустить, чтобы мне еще когда-нибудь причинили боль»? Что вы будете делать, зная, что боль очень быстро реагирует?

С.: Я бы сказал, что боль на самом деле разрушает иллюзии, и это является подлинным познанием, после чего боль уже не является болью.

КРИШНАМУРТИ: Да, но это всего лишь объяснение. Факт остается фактом: вам причинили боль. Я доверяю вам, но внезапно я обнаруживаю, что вы не оправдали мое доверие: возникает боль. Что стоит за ней?

С.: Моя чувствительность.

КРИШНАМУРТИ: Вы так думаете? Можно ли причинить боль чувствительности?

С. (1): Если только «я» занимает в ней центральное место.

С. (2): В действительности трудность возникает от открытости.

КРИШНАМУРТИ: Именно. А чувствительность — это разум. Когда вы говорите: «Мне больно», что представляет собой «я», которое все время об этом твердит? Хотите ли вы осознать это «я»? Или вы думаете, что здесь нечего познавать? Вы понимаете разницу?

С.: Не могли бы вы еще немного углубиться в этот вопрос?

КРИШНАМУРТИ: Самые разные люди причиняют мне боль по самым разным причинам. Поэтому я сооружаю вокруг себя стену сопротивления, и тут появляетесь вы и говорите: «Изучай ее, наблюдай». Наблюдаю ли я за своим «я», которому причиняют боль, за воспоминаниями? Такое наблюдение приводит к появлению высшего «я» — наблюдателя, которое говорит «Я должен познавать низшее «я». Вы видите ошибочность этого? Вы создаете «я», которое, по вашему мнению, необходимо познавать? Но никакого «я» на самом деле не существует, это всего лишь серия воспоминаний — воспоминаний о пережитой боли. Но вы говорите: «Существует «я», которое я собираюсь познавать». Но что вы хотите познавать? Это всего лишь набор воспоминаний, и познавать здесь совершенно нечего.

С.: Вы хотите сказать, что самопознания не существует?

КРИШНАМУРТИ: Наоборот, это именно то, чем мы сейчас занимаемся — посмотрите, как далеко мы продвинулись в этом самопознании.

С.: В тот момент, когда мы говорим, и я вижу что-то совершенно отчетливо, не возникает никаких проблем. Но впоследствии увиденное мною становится знанием, и мне кажется, что я по-прежнему вижу все совершенно ясно. Тут кто-нибудь приходит и говорит: «Вы ошибаетесь», а я отвечаю: «Неправда, я все вижу», потому что у меня есть воспоминание об этом. Может быть, к ясному видению я стремлюсь только потому, что хочу испытать потом это приятное чувство.

КРИШНАМУРТИ: Это очевидно. Вам причинили боль, вы не хотите ее повторения и потому сопротивляетесь. Что вы будете делать? Зная, что сопротивление препятствует появлению любви, какого бы то ни было сотрудничества, взаимоотношений, что оно мешает общению, как вы с ним поступите?

С.: Необходимо найти такой образ жизни, при котором вы не будете постоянно формировать свой собственный образ.

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, вы уже создали образ; теперь вы должны не допустить, чтобы к нему еще что-нибудь добавилось. Возникают две задачи, не так ли? Не допустить никаких добавлений к образу и, кроме того, излечить и полностью избавиться от самой болезни. С чего вы будете начинать? Вы послушали мои объяснения — и не устанавливаете с услышанным никакой связи, вот и все.

С.: Нужно все время сохранять очень высокую чувствительность.

КРИШНАМУРТИ: И что это означает?

С.: Что нужно ясно понять, какие факторы оказывают на тебя влияние...

КРИШНАМУРТИ: Нет.

С.: Важно остановить боль.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Послушайте, осознавайте все, что вы делаете, думаете и чувствуете.

И если я прошу вас одеться по-другому, не сопротивляйтесь и не вступайте со мной в сражение, пусть мои слова помогут вам что-то осознать. Вам причинили боль, вы возвели вокруг себя линию обороны, но я говорю вам: «Сара, не делайте этого, потому что тем самым вы разрушаете любые формы взаимоотношений с людьми, вы можете остаться несчастной на всю свою жизнь». Интересно, присутствует ли в вашем восприятии моих слов понимание, которое может помочь вам разрушить стену? Или у вас появляется желание ответить: «Нет, кто вы такой, чтобы учить меня, я сам знаю, как мне следует жить». Как вы поступите, зная, что боль и защитные укрепления мешают установлению каких бы то ни было взаимоотношений? Осознаете ли вы, что это в действительности происходит даже сейчас? Что произойдет, если я приду и скажу: «Сара, я думал, что вы красивее, чем вы есть на самом деле»? Вы начнете сопротивляться?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Что же тогда произойдет?

С.: Я буду познавать, но не сопротивляться.

КРИШНАМУРТИ: И как вы потом поступите?

С.: Я постараюсь понять, верно ли то, что вы говорите.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, что это означает? У вас нет никаких умозаключений о себе? Вы согласны, что это именно так?

С.: Да, это имеет место прямо сейчас.

КРИШНАМУРТИ: Возьмите свою боль и внимательно ее изучите. Вы знаете, что значит жить без собственного образа?

С.: Мы можем себе это представить.

КРИШНАМУРТИ: Я, конечно, могу представить себе вкуснейшие блюда, но главное, что я хочу все их попробовать! Прежде всего, мы сказали: «Нам больно»; таким образом, мы на самом деле, сохраняя разум и чувствительность, увидели, что построили вокруг себя стену. Поэтому с нашей стороны было бы лицемерием говорить: «Мы будем сотрудничать, мы сделаем что-то вместе». Это во-первых. И во-вторых, как я могу помешать формированию образов? Ибо если у меня есть образ, ему обязательно будет причинена боль.

С.: Разве мы не создаем также образы и других людей?

КРИШНАМУРТИ: Любой образ, который вы создаете, будь то он ваш собственный или чей-то еще, все равно остается образом. Понимаете ли вы сущность этих двух проблем? Первая из них состоит в том, что мои воспоминания о прошлой боли создают защитную стену; и я вижу, что она мешает установлению каких бы то ни было взаимоотношений. Вторая же проблема выражается в вопросе: может ли ум вообще не создавать больше никаких образов? Что мне делать с прошлой болью, с прошлыми образами? Не молчите, я вижу, что вы почти заснули! Как вы поможете мне избавиться от воспоминаний о моей прошлой боли? Мне нужна ваша помощь, и это означает, что я хочу установить взаимоотношения, в которых ничего этого не будет.

С. (1): Вы поможете мне понять, что я испытываю боль, и увидеть, как моя боль начинает противодействие. Следовательно, мне не достаточно поддерживать с вами только лишь поверхностные отношения.

С. (2): Да, но я хочу показать вам, что мне больно.

КРИШНАМУРТИ: Я хочу освободиться от прошлой боли, потому что я вижу очень здраво, на уровне логики и рассудка, что если ум сохраняет воспоминания о боли, он оказывается отрезанным от всего, что его окружает вместо того, чтобы как-то соприкоснуться с миром, я постоянно чего-то боюсь. Вижу ли я все это действительно ясно? Понимаете ли вы это; видите ли вы это столь же отчетливо, как этот стол или стул? Если да, то это означает, что вы уделяете все свое внимание тому, о чем мы здесь говорим, и наблюдаете за развитием этого в себе. Здесь, сейчас вы действительно это делаете, или вы просто лениво на все смотрите, пока ваш ум блуждает где-то еще? Если вы уделите внимание своей прошлой боли, она, несомненно, исчезнет. После этого возникает следующий вопрос: как вы собираетесь не допустить дальнейшего создания образов? Представьте себе, что я говорю вам: «Какой вы умный и сообразительный человек!» или «Вы такой глупец, вы все время находитесь в каком-то полусне». Как вы поступите? Что вы предпримите, чтобы не допустить мгновенного формирования образа после того, как вы услышите мои слова?

С.: Но вы, со своей стороны, также создаете образ обо мне, когда произносите эти слова.

КРИШНАМУРТИ: Конечно же, называя вас глупцом, я сам оказываюсь им! Но я спрашиваю вас, как помешать формированию любых образов, независимо от того, приятные они или мучительные.

С.: Необходимо очень чутко относиться к процессу их создания.

КРИШНАМУРТИ: Помогите мне понять, как этого можно добиться! Если я скажу вам: «Какой вы милый человек», мои слова мгновенно вызовут у вас какую-то реакцию и повлекут за собой появление образа, не так ли? Так как же не допустить этого?

С.: Образ уже есть, он уже создан — достаточно ли нам просто понять, что мы его создали?

КРИШНАМУРТИ: Нет. Необходимо учитывать две вещи: во-первых, прошлое, и во-вторых, предотвращение появления новых образов. Ведь в противном случае мне вновь причинят боль, а я не желаю этого, потому что хочу жить свободно, не окружая себя стенами. Так что же я должен сделать?

С.: Я хочу понять, почему ваши слова либо тешат, либо больно задевают меня.

КРИШНАМУРТИ: В первом случае всему виной удовольствие, во втором — страх.

С.: В чем состоит основа всего этого?

КРИШНАМУРТИ: Вы находитесь в зависимости от моих слов — я не знаю почему, но это именно так. Однако, дело не в том. Как воспрепятствовать формированию этого образа? Вы хотите это узнать? Чем вы заплатите за это?

С.: Своей жизнью.

КРИШНАМУРТИ: Какова ценность этой жизни? — знаете ли вы, сэр, что это значит? Это значит, что вы на самом деле очень серьезны в своем стремлении отказаться от формирования образа о ком бы то ни было, что бы вам ни говорили. Вы хотите этого добиться? Как бы вы стали это осуществлять? Я скажу вам как. Пусть каждый из вас заплатит мне 10 долларов. (Смех.)

С.: Мы не поняли.

КРИШНАМУРТИ: Пожалуйста, следите внимательно. Я уже сказал, что это очень серьезный вопрос, гораздо более важный, чем получение диплома. Вы платите большие деньги за свое образование, полностью это игнорируя. Без этого жизнь не имеет смысла, а вы даже пальцем не пошевеливаете, чтобы продвинуться в этом направлении. Другими словами, вы даже не затрачиваете сколько-нибудь значительное количество энергии, чтобы что-то понять. Джимми говорит: «Я посвящу поиску всю свою жизнь», и это значит, что он готов пройти весь путь до конца, чтобы что-то понять. Я сказал ему: «Послушайте, Джимми, вам причинили боль, что дает о себе знать самыми различными способами. Боль возникает из-за того, что у вас есть образ о самом себе, который не хочет этой боли». Вы увидели истину этого. Вы готовы

углубиться в проблему, вы поняли заключенную в ней истину и говорите: «Я понял, теперь я знаю, что с этим делать. Когда бы боль ни возникала, я буду все осознавать, буду с предельным вниманием относиться к каждому мгновению в те минуты, когда кто-нибудь скажет мне: «Делай так, и не делай по-другому!» Так почему бы вам не сохранить такое же абсолютное внимание, когда вас называют глупцом? Ведь в этом случае вы не создаете никакого образа. Только когда вы утрачиваете внимание, старая привычка заявляет о себе. Ум говорит: «До тех пор, пока существует какое бы то ни было сопротивление, взаимоотношения не имеют смысла». Я вижу это абсолютно отчетливо, не только на уровне слов — я могу до этого дотронуться, я это чувствую. И я говорю, что сопротивление существует из-за моего нежелания испытать боль. Но почему я испытываю боль? Потому что у меня есть образ о себе, рядом с которым возникает еще один образ, призывающий меня избавиться от первого. Так во мне сталкиваются два образа — «высший» и «низший». Оба они создаются мыслью. И я вижу все это так же ясно и отчетливо, как я вижу опасность. Следовательно, чистота восприятия есть одновременно его действие. И тогда, если я довожу все в этом отношении до самого конца, прошлое никогда больше не возвращается.

С тем же самым вниманием я увижу, что когда вы льстите мне или наносите оскорбление, у меня не возникает образа, потому что в этот момент я предельно внимателен. Будете ли вы этого добиваться? Что бы мне ни говорили, я слушаю, у меня не рождаются фразы вроде «Это предубеждение» или «Это не предубеждение». Я слушаю, потому что мой ум хочет понять, действительно ли он из каждого слова, из каждого своего контакта создает образ. Я необычайно чуток, поэтому в самом себе я обнаруживаю невнимательную, сонную, неповоротливую личность, которая создает образы, испытывает боль, и которая далека от разумного человека. Поняли ли вы это хотя бы на уровне слов? Если да, то воспользуйтесь этим. Тогда вы в любой ситуации сохраните чувствительность, которая сама по себе обладает способностью направлять действие в нужном направлении. И если кто-нибудь к вам с чем-то обращается, вы всегда остаетесь предельно внимательным, но не к предубеждениям, а к своей обусловленности. Следовательно, вы устанавливаете с этим человеком взаимоотношения, которые являются полной противоположностью его отношения к вам. Ибо если он находится в плену у предубеждений, то вы от них свободны; если он что-то не осознает, ваше сознание остается с вами. Поэтому вы никогда не станете создавать образ этого человека. Вы видите разницу? Будете ли вы это делать? Вряд ли вы себе представляете, сколько жизненной энергии это вам дает.

С.: Мне кажется, что мы должны помогать друг другу в осуществлении этого.

КРИШНАМУРТИ: Совершенно верно, это и будет сотрудничеством. Вы помогаете мне, а я помогаю вам. Вы учитесь чему-то у меня, а я учусь у вас не создавать образы.

О чем вы думаете в течение всего дня? Наблюдение за мыслями. Отождествление. Привычки мышления и поведения. Начало и конец мысли.

(19 июня 1971)

КРИШНАМУРТИ: Сегодня утром мы все выглядим ужасно мрачными, не правда ли? О чем вы думаете на протяжении целого дня, и почему вы думаете об этом? Осознаете ли вы свои мысли, или они сменяют одна другую в бесконечном потоке, и никакого осознания не происходит? Если же вы все-таки отдаете себе отчет в своих мыслях, то из какого источника они появляются?

С.: Из прошлого опыта.

КРИШНАМУРТИ: Вы что, цитируете меня? Не следует говорить ничего, что вы сами не знаете, ничего, что вы не додумали, не проработали до конца, иначе вы увязнете в словах и теориях, так что будьте внимательны. Прежде всего, давайте ответим на вопрос, о чем вы целый день думаете? Это ваша личная тайна, или вы можете поделиться ею с другими?

С. (1): Я думаю о самых разных вещах.

С. (2): А я — о людях, которые меня окружают в Броквуде.

КРИШНАМУРТИ: Из чего состоит ядро вашего процесса мышления? Вы знаете, что существует периферийное мышление, которое не имеет особого значения, но нас интересует, что за энергия, что за движение наполняют его центр. Что представляет собой это «я», которое так беспокоится о себе? В центре, в самой сердцевине нашего мышления находится «я». Конечно, на периферийном уровне я думаю о многих различных вещах: о людях здесь, о деревьях, о летящей птице, но все это для меня на самом деле ничего не значит, если только на периферии не происходит кризис, который воздействует на «я», вынуждая его реагировать. Итак, что представляет собой тот центр, из которого возникают наши мысли — что представляет собой «я»? И почему мы постоянно заняты собой? Я не говорю, что это хорошо или плохо, не говорю, что это ужасно, несерьезно или, наоборот, правильно, — но все мы видим, что заняты главным образом собой. Почему?

С.: Потому что мы считаем это важным.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, почему мы придаем этому такое значение?

С.: Когда ты еще ребенок, это необходимо.

КРИШНАМУРТИ: Почему вы так много думаете о себе? Это непростой вопрос. Думать о себе — не такое уж пустяковое дело, в этот процесс обязательно вовлекается образ другого человека, а также ваши симпатии и антипатии; вы думаете о себе, отождествляя себя с другим, верно? Я думаю о человеке, которого только что покинул, или о том, кто мне лично нравится, или о том, с кем я поссорился, или о том, кого я люблю. Таким образом, я отождествил себя со всеми этими людьми, не правда ли?

С.: Что вы имеете в виду под словом «отождествлять»?

КРИШНАМУРТИ: Я люблю вас и устанавливаю тождество между собой и вами. Или я кого-то обидел, а вы встаете на место этого человека и сердитесь на меня за то, что я его обидел. Посмотрите, что происходит: я сказал девушке что-то обидное и неприятное; вы — ее друг, вы отождествляете себя с ней, и в вас возникает гнев на меня. Таким образом, это часть

эгоцентричной деятельности, не так ли? Вы в этом уверены?

С.: Но разве нельзя сказать, что кто-то другой отождествляет себя с вами?

КРИШНАМУРТИ: Так это или нет? Давайте посмотрим. Вы мне нравитесь, нравитесь очень сильно — что это означает? Мне нравится ваша внешность и умение быть хорошим собеседником. Что это значит?

С.: Это значит, что как собеседник я лучше других, и вам нравится проводить со мной время.

КРИШНАМУРТИ: Продвиньтесь немного глубже. Что это значит?

С.: Вы приближаете этого человека к себе и исключаете из общения других.

КРИШНАМУРТИ: Это еще не все, поэтому продолжайте.

С.: С этим человеком приятно находиться рядом.

КРИШНАМУРТИ: С этим человеком приятно быть рядом, а с другим неприятно. Таким образом, мои отношения с вами основываются на удовольствии. Если вы мне не нравитесь, я говорю: «Я уйду!» Забота о себе доставляет мне удовольствие или приносит боль и возбуждает гнев. Поэтому заботиться о себе — это не значит ограничиваться только мыслями о себе и отождествлением себя с тем или иным настроением, человеком или книгой. Как вы думаете, вы тоже занимаетесь этим на протяжении целого дня? Я занимаюсь чем-то второстепенным и в то же время сравниваю себя с вами; все это продолжается постоянно и исходит из какого-то центра.

С.: Человек читает в газете об Индии и, не зная этих людей лично, отождествляет себя с ними.

КРИШНАМУРТИ: Почему я отождествляю себя с людьми, которых убивают и выгоняют из Восточного Пакистана? На днях я видел их по телевизору, это ужасно. Как вы определяете, что отождествляете себя со всеми этими беженцами, что в этот момент чувствуете?

С.: Сострадание.

КРИШНАМУРТИ: Продолжайте, давайте исследуем этот вопрос и ответим на него.

С. (1): Возникает гнев, направленный на тех, кто в этом виноват.

С. (2): Я чувствую огорчение, разочарование, потому что ничего нельзя сделать.

КРИШНАМУРТИ: У вас возникает гнев на людей, которые делают все это, которые убивают юношей и преследуют старух и детей. Вы это имели в виду? Вы ставите себя на их место и резко отвергаете все это. Попробуйте проанализировать, какова структура этого отождествления?

С.: Она двойственная.

КРИШНАМУРТИ: Дальше...

С.: И вы не чувствуете себя в безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Отождествляя себя с кем-то, вы чувствуете, что могли бы что-то сделать?

С.: Даже если рассмотреть только одну сторону проблемы, можно почувствовать, что у тебя есть определенная возможность что-то сделать?

КРИШНАМУРТИ: Представьте, что я выступаю против католичества, что я отождествляю себя с некоей группой антиклерикалов. Это отождествление дает мне возможность почувствовать, что я могу что-то сделать. Но если изучить все на более глубоком уровне, будет ясно, что делает это по-прежнему «я», что оно все так же занято собой. Итак, я отождествил себя с чем-то, что я считаю более великим: с Индией, коммунизмом, католицизмом и так далее. Мы говорим: моя семья, мой Бог, моя вера, мой дом, вы обидели меня — вы следите? В чем причина существования этого отождествления?

С.: Я отделяю себя от остального мира, и когда я отождествляю себя с чем-то большим, это

«что-то» становится моим союзником.

КРИШНАМУРТИ: Да, но почему вы это делаете? Я отождествляю себя с вами, потому что вы мне нравитесь. Я не отождествляю себя с ним, потому что он мне не нравится. И я отождествляю себя со своей семьей, со своей страной, со своим Богом, со своей верой. Так почему же я вообще занимаюсь отождествлением — я не говорю, хорошо это или плохо — меня интересует, что стоит за всем этим?

С.: Внутреннее смятение.

КРИШНАМУРТИ: Вы думаете?

С.: Человек испытывает страх.

КРИШНАМУРТИ: Двигайтесь дальше.

С.: Отождествление служит причиной смятения.

КРИШНАМУРТИ: Вы так думаете? Я сомневаюсь, я задаю вам вопросы, и вы должны отвечать мне тем же. Не принимайте слова на веру, исследуйте все сами. Почему происходит весь этот процесс отождествления? Уверены ли вы в том, что если я ни с кем и ни с чем себя не отождествляю, то во мне появляется разочарование?

С. (1): Я не знаю.

С. (2): Во всяком случае, человек чувствует себя пустым, ему кажется, что он смог чего-то добиться, осуществить.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, продолжайте. Мне грустно, я разочарован, и чувствую себя неудачником, пустым, ни на что неспособным человеком. И я хочу узнать, почему я отождествляю себя с группой людей, с сообществом, с чувствами, представлениями, идеалами, героями и всем прочим, почему?

С.: По-моему, это происходит из-за того, что я хочу обеспечить себе безопасность.

КРИШНАМУРТИ: Да, но что вы имеете в виду под словом «безопасность»?

С.: Один я слаб.

КРИШНАМУРТИ: Не потому ли, что вы не можете оставаться в одиночестве?

С.: Да, человек боится одиночества.

КРИШНАМУРТИ: Значит, вы боитесь одиночества и поэтому занимаетесь отождествлением?

С.: Это не всегда так.

КРИШНАМУРТИ: Но в этом-то как раз и заключается основа, корень проблемы. Почему я хочу отождествлять себя? Потому что в этом случае я чувствую себя в безопасности. Мой мозг хранит воспоминания о людях и каких-то местах, с которыми я могу себя отождествлять. Я вижу, что отождествление помогает мне пребывать в гораздо большей безопасности.

С.: Не знаю, захотите ли вы говорить именно об этом конкретном аспекте проблемы, но если я понимаю, что война во Вьетнаме — несправедливость и если существует группа людей, которая устраивает в Вашингтоне демонстрации протеста против этого убийства, я иду и к ней присоединяюсь.

КРИШНАМУРТИ: Теперь подождите немного. Существует антивоенная группа, и я к ней присоединяюсь. Я отождествляю себя с людьми, которые что-то делают, пытаюсь изменить ситуацию, и за счет этого я тоже что-то делаю; в одиночку я же ничего не могу сделать. Благодаря тому, что я принадлежу к группе, которая организует демонстрации, печатает статьи и говорит: «Это ужасно», я принимаю активное участие в прекращении войны. Это отождествление. Мы не занимаемся поиском его результатов, не определяем, хорошо это или плохо. Нас интересует, почему человеческий ум стремится себя с чем-то отождествить.

С.: Как отличить, когда имеет место действие, а когда — отождествление?

КРИШНАМУРТИ: Я подхожу к этому. Прежде всего, я хочу добиться полной ясности для

себя и через обсуждение понять, почему я должен заниматься отождествлением. И когда это необходимо, я буду отождествлять себя с другими людьми. Другими словами, сначала я должен понять, что такое «сотрудничество». И тогда, если мое объединение и сотрудничество с людьми происходит на действительно глубоком уровне, я буду знать, когда этого не делать. Я не стану искать обходных путей. Не знаю, понимаете ли вы это? Если мне известно, что собой представляет сотрудничество, если мне известно, какая это удивительная вещь — вместе работать, вместе жить, вместе что-то делать — и когда я понимаю все это, я буду знать, когда в сотрудничестве нет необходимости.

Теперь я хочу узнать, почему я отождествляю себя с кем-то. Дело не в том, что мне не следует этого делать, если существует необходимость отождествления в действии, а в том, что, прежде чем выяснить, как действовать и с кем я могу сотрудничать, я хочу понять, почему внутри меня существует это побуждение к отождествлению. Может быть, потому, что мне нужна безопасность? Вы удалены от вашей родной страны, от семьи, и потому отождествляете себя с этим домом, с группой людей, которые здесь живут, чтобы быть в безопасности, под надежной защитой. Отождествление происходит из-за того, что здесь вы чувствуете себя в безопасности. Так может быть, вы занимаетесь отождествлением потому, что незащищены? Это так? Отсутствие безопасности подразумевает страх, неопределенность, неуверенность в мыслях, смятение. Поэтому вам необходима защита — хорошо, когда она есть. Не по этой ли причине вы отождествляете себя с кем-то или чем-то?

Давайте выясним, каким будет в данном случае следующий этап. Во мне существует неуверенность, неопределенность, смятение, страх и ощущение собственной слабости, поэтому я отождествляю себя с какой-то верой. Что при этом происходит?

С.: Я обнаруживаю, что по-прежнему не нахожусь в безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Я отождествил себя с определенными идеологиями. Что происходит?

С.: Я стараюсь, чтобы они обеспечивали мне безопасность.

КРИШНАМУРТИ: Я уже приводил самые разные обоснования этого отождествления: оно целесообразно, реально и так далее. Что происходит, когда я отождествил себя с чем-то?

С.: Возникает конфликт.

КРИШНАМУРТИ: Следите за моими словами. Я отождествил себя с какой-то идеологией, группой людей или отдельной личностью, это стало частью меня. Я должен защищать это, не правда ли? Следовательно, когда моему отождествлению что-то угрожает, я не знаю, что делать, я снова утрачиваю безопасность. Так что же происходит? Я сержусь на любого, кто нападает на мое отождествление или ставит его под сомнение. Что же здесь на самом деле имеет место?

С.: Конфликт.

КРИШНАМУРТИ: Начнем сначала: я отождествил себя с определенной идеологией. Я должен защищать ее, потому что от этого зависит моя безопасность, и я оказываю сопротивление всякому, кто ставит ее под угрозу, то есть, придерживается противоположной идеологии. Таким образом, когда я отождествляю себя с какой-то идеологией, неизбежно возникает сопротивление; я сооружаю стену вокруг того, с чем себя отождествляю. Там же, где существует стена, создается разделение. После чего возникает конфликт. Не знаю, понимаете ли вы все это? Хорошо, так каким же будет следующий шаг? — продолжайте.

С. (1): В чем состоит различие между отождествлением и сотрудничеством?

С. (2): Мне кажется, здесь необходимо более глубокое понимание того, что такое сотрудничество.

КРИШНАМУРТИ: Известно ли вам, что значит сотрудничать, работать вместе? Может ли сотрудничество существовать рядом с отождествлением? Представляете ли вы себе, что мы

имеем в виду под словом «отождествление»? Мы уже достаточно тщательно его рассмотрели. «Сотрудничество» — это значит «совместная работа». Могу ли я работать вместе с вами, если я отождествил себя с одной идеологией, а вы — с другой? Очевидно, что нет.

С.: Но людям приходится работать вместе.

КРИШНАМУРТИ: Вы можете назвать это сотрудничеством?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Важно увидеть, из каких элементов состоит эта проблема. Из-за нашего отождествления с одной и той же идеологией мы работаем вместе, вы ее защищаете и я ее защищаю. Это наша безопасность, поддерживаемая во имя Бога, красоты или чего-то еще. Мы полагаем, что это сотрудничество. Так что же имеет место на самом деле? Возможно ли сотрудничество, когда существует отождествление человека с некоей группой?

С.: Нет, невозможно, потому что при этом возникает разделение. Я обнаруживаю, что между мной и группой существует конфликт, поскольку я продолжаю себя с ней отождествлять.

КРИШНАМУРТИ: Посмотрите внимательно на то, что происходит. Вы и я отождествили себя с этой идеологией. Наше понимание этой идеологии могут оказаться...

С.: ...различными...

КРИШНАМУРТИ: Именно. Если ваше понимание этой идеологии отличается от моего, значит, вы отклоняетесь в сторону, поэтому между нами возникает конфликт. Следовательно, мы оба должны прийти к полному согласию относительно нашей идеологии. Возможно ли это?

С.: Именно это как раз и происходит в школе. Только вы отождествляете себя не с идеологией, а со школой, и у каждого есть свое собственное представление о ней.

КРИШНАМУРТИ: Да, совершенно верно, но почему это так?

С.: Я чувствую, что иногда конфликты здесь возникают по той же самой причине, которую вы упоминали, когда говорили об идеологии. Если вы и я отождествляем себя со школой, нам кажется, что мы сотрудничаем, но на самом деле этого духа сотрудничества не существует.

КРИШНАМУРТИ: Поэтому я и спрашиваю: может ли сотрудничество существовать одновременно с отождествлением?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Понимаете ли вы свои слова? (Смех.) Именно так в этом мире все и происходит. Истинно ли утверждение, что отождествление и сотрудничество несовместимы? Когда открываешь истину этого, сталкиваешься с изумительной вещью. Дело не в вашем и не в моем мнении, главное — истина, действительность. Поэтому нам необходимо понять, что такое сотрудничество. Вы видите, что, если существует отождествление человека с какой-то идеей, вождем, группой или чем-то еще, сотрудничество невозможно. Значит, возникает вопрос: что представляет собой сотрудничество, в котором нет ни малейшего элемента отождествления?

С.: Это действие в ответ на саму ситуацию...

КРИШНАМУРТИ: Я не говорю, что вы неправы, но все же задам вопрос: можем ли мы с вами работать вместе, если думаем по-разному? Если вы озабочены собой, а я собой? Существует и еще одно обстоятельство: зная, что, когда мы думаем только о себе, сотрудничество между нами невозможно, мы стараемся отождествлять себя с какой-либо идеологией, надеясь таким образом установить сотрудничество. Но что собой представляет сотрудничество, если мы не занимаемся отождествлением?

Здесь, в Броквуде, мы все находимся в школе. Мы видим, что когда отождествляем себя со школой, с какой-то идеей, программой, конкретной установкой на то или это, сотрудничество невозможно. Мы также видим, что отождествление является причиной разделения. Что же тогда есть сотрудничество? Как совместная работа, а не работа «над чем-то». Вы понимаете разницу? Таким образом, прежде чем что-то вместе делать, ответьте на вопрос, что такое дух, ощущение

сотрудничества, его суть? Что представляет собой это чувство?

С.: Понимание, состояние полной открытости.

КРИШНАМУРТИ: Давайте продвинемся немного глубже. Мы сказали, что отождествление не есть сотрудничество. Вы полностью в этом уверены? И осознаете ли вы с достаточной ясностью, что сотрудничество не может существовать, когда каждый из нас озабочен только собой? Но вы на самом деле озабочены собой, поэтому в вас нет духа сотрудничества, вы объединяетесь, только когда это доставляет вам удовольствие? Так что же такое сотрудничество? Мы с вами сейчас не играем в игру. Что значит сотрудничать, когда «я» не существует — в противном случае сотрудничество невозможно? Я могу попытаться объединиться с кем-то вокруг некоей идеи, но в этом случае постоянно присутствует «я», которое старается отождествлять себя с тем, что я делаю. Поэтому я должен понять, почему я целый день думаю о себе: о том, как «я» выгляжу, о том, что кто-то лучше, чем я, о том, почему кто-то обидел меня или похвалил. Почему я занимаюсь этим на протяжении целого дня? Причем это продолжается и ночью, во время сна. Я лучше, чем вы, я знаю, о чем я говорю, это мой опыт, вы — глупец, а я — умный. Почему?

С.: Мне кажется, в основном это становится привычкой.

КРИШНАМУРТИ: Что такое привычка?

С.: Это отсутствие осознания.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Меня интересует, что такое привычка, а не как она формируется.

С.: Привычка — это повторение какого-то движения.

КРИШНАМУРТИ: Верно. Почему это движение повторяется? Почему формируется привычка? Если вы будете продвигаться вперед достаточно медленно, то увидите нечто удивительное. Почему мы все либо стрижемся коротко, либо отращаем длинные волосы? Потому что другие так делают.

С.: Это привычка или подражание?

КРИШНАМУРТИ: Посмотрите, что происходит. Сначала вы подражаете другим, а потом говорите, что короткие прически — консерватизм.

С.: Обычай — это тоже привычка?

КРИШНАМУРТИ: Да. При обсуждении этого вопроса я не хотел бы торопиться. Согласитесь ли вы с утверждением, что все наше мышление также является привычкой?

С.: По крайней мере, мы делаем это снова и снова.

КРИШНАМУРТИ: Продолжайте. Проверьте, в чем вы способны разобраться самостоятельно, пока мы рассматриваем всю эту проблему о... привычке в целом.

С.: Говоря о привычке, мы имеем дело с ситуацией, в которой действует старая реакция, я прав?

КРИШНАМУРТИ: Новую ситуацию мы встречаем старыми реакциями. Является ли привычкой отождествление?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Верно, поскольку вы не чувствуете себя в безопасности. Известна ли вам природа того механизма, который способствует формированию привычки? Осознаете ли вы, что все время действуете по привычке? Вы встаете ежедневно в 6 часов утра; верите «всему этому»; курите или не курите; принимаете наркотики — вы следите? Все сводится к привычке — для этого может потребоваться неделя, 10 дней или 50 лет, но так или иначе она формируется. Почему ум предпочитает двигаться по привычной колее? Вы когда-нибудь спрашивали себя, почему у вас есть та или иная привычка, которая является ничем иным, как традицией? Наблюдали ли вы когда-нибудь, как ваш ум работает благодаря привычке?

С. (1): Так работать легче.

С. (2): Жизнь без привычек требует очень больших затрат энергии.

КРИШНАМУРТИ: Я подхожу к этому. Не торопитесь, продвигайтесь вперед постепенно. Я спрашиваю себя: почему ум всегда живет на основе привычки? Я думал о чем-то вчера, я думаю об этом сегодня, и о том же самом я буду думать завтра — может быть, с незначительными изменениями. Так почему же ум это делает?

С.: Человека одолевает вялость.

КРИШНАМУРТИ: Мы говорим, что лень является частью этого. Что еще? С привычками все представляется более легким.

С.: Человек испытывает страх перед неизвестным.

КРИШНАМУРТИ: Я хотел бы достичь еще более глубокого уровня.

С.: Ум боится, что если он перестанет мыслить по привычной схеме, то окажется под угрозой.

КРИШНАМУРТИ: И что это означает?

С.: Ум видит в привычке определенного вида порядок.

КРИШНАМУРТИ: Имеет ли привычка что-нибудь общее с порядком?

С.: С помощью привычки можно выстроить определенную структуру, но это не обязательно будет порядок.

КРИШНАМУРТИ: Таким образом, подобно машине, ум действует по привычке, и тому существует множество различных оправданий. С привычкой легче, она позволяет избежать одиночества, страха перед неизвестным и подразумевает наличие определенного порядка, ведь мы говорим: «Я буду придерживаться только этого и больше ничего». Так почему же ум функционирует, не выходя за рамки привычки?

С.: Такова его природа.

КРИШНАМУРТИ: Но утверждая это, вы прекращаете всяческое исследование. Мы знаем, почему ум действует на основе привычки. Вы действительно это осознаете? Человек с психопатическими наклонностями имеет привычки, которые совершенно не похожи на привычки других людей. Невротик также обладает своими определенными привычками. Мы можем осуждать их, в то же время, не имея ничего против каких-то других привычек. Почему же ум так поступает? Я хочу еще немного углубиться в этот вопрос, я хочу понять, почему ум это делает и может ли ум жить без привычек.

С.: Ум придерживается привычек, потому что чувствует свою индивидуальность.

КРИШНАМУРТИ: Мы говорим об этом: личность, эго, страх, стремление к порядку, лень — все это элементы нашего «я». Может ли ум жить без привычек? Мы не говорим о биологических привычках, о закономерностях функционирования организма, который обладает своим собственным механизмом, своей собственной структурой и своим собственным разумом. Но почему ум так быстро воспринимает привычку? Может ли он жить без привычек? Это вопрос огромной важности. Когда мы говорим, что есть Бог, Спаситель — это привычка. Когда мы говорим, что Спасителя нет, а существует только Государство — это тоже привычка. Таким образом, ум живет на основе привычек. Вы думаете, так он чувствует себя в большей безопасности?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Давайте медленно сделаем еще шаг вперед. Что это означает? Действуя в сфере известного, ум чувствует себя в безопасности. Известное — это привычка, верно?

С.: Даже в этом случае мы все равно говорили, что не чувствуем себя в безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Потому что известное может измениться или исчезнуть или обрести какими-то добавлениями. Но ум всегда действует в сфере известного, поскольку там он чувствует себя в безопасности. Поэтому известное — это привычка, известное — это знание. Я

говорю о знаниях в области науки и техники, а также о знаниях, почерпнутых из моего личного опыта. Во всем этом, несомненно, существует механическая привычка. И вот я задаю вопрос: может ли ум уйти от известного, но не в неизвестное — я не знаю, что это означает, — а в сторону свободы? Может ли он выйти за рамки известного?

Послушайте внимательно. Если мне известно все о двигателе внутреннего сгорания, я могу продолжать экспериментировать в том же направлении, но рамки моего исследования будут ограничены. Я должен найти что-то иное, какой-то иной способ выработки энергии.

С.: Стал бы ум говорить это, если бы хотел сохранить безопасность, которую дает ему известное?

КРИШНАМУРТИ: Сейчас я говорю не о безопасности.

С.: Вы хотите сказать, что необходимо приостановить это непрерывное движение? К примеру, чтобы в области техники произошло нечто новое, должен образоваться разрыв в некоей непрерывной цепи.

КРИШНАМУРТИ: Вы правы. Именно это и происходит. Иначе человек не смог бы изобрести реактивный двигатель, ведь ему было необходимо посмотреть на проблему совершенно иначе. Вы следите? Мой ум всегда действует в сфере известного, определенного, то есть в сфере привычки. Во взаимоотношениях с людьми, в мыслях (которые, кстати, являются реакцией памяти и неразрывно связаны с областью известного) я через известное отождествляю себя с неизвестным. Я спрашиваю: ум должен функционировать в известном, потому что иначе человек не смог бы разговаривать; и все же может ли этот самый ум действовать без каких-либо привычек?

С.: Не задает ли ум этот вопрос из-за того, что действие на основе привычки не приносит ему успеха?

КРИШНАМУРТИ: Я не думаю об успехе.

С.: Но что тогда заставляет ум задавать этот вопрос?

КРИШНАМУРТИ: Мой ум говорит: «Этого не достаточно. Я хочу чего-то большего». Он хочет постичь нечто такое, чего не может найти в сфере известного, он способен лишь расширить эту сферу.

С.: Но ум должен осознать, что существуют ограничения.

КРИШНАМУРТИ: Я осознаю это и говорю себе: я могу действовать в сфере известного, я могу расширить ее или сократить в любом направлении: по горизонтали, по вертикали, — но это всегда будут рамки известного. Мой ум говорит: я все это прекрасно понимаю. Но, обладая любопытством, спрашивает: могу ли я жить и действовать без опоры на привычку?

С.: Этот вопрос чем-то отличается от других?

КРИШНАМУРТИ: Сейчас я говорю о психологии, о внутреннем мире. Очевидно, что вся наша жизнь, вся умственная деятельность и психика представляют собой непрерывную цепь привычек.

С.: Существует ли у вас нечто вроде движущей силы?

КРИШНАМУРТИ: Я создаю этот импульс для познания. Дело вовсе не в том, что он хочет что-то найти.

С.: Я задам очень деликатный вопрос. Мне кажется, что в нем заключено решение нашей проблемы. С вашего позволения он звучит так: почему ум говорит, что видит необходимость в том, чтобы жить без психологических привычек?

КРИШНАМУРТИ: Я не вижу такой необходимости и ничего не утверждаю. Я только говорю, что уже видел, как ум действует в сфере известного, расширяя ее по горизонтали или по вертикали, уменьшая или почти полностью сокращая ее, но неизменно оставаясь в рамках этой области. И мой ум спрашивает, существует ли жизнь, начисто лишенная каких бы то ни было

привычек? Помните, я не знаю, так ли это, и ничего не утверждаю.

Итак, мы возвращаемся к началу нашего разговора: знаете ли вы, о чем думаете в течение целого дня? Вы говорите: да, я думаю о себе, — иногда это хорошо заметно, иногда — нет, но мои мысли постоянно вертятся вокруг «я». Возможна ли любовь, когда ум все время занят собой? Вы говорите: «Нет». Почему?

С.: Потому что если человек постоянно думает о себе, он не может...

КРИШНАМУРТИ: Следовательно, нельзя говорить: «Я люблю тебя», пока вы не прекратите думать о себе. Если человек охвачен честолюбием, желанием соревноваться, подражанием — а ведь все это появляется, когда он думает о себе, — может ли при этом существовать любовь? Нам необходимо найти такой образ жизни, в котором не было бы привычек. Но, несмотря на это, привычку можно использовать, только использовать по-другому, в зависимости от обстоятельства, ситуации и так далее. Можно использовать известное, и я бы не назвал это привычкой. Является ли любовь привычкой? Ведь удовольствие — это привычка, не так ли? Можно ли сказать, что любовь — это удовольствие?

С.: Что вы имеете в виду под словом «любовь», сэр?

КРИШНАМУРТИ: Я не знаю. Я скажу вам, что не есть любовь и что присутствует в вас, если нет любви. Послушайте: любви нет там, где существует известное.

С.: Поэтому сначала человек должен понять, что такое привычка, а потом выяснять, что такое отсутствие привычки.

КРИШНАМУРТИ: Мы ответили на этот вопрос, мы сказали: привычка есть непрерывное действие в сфере известного. Завтрашний день тоже относится к этой сфере. Завтра будет воскресенье и я поеду кататься — мне это известно, я уже обо всем договорился. Могу ли я сказать: «Завтра я буду любить»?

С. (1): Нет.

С. (2): А я могу.

КРИШНАМУРТИ: Что вы имеете в виду? «Я буду любить тебя завтра»?

С.: Мы ведь даем такое обещание.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите о церемонии в церкви? Это означает, что любовь существует в сфере известного, и следовательно, в рамках времени.

С.: Но, полюбив однажды, можно ли внезапно перестать любить?

КРИШНАМУРТИ: Когда-то я вас любил, но сегодня вы мне уже наскучили!

С.: Но если любишь кого-то сегодня, можно же любить его и завтра.

КРИШНАМУРТИ: Откуда вы знаете? Сегодня я вас люблю, но вы хотите быть уверены, что я буду любить вас завтра, поэтому я говорю: «Дорогая, я буду любить тебя завтра».

С.: Это нечто другое.

КРИШНАМУРТИ: Я спрашиваю: есть ли у любви «завтра»? У привычки оно есть, потому что привычка продолжительна и непрерывна. Обладает ли любовь этими качествами? Является ли любовь отождествлением? — Я люблю мою жену, моего сына, моего Бога? Таким образом, вы должны понять — не просто на уровне слов, а на самом деле — процесс, структуру и природу известного целиком, увидеть изнутри всю его протяженность и осознать, что вы всегда действуете в границах этой сферы, что ваше мышление протекает именно здесь. Вы способны постичь завтрашний день, потому что он представляет собой проекцию известного. Чтобы прийти к подлинному пониманию этого, вам необходимо понять все, о чем мы говорили; вы должны знать, о чем вы думаете и почему, а также наблюдать за этим.

С.: Вы можете знать, о чем думаете, но вам не всегда известно, почему вы думаете об этом.

КРИШНАМУРТИ: Да, но это достаточно просто. Я хочу знать, почему я думаю, почему у меня возникает мысль. Вчера я ходил к портному и забыл у него свои часы. Вечером, в поисках

часов я подумал об этом и сказал себе: «Какой же я растяпа, как неосмотрительно с моей стороны было оставить их там, добавив портному дополнительные хлопоты», — все эти мысли пронеслись в моей голове.

С.: Назвав себя неосмотрительным, вы, таким образом, отождествили себя.

КРИШНАМУРТИ: Нет, я всего лишь забыл часы. Это означает, что работники мастерской должны взять на себя дополнительные хлопоты: следить за ними, нести какую-то ответственность — а вдруг их кто-нибудь подберет и оставит себе — и все в таком роде. Я думал об этом, и я знаю, почему это происшествие дало импульс моему мышлению. Я наблюдал за всем потоком моей мысли в целом: человек может отследить начало и конец мысли — вы выглядите довольно озадаченными! — Я обдумал это и могу закончить свою мысль. Я оставил часы у портного, но подумал, что они, наверное, потерялись; я пользовался этими часами долгое время, я заботился о них. Я бы мог их подарить, но не хотел их терять. Тем не менее, часов нет! — с ними покончено. И я больше о них не думаю. Очень важно наблюдать за каждой своей мыслью, осознавать ее! Любая мысль имеет значение, если вы глубоко вникните в нее; в этом случае вы можете отследить зарождение и конец мысли, а не прокручивать ее в уме вновь и вновь.

С.: То есть вы хотите сказать, сэр, что, если человек поймет, почему зародилась та или иная мысль, он сможет увидеть ее конец?

КРИШНАМУРТИ: Нет. Подумайте вот над чем: существует ли некая отдельная мысль, отличная от какой-то другой мысли? Можно ли утверждать, что каждая мысль представляет собой нечто самостоятельное или все они взаимосвязаны? Что вы на это скажете?

С.: Они взаимосвязаны.

КРИШНАМУРТИ: Вы уверены?

С.: Любая мысль возникает на какой-то другой мысли.

КРИШНАМУРТИ: Если я понимаю их взаимосвязь или если я знаю, из какого источника берет начало мышление...

С.: Это очень сложный вопрос.

КРИШНАМУРТИ: Когда человек наблюдает, не отягощая себя желанием найти какой-то ответ, это дает ему безграничное внимание, которое не имеет ничего общего с нетерпением. Если он ведет наблюдение медленно и осторожно, ему открываются все тайны. Если мы поссорились, я не желаю хранить воспоминания, мысль об этом в уме, я хочу покончить со ссорой. Поэтому я приду к вам и скажу: «Простите меня, я не хотел вас обидеть», — и все закончится. Но поступаю ли я так в действительности? Вы многое узнали сегодня утром? Я имею в виду «познание»: что значит познавать?

Противодействие и приспособление. Способны ли мы научить себя целостно встретить жизнь? Ограничение личных симпатий и антипатий. Быть бдительным.

(24 июня 1971)

С.: Мы говорили о том, почему человек не может сказать, что любит кого-то.

КРИШНАМУРТИ: Можем ли мы подойти к этой проблеме с другой стороны? Вы знаете, что такое агрессивность? Это сопротивление, движение против чего-то. В связи с этим возникает вопрос: как вы собираетесь вступить в жизнь, окончив эту школу и получив так называемое образование? Вы хотите, чтобы общество, культура, в которой вы живете, поглотили вас, или собираетесь противостоять им, бунтовать против них, что было бы реакцией, а не целостным действием? Вы начнете легкую жизнь, будете подчиняться, подражать, приспособливаться к модели, какой бы она ни была, будь то институт или какие-либо другие устои и так далее? Или вы станете совершенно другим человеком, который обладает осознанием и понимает, что ему придется столкнуться с несчастьями и противодействием, а следовательно, в жизни не будет легкого пути? Ведь большинство из нас стремятся к легкой, комфортной, беспроблемной жизни, что почти невозможно; и если вы действительно столкнетесь с противодействием, будете ли убегать от него? Мне не нравится это место, эти люди, эта работа, поэтому я ухожу, убегаю отсюда, чтобы заняться чем-то еще, что принесет мне удовлетворение. Подумайте, может быть, для своего собственного удовлетворения вы используете других людей? И не является ли ваша любовь использованием других, будь то в сексуальной сфере, либо в сфере общения, либо для удовлетворения чего-то еще, причем не просто на поверхностном, а на гораздо более глубоком уровне.

Как вы собираетесь встретить все это, ведь такова и есть жизнь? Так называемые образованные люди планеты, окончившие колледж, университет, получают хорошую работу, приспособляются к ней, остаются на этом месте и продвигаются по службе. Но у них существуют свои собственные проблемы и несчастья.

Можно сдать какой-либо экзамен и найти работу или получить техническое образование. Но психологически человек о себе ничего не знает. Он несчастлив, жалок, потому что не может что-то заполучить, ссорится со своим мужем или женой — вы знаете все, что происходит вокруг. И все это очень образованные люди, которые читают книги, игнорируя все целостное пространство жизни. Люди, не имеющие образования, делают то же самое. Вы собираетесь получить образование — я не знаю почему, но ведь собираетесь — а что потом? Будете вести спокойную жизнь. Я не хочу сказать, что человек должен отказаться от удобства, но если он стремится к этому, его жизнь становится довольно дешевой, мелкой, и человеку приходится в значительной степени приспособливаться к структуре культуры, в которой он живет, а если он восстает против культуры и присоединяется к какой-нибудь группе единомышленников, такая группа также обладает своей собственной моделью, к которой необходимо приспособиться.

Мы видим, что большинство людей в мире хотят безопасности, надежности, покоя, стремятся потворствовать своим желаниям и слабостям, вести жизнь, в которой они не встречаются со слишком уж сильным противодействием — такую жизнь, где они приспособляются внешне и в то же время восстают против приспособления, где они внешне

респектабельны, а внутренне бунтовщики, где у них есть работа, жена, дети и ответственность — но их ум хочет чего-то гораздо большего и они не удовлетворены, они мечутся от одного к другому. Понимая все это, видя не просто какой-то один фрагмент, одну часть, а всю картину целиком, ответьте на мой вопрос: что вы все собираетесь делать? Или это вопрос, на который вы в вашем возрасте ответить не можете? Может быть, вы слишком молоды, у вас свои интересы и все, что к ним относится, может подождать.

С.: Человек знает, чем бы он хотел заняться.

КРИШНАМУРТИ: Вы знаете, чем вы хотите заняться?

С.: Я знаю, чем я бы хотел заняться.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите: чем я хотел бы? Я бы хотел стать королевой Англии! Или величайшим деятелем в той или иной области, но я не могу. Я не обладаю необходимой способностью. Поэтому, когда вы говорите, что хотели бы заняться чем-то, что принесет вам удовольствие, удовлетворение, того же самого хотят все: удобства, удовлетворения. «Я хочу заняться именно этим, потому что, делая это, я чувствую себя счастливым». А когда вы встречаете противодействие на этом пути, вы не знаете, что делать, и пытаетесь его избежать. Знаете, это действительно очень трудный вопрос, не так уж просто сказать, чем бы вы хотели заняться. Это очень сложный вопрос, поэтому я говорю, не прошу ли я от вас слишком много? Или в вашем возрасте вы уже начинаете задумываться о том, что хотите делать не только в следующем году, но и во всей будущей жизни?

С.: Мы не такие уж маленькие.

КРИШНАМУРТИ: Я не знаю. Я не знаю, большие вы или маленькие. Вы должны ответить на этот вопрос, а не я. Я задаю вам его, чтобы вы поискали ответ.

С.: Некоторые из нас уже слишком взрослые. Мы уже сформированы, мы уже приобрели какой-то опыт и все прочее, что сделало нашу жизнь ужасно скучной.

КРИШНАМУРТИ: Знаете, на днях мы говорили о том факте, что мы постоянно думаем о себе. А когда вы думаете о себе, разве ваши мысли не вертятся обычно вокруг того, что приносит вам величайшее удовольствие? «Я хочу сделать это, потому что это принесет мне огромное удовлетворение». Так как же вы встретите все это? Разве вы не согласны, что образование — это не только изучение истории, географии, математики и всех остальных предметов, но и познание той области, в которой вам самому придется открыть, как жить в этом ужасном мире — разве это не является частью образования? Как бы вы могли приступить к самообразованию в той области, которая готовит вас к встрече с этой жизнью? Вы ждете, что кто-нибудь будет учить вас, как вас учат математике и другим предметам?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Нет? Вы уверены? Если никто не будет учить вас психологическому, внутреннему способу жизни, как вы сможете это сделать? Как вы будете обучать себя? Вы знаете, что происходит в мире? Не говоря уже о войнах, бойнях, уродствах и ужасах, которые происходят вокруг, есть люди, которые думают, что что-то знают, и пытаются обучать вас — я не имею в виду мир техники: это очевидно, просто и основано на фактах.

Недавно по телевидению выступал один епископ, утверждая, что знание о Боге есть любовь, и без этого знания нельзя жить, жизнь становится бессмысленной. Вы следите? Перед нами настойчивое утверждение известного епископа, или кем бы он там ни был, я выслушал его и сказал: «Я познаю, я хочу понять. Я хочу быть образованным». Его объяснения достаточно разумны, а вы смотрите на его воротничок, на его одеяние или на его берет и говорите: «А, так это же священник, старый человек, повторяющий то, что мы уже слышали», — для вас его слова ничего не значат, и вы больше не слушаете его. После этого появляется человек и предлагает вам модель жизни (пожалуйста, слушайте все это), которая кажется разумной, логичной, и под

влиянием его личности, того, как он выглядит, одевается, ходит — вы знаете все эти приемы — вы говорите: «Да, в нем что-то есть», и вы его слушаете. Через сам этот факт слушания вы обуславливаетесь тем, что он говорит, не правда ли?

С.: Это зависит от того, как слушать.

КРИШНАМУРТИ: Если вы не знаете, как слушать того епископа, вы скажете: «Очень разумно, он говорит, что мы живем так уже 2 тысячи лет. Жить со знанием о Боге — это правильный путь». Я слушаю его, что-то в его речи трогает меня, и я принимаю его. Я подвергаюсь его влиянию. Точно так же я подвергаюсь влиянию человека, который говорит: «Делайте так, и вы получите просветление». Таким образом, на меня воздействуют со всех сторон. Что же мне делать? Я хочу сам обучить себя, потому что прекрасно вижу, что никто не даст мне образование в этой сфере. Ибо эти люди никогда не занимались образованием самих себя, они никогда не проникали в себя, чтобы изучить, исследовать, что-то найти, что-то рассмотреть и понаблюдать, они всегда лишь приспособлялись к модели. И они стараются научить меня, как жить внутри этой модели, будь то малая модель дзен-буддизма, христианства или коммунизма; эти люди ничему не научились в той области, о которой мы говорим, хотя они могут быть весьма искусны в дискуссиях и великолепно разбираться в диалектике. Итак, поскольку никто не собирается помогать мне в занятиях внутренним самообразованием, с чего я должен начать? Я вижу, что если не сделаю этого, то стану односторонним человеком. Я могу прекрасно писать очерки и получить степень — что дальше? Я все равно пренебрегаю всем остальным, что есть в моей жизни. Поэтому как мне обучить себя, достичь зрелости в той области, где лишь очень немногие люди взяли на себя труд что-то исследовать? Или они сделали это и начали навязывать свое мышление другим людям, не помогая им самостоятельно найти ответ. Не знаю, видите ли вы это. Вы понимаете, о чем я говорю? Фрейд, Юнг, Адлер и другие психоаналитики, проникшие в эту область, открывшие ряд фактов, проследившие, что все поведение человека зависит от обусловленности детства и так далее, разработали определенную модель, сейчас вы можете исследовать в этом направлении и получить дополнительную информацию, но это не будет вашим самопознанием. В этом случае вы изучаете предмет, пользуясь суждениями кого-то еще. Так как вам начать это? Зная, что такое жизнь и что происходит в мире: войны, вражда, политики, священники, хиппи с их элементами философии, наркоманы, создатели общин и ненависть между различными классами. Все это мы видим во внешнем мире; внутри же люди честолюбивы, жадны, завистливы, жестоки, полны насилия, они эксплуатируют друг друга. Это факты, я не преувеличиваю.

Теперь, когда я вижу все это, что же мне делать? Должен ли я приспособиться к некой модели, что меня успокаивает, что я как раз и хочу сделать, что станет для меня осуществлением чего-то? Если сейчас, когда вам по пятнадцать, шестнадцать, двадцать или, может быть, двадцать пять лет, в вас нет особой искры, пламени, то в пятьдесят вам будет очень тяжело. Тогда вам будет гораздо сложнее измениться. Итак, что мне делать? Как я должен встретить все это, смотреть на это, слушать весь этот ужасный шум мира? — священники, специалисты, умники, рабочие, постоянно продолжающиеся забастовки. Должен ли я выбрать какой-то конкретный шум, который мне больше нравится, и следовать за ним до конца жизни? Что я должен делать? Это сложная проблема, решить ее не просто.

С.: Я хочу экспериментировать.

КРИШНАМУРТИ: Экспериментировать?

С.: Чтобы вещи открылись мне.

КРИШНАМУРТИ: Послушайте, что я скажу. «Видя все это, я не знаю, что делать. Не зная, что делать, я собираюсь найти легкий выход из положения — обычно я так и делаю». Не обманывайте себя. Это чрезвычайно сложная проблема.

С.: Но найти легкий выход из положения, тем не менее, не реально.

КРИШНАМУРТИ: Подождите, я в этом далеко не уверен. Я сталкиваюсь со всем этим; с ужасным шумом, криками, толкотней, которая происходит вокруг, и обнаруживаю, что существует легкий выход из положения — я становлюсь монахом. Именно это происходит в некоторых частях света, потому что люди больше не доверяют политикам, ученым, специалистам и священникам. Они говорят: «Я собираюсь уйти от всего этого и стать уединившимся монахом с кружкой для пожертвований». Так делают, например, в Индии. Или, не зная, что делать, люди предоставляют все судьбе. Вы знаете, что это означает? — изо дня в день продолжать вести себя подобным образом, ни о чем не беспокоясь. Или, если вы должны найти выход, вы принуждаете себя или присоединяетесь к группе, которая помогает, что обладает огромными преимуществами. Это вы все собираетесь делать? Если бы у меня в этой школе учился сын или дочь, меня бы как родителя это беспокоило, я бы чувствовал сильную озабоченность. Броквуд это тоже беспокоит — для меня это очень важно. Вы все можете пойти в колледжи и университеты, получить степень и работу. Но это слишком просто, этот выход из положения также ничего не решает. Поэтому, если бы у меня был сын или дочь, я бы задал вопрос: «Как они получают образование в той области, к которой они сами не проявляют интерес?» И другие люди не знают, как помочь им понять эту огромную сферу жизни, которая до сих пор игнорируется.

Таким образом, я знаю, что бы я сделал, в том смысле, что я бы сказал сыну или дочери: «Прислушайся ко всему этому, прислушайся к шуму, который наполняет мир, не вставай на чью-либо сторону, не делай никаких выводов, а просто послушай. Не говори, что один вид шума лучше, чем другой; все это шумы, поэтому, прежде всего, послушай. Прислушайся также к своему собственному шуму, своей болтовне, к своим желаниям — «Я хочу быть таким, я не хочу быть другим» — пойми, что значит слушать. Разберись в этом сам, не жди, что тебе кто-то подскажет. Поговори со мной и, прежде всего, пойми, что это означает. Узнай, что значит думать, почему ты думаешь, каковы истоки твоего мышления. Наблюдай за собой, не становись эгоистичным в этом наблюдении. Во время наблюдения будь чрезвычайно внимательным, что будет означать дальнейшее развитие тебя самого.

С.: Вы сказали, внимание при наблюдении означает дальнейшее развитие «я»?

КРИШНАМУРТИ: Я сказал: наблюдайте за собой. Если бы я был родителем, меня бы очень беспокоил вопрос о том, как обучать людей в той области, где не существует истинного понимания или помощи. Вот что я имел в виду. Но после этого я сказал, что, если вы наблюдаете за собой, возникает опасность эгоизма — очень серьезная опасность. За всем этим я тоже должен наблюдать.

Я также сказал, что обсудил бы это с группой, постарался бы выяснить, как, почему и что вы думаете. Не ради того, чтобы изменить, подавить или преодолеть это, а чтобы понять, почему вы вообще думаете. Не останавливайтесь, исследуйте это! Не знаю, заметили ли вы, что большинство книг, вся структура общества, морали, этики, взаимоотношения между людьми — все это основано на мышлении.

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: «Это правильно, это неправильно, так должно быть, так не должно быть», — подобные слова основаны на структуре мысли. Вы вполне в этом уверены? — Не соглашайтесь со мной. Теперь я хочу понять, является ли способом жизни наша тенденция все основывать на мысли, на том, что мне нравится или не нравится, что я хочу делать и что не хочу. Вероятно, вы никогда об этом не задумывались. Подумайте об этом сейчас.

С.: Ведь наше мышление — это то, что мы хотим или чего не хотим. Все это происходит от «я».

Познание страха. Быть внимательным к собственной обусловленности. Зависть и одиночество. Состояние творчества. Быть чувствительным. Осознание красоты.

(10 октября 1971)

С.: Всегда ли я эгоцентричен, сэр? Оказалось, что на этот вопрос мне трудно ответить самостоятельно.

КРИШНАМУРТИ: Вот мы, живем в очень красивой местности, образуем небольшую общину, где огромное значение имеют взаимоотношения. Можем ли мы жить здесь с тем качеством ума и чувств, которое не является полностью эгоцентричным? В этом случае, когда мы покинем это место — а нам придется это сделать — может быть, мы сможем жить в мире на ином уровне, с иным чувством и любовью, действуя по-другому. Я думаю, что, чтобы жить подобным образом, не просто время от времени, но с более глубоким чувством значения, смысла и с ощущением святости, человек должен быть свободным от страха или понимать, что такое страх. Многие из нас чего-то боятся, не так ли? Вы знаете, перед чем вы испытываете страх?

С.: Только не сейчас.

КРИШНАМУРТИ: Согласен, потому что здесь вы сидите в безопасности. Но чего человек обычно боится? Вы знаете, чего вы боитесь?

С.: Неизвестного.

КРИШНАМУРТИ: Неизвестного? Что вы имеете в виду? Завтра? То, что произойдет с вами, то, каким станет мир, когда вырастете и вам придется столкнуться с его шумом, скандалами и нелепостью? Вы этого боитесь?

С.: Ну, по крайней мере, именно это я подразумевал под «неизвестным».

КРИШНАМУРТИ: Как вы освободитесь от этого страха, чтобы обрести возможность встретить мир без тьмы, без попыток убежать от него, без невротической реакции? Как вы соприкоснетесь? Если вы боитесь, вы не сможете встретиться с миром, не так ли? Не молчите, обсуждайте это со мной! Если у вас есть какое-либо верование относительно того, как вам следует вести себя в мире, который так хаотичен, перед которым мы испытываем страх; если вы уже установили для себя некую модель поведения по отношению к этому, разве эта идея, это умозаключение не усложнит намного все дело?

София, Лоренс, вы знаете, перед чем испытываете страх? Вы боитесь родителей? Боитесь отличаться от других? — я имею в виду длинные волосы, сигареты, алкоголь, стремление повеселиться? Боитесь показаться странным, причудливым, не похожим на других? Боитесь остаться в одиночестве? Боитесь того, что могут сказать люди? Боитесь того, что не добьетесь успеха в жизни, то есть не обзаведетесь деньгами, собственностью, домом, мужем или женою и всем прочим? Перед этим вы испытываете страх? Мне кажется, что, если я не курю, это странно с точки зрения общества, я не могу к нему приспособиться; следовательно, я должен заставить себя курить и делать так, как делают они; я немного испуган, что не соответствую структуре. Этого вы боитесь: не подчиняться, не подражать, не приспособливаться к модели, быть честным? Итак, чего вы боитесь? И вы собираетесь пронести с собой какой-либо из этих страхов через всю жизнь?

Вы знаете, что делает страх? Он наполняет вас агрессией и насилием. Или вы отступаете и

становитесь немного невротичным, странным, чудаковатым; вы живете в своей собственной тьме, сопротивляясь установлению каких-либо взаимоотношений с кем-то другим, сооружаете вокруг себя стену, и страх непрерывно изводит вас. Поэтому, если вы не разрешите проблеме этих страхов сейчас, когда вы молоды, свежи и обладаете достаточным запасом жизненной энергии, потом вы уже будете на это не способны, это будет гораздо более сложной задачей.

Таким образом, почему бы нам не изучить, что представляют собой наши страхи, и не посмотреть, можем ли мы избавиться от них сейчас, пока мы защищены, пока мы здесь, где у нас есть чувство дома, где мы все время собираемся вместе. Будем ли мы в это углубляться?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Как нам исследовать эту проблему страха? Вот, например, вы боитесь неизвестного, то есть боитесь завтрашнего дня, боитесь стать лицом к лицу с миром, который так хаотичен, безумен, груб и полон насилия. Будучи не в состоянии встретиться с ним, вы испытываете страх перед будущим. Откуда вы знаете, каким это будущее будет? Почему вы его боитесь?

С.: Разве мысленно мы не переносим в будущее образ о себе? После чего мы боимся, что не сможем соответствовать этому представлению.

КРИШНАМУРТИ: У вас есть представление о себе, и если вы не живете в соответствии с ним, вас это пугает. Это один из страхов, не правда ли? Он только что сказал, что боится неизвестного, то есть боится завтрашнего дня, мира, своего положения в этом мире, боится того, что с ним случится в будущем, станет ли он бизнесменом или садовником. Как вы встретите это? Как вы поймете страх перед неизвестным? Ведь если вы будете бояться сейчас, с возрастом ситуация будет все хуже и хуже, вы согласны?

Почему вы думаете о будущем? Почему вы смотрите на будущее с точки зрения того, кем вы являетесь сейчас? Вы молоды, вам пятнадцать, может быть, семнадцать лет, так откуда вы знаете, что вы будете представлять собой через 20 лет? Существует ли при этом страх из-за того, что у вас есть представление о себе или о мире через 20 лет?

С.: Мы обусловлены иметь такое представление.

КРИШНАМУРТИ: Кто обуславливает вас? Общество, культура?

С.: Вся окружающая обстановка в целом.

КРИШНАМУРТИ: Так почему же вы подчиняетесь ей?

С.: Это опять же страх.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, и что это означает? Углубитесь в это. Вы чувствуете, что вам приходится приспособливаться, а вы этого не хотите. Вы говорите: «Я не хочу приспособливаться», и все равно делаете это. У вас есть представление о себе, созданное культурой, в которой вы живете, и вы говорите: «Это представление должно соответствовать образцу». Но этого может не произойти, и вы пугаетесь. Я прав? Почему вы имеете представление о себе или о мире? Мир жесток, груб, безжалостен, полон насилия, соперничества и ненависти; все стараются получить работу и борются, борются, борются. Это факт, не так ли? Почему у вас есть лишь представление об этом? Почему бы не сказать: «Это факт». Светит солнце: это факт. Или на улице пасмурно: это факт. Вы не боритесь с фактом. Это то, что есть. Хотите ли вы приспособиться к этому? Хотите ли вы принять мир таким, каков он есть? Принимаете ли вы мир, присоединяетесь ли к нему, становитесь ли таким, как он, хотите ли вы быть таким, как он?

С.: Нет, не хотим.

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, просто посмотрите. Мир именно такой, не правда ли? Мир создал культуру, в которой вы родились. Культура обуславливает вас, причем законы этого обуславливания говорят, что вы должны приспособливаться независимо от того, кто вы по

мировоззрению: коммунист, католик или индус. И вот теперь посмотрите на себя, здесь вы получаете образование, не только приобретая знания при помощи книг, но и постигая, что значит понять самого себя на самом глубоком уровне. Вы должны задать себе вопрос: хотите ли вы приспособиться ко всему этому? Хотите ли подчиниться образцу, к чему подталкивает вас обусловливание культуры, хотите ли приспособиться к этому?

С.: Конечно же нет.

КРИШНАМУРТИ: Не говорите: «Конечно же нет».

С.: Я думаю, что многие люди хотят этого.

КРИШНАМУРТИ: Давайте говорить о вас — оставьте других людей в покое.

С.: Мы не хотим.

КРИШНАМУРТИ: Не говорите: «Многие люди хотят»; они даже об этом не думают. Они просто бегут вместе с остальными. Мы же здесь размышляем об этом, исследуем, задаем вопросы. Вы знаете, что значит не приспособливаться к чему-то? Это значит — выступать против всей структуры общества. В нравственном отношении, в бизнесе, в религии вы идете против всей структуры в целом, а это означает, что вам придется остаться в одиночестве. Вы можете голодать, у вас может не быть денег, работы — вы вынуждены быть в одиночестве. Способны ли вы на это? Пойдете ли вы на это? Вы не знаете, ведь верно? — может быть да, а может быть нет.

Это один из наших страхов, не правда ли? Один из самых сильных страхов в нашей жизни — это боязнь подчинения. Если вы подчиняетесь, то уподобляетесь остальным, что гораздо легче. Но если вы не подчиняетесь, то весь мир становится против вас. Это все очень опасно, если вы не обладаете разумом, необходимым, чтобы противостоять миру; иначе вы будете уничтожены. Если в вас сидит страх, вы не сможете обладать этим разумом. Возможен также вариант, что вы женитесь и ваша жена захочет приспособливаться, а вы — нет. Вот тогда вы влипли! До того, как вы успеете что-либо сообразить, у вас появятся дети, и это сильно ухудшит ваше положение, потому что тогда вам придется зарабатывать деньги, чтобы вырастить их.

С.: Это вновь отбрасывает человека назад.

КРИШНАМУРТИ: Это заманивает человека в ловушку. Поэтому, начиная прямо с этого момента, вам необходимо посмотреть на всю проблему целиком, понять ее, углубиться в нее. Не говорите: «Я боюсь». Вы видите, что культура, в которой мы рождены, заставляет нас приспособливаться, не так ли? Она заставляет человека приспособливаться и завидовать кому-то другому, потому что вы не похожи на него.

Итак, приспособление и сравнение вселяют в вас страх, вы следите? Дома, в школе, в колледже и во внешнем мире вся жизнь основана на этом. Поэтому, если вы боитесь, вы навсегда попадаете в ловушку. Но вы можете сказать: «Я не собираюсь бояться, давайте исследуем, давайте выясним, как жить в мире, который требует признания своих устоев, приспособления и сравнения». Как можно жить в этом мире не испытывая страха, не приспособливаясь, не сравнивая себя постоянно с кем-то еще? И тогда, если вы найдете путь к такой жизни, вы никогда не будете бояться. Вы понимаете?

Начинайте прямо здесь, не ждите, пока вам исполнится пятьдесят. Начинать здесь, сейчас, когда вы еще очень молоды, постарайтесь понять, как можно жить действительно разумной жизнью, в которой нет подражания, приспособления и сравнения, в которой нет страха. Пока вы молоды, гораздо более восприимчивы и любознательны. Позже, когда вы станете старше, вы будете обусловлены, у вас появится семья, дом: «Я не могу думать ни о чем, кроме бизнеса. О чем-либо другом думать опасно». Как вы будете жить жизнью, в которой вы не сравниваете и не приспособливаетесь, потому что не испытываете страха? Что это означает? Страх порождается тогда, когда у вас есть представление о себе; этому образу необходимо соответствовать. Вы, то

есть этот образ, желает соответствия. Теперь нам необходимо очень тщательно изучить: что это такое. Что имеется в виду под словом соответствие? У вас длинные волосы: вы носите их, потому что так же поступают другие юноши, девушки и люди более старшего возраста? Все поп-певцы носят длинные волосы. Вы видели их лица? Вы хотите быть похожими на них? У вас длинные, грязные волосы, вы не считаете, что это соответствие? Вы делаете это, потому что другие так делают?

С.: Если у вас короткие волосы, вы тоже приспособливаетесь.

КРИШНАМУРТИ: Приспособливаетесь ли вы? У вас длинные волосы, приспособливаетесь ли вы, когда носите сандалии, потому что другие так делают? — разгуливают по Пиккадили или Пятой авеню с босыми ногами. Вы тоже разгуливаете с босыми ногами?

С.: Я думаю, что обычно дело заключается в обусловленности, в которой мы живем.

КРИШНАМУРТИ: И вследствие этого возникает вопрос: сопротивляетесь ли вы тем, кто носит короткие волосы? Я скажу вам, почему у меня короткие волосы. Когда-то длина моих волос доходила до талии, они были гораздо длиннее, чем у любого из вас. И когда я впервые приехал в Англию и пошел в школу, мне обычно говорили: «Подстригись!» Подумайте и постарайтесь понять, почему вы носите длинные волосы. Потому что так делают другие, или вам это нравится?

С.: Мне это нравится.

КРИШНАМУРТИ: Что это значит? Вам нравится, потому что вы хотите сэкономить деньги на стрижке? (Смех.) Вам необходимо следить за их чистотой, тщательно расчесывать, иначе они будут выглядеть некрасиво. Вы делаете это, потому что вам нравится? Что ж, это хороший аргумент, не правда ли? Это означает, что вы не приспособливаетесь, потому что завтра в моде будут короткие волосы — и что, тогда вы все будете стричься коротко? Поэтому ответьте на вопрос: делаете ли вы это, потому что вам так хочется, независимо оттого, что делают другие?

С.: Разве то же самое нельзя сказать об одежде?

КРИШНАМУРТИ: Вы носите эту странную одежду, потому что другие так делают?

С.: Любого юношу в той или иной степени заботит то, как он выглядит.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо. Вам кажется, что, надевая такую потертую одежду, вы хорошо выглядите?

С.: Вы, может быть, сами это чувствовали.

КРИШНАМУРТИ: Вы делаете это, потому что вам так нравится, или это ваше желание соответствовать?

С.: Вовсе необязательно, что мы хотим соответствовать.

КРИШНАМУРТИ: Выясните это! Не говорите: «Вовсе необязательно».

С.: Я думаю, все дело заключается в наших симпатиях и антипатиях.

КРИШНАМУРТИ: Я спрашиваю. Поп-певцы носят фиолетовые брюки и желтые рубашки — вы их видели. Они говорят: «Мне нравится такая одежда, она мне идет», — вы делаете это по той же причине? Итак, волосы, одежда, то, как вы думаете, чувствуете, — зависит ли это от того, что чувствуют все остальные люди? Остальные — это французы, немцы, евреи, индусы, буддисты, католики, и вы становитесь кем-то из них, потому что это самый легкий путь. Поэтому вы следуете за другими? Или вы говорите: «Нет, все это не так неправильно, я не буду таким, как они».

Итак, в первую очередь выясните, почему вы носите длинные волосы и эту одежду, независимо от того, американец вы, француз или немец, чтобы начал работать ваш собственный ум. Видите ли, если пока вы молоды, в вас нет стремления к революции (я не имею в виду

взрывы бомб, это вовсе не революция), если вы не исследуете, не задаете вопросы, не сомневаетесь, не рассматриваете себя, стараясь понять, что вы думаете, если вы не изучаете целиком все внутреннее пространство самого себя, то позже вам будет гораздо сложнее, тяжелее.

С.: Мне кажется, что главное во всем этом — страх. Вот у меня, скажем, длинные волосы; если я подстригаю их, значит, это потому, что мне известно, что все пройдет гладко и не будет абсолютно никаких проблем. Я чувствую, что очень многое делаю ради безопасности, ради покоя.

КРИШНАМУРТИ: Я понимаю. Таким образом, вы испуганы — почему?

С.: Я боюсь, что не подхожу к существующему образцу.

КРИШНАМУРТИ: И что же вы будете делать? Жить с этим страхом? Почему вы должны приспособливаться к образцу?

С.: Если хочешь остаться здесь, лучше приспособливаться.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите: если хочешь жить, нужно соответствовать модели. Но хотите ли вы так жить: в сражениях, ссорах, ненависти, зависти, борьбе, войнах?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Как мы уже говорили недавно, быть действительно образованным человеком значит не приспособливаться, не подражать, не делать того, что делают миллионы и миллионы людей. Если вам нравится, то, конечно, делайте. Но будьте бдительны к тому, что вы делаете — к ссорам, ненависти, вражде, разделению между людьми, при котором на самом деле не существует абсолютно никаких взаимоотношений, к войнам — если вам действительно нравится так жить. В этом случае вы навлечете на себя весь окружающий беспорядок, вы станете частью этого беспорядка и вам не придется ни о чем беспокоиться. Но если вы скажете: «Я не хочу так жить», то вам будет необходимо понять, как можно жить по-другому. А для этого требуется разум. Приспособление же не требует разума, оно требует хитрости.

Мир именно таков, и вы учитесь в этой школе, чтобы получить образование во всех сферах жизни, как внутренних, так и внешних. Это означает: внутри вас не должно быть страхов. Для этого вам необходимо выяснить, как жить без страха, следовательно, вам придется исследовать, что такое страх. Исследуя эту проблему, ваш ум приобретает разум; и этот разум покажет вам, как разумно жить в таком мире.

Страх — это одна из важнейших проблем нашего мира, может быть, даже самая важная. Поэтому вам необходимо смело встретить его, полностью понять и избавиться от него.

Вы сказали: «Я боюсь неизвестного, завтрашнего дня, будущего». Почему вы вообще думаете о завтрашнем дне? Вы думаете, это разумный признак? Вы молоды, полны удивительной красотой этой местности, вас интересуют птицы, интересуется жизнь — почему вы беспокоитесь о завтрашнем дне? Не потому ли, что ваши родители, соседи уже задают вопрос о том, что с вами произойдет завтра? Это напуганные люди. Почему вы попадаете в их ловушку? Население земли все увеличивается и увеличивается, вы знаете, что это означает? Я полагаю, что в Индии ежегодно рождается 12 или 13 миллионов детей. В Китае же эта цифра гораздо выше. Мир все больше и больше наполняется людьми, и все они хотят получить работу, все они хотят иметь дом, детей, хорошее положение, престиж, власть, деньги. Чем больше вы на это смотрите, тем больше пугаетесь и у вас возникает вопрос: «Что произойдет со мной?» Откуда вы знаете, чем вы будете заниматься или каким вы будете через двадцать лет? Вы понимаете, что вы делаете? Пока вы молоды, живите, наслаждайтесь, не думайте о будущем. Если вам сейчас удастся жить без страха, то когда вы вырастаете, вы останетесь все тем же, вы будете жить, независимо от того, чем будете заниматься; стань вы садовником, поваром или кем-то еще, для вас это будет счастьем. Но если вы говорите: «Господи, как мне приспособиться к этому миру,

как я со всем этим справлюсь, когда мне исполнится тридцать», — это значит, что вы разрушаете себя.

Видите ли, каждое последующее поколение в той или иной степени приспособляется к поколению предыдущему, следовательно, ни одно из поколений нельзя назвать новым. Здесь, в Броквуде, мы как раз пытаемся создать действительно новое поколение. Быть может, это будут сорок человек — этого вполне достаточно, — которые не испугаются, не станут приспособливаться, которые будут обладать достаточным разумом, чтобы понять, что им делать, когда они вырастут; разум подскажет им это. Но если вы испытываете страх, в дальнейшем вы окажетесь в ловушке.

Вы боитесь остаться в одиночестве? Знаете ли вы, что я имею в виду, Рейчел? Вы боитесь остаться в одиночестве? «В одиночестве» — это не значит «в темноте». Это значит — быть без собеседников, не зависеть от людей, от их лести, от их поощрения и поддержки, от фраз типа: «Вы прекрасны». Зависите ли вы от кого-нибудь? Конечно, мы зависим от молочника, от еды, от повара, который ее готовит — в этом смысле это действительно так. Но зависим ли мы от кого-нибудь на уровне эмоций? Выясните это! Исследуйте. Требуется ли зависимости любовь? «Я люблю тебя», — означает ли это, что я завишу от тебя? Или что вы находитесь в эмоциональной зависимости от меня? Я могу зарабатывать много денег, это иной вид зависимости. Но когда мы говорим «я люблю», означает ли это психологически, внутренне, на уровне наших чувств, что я завишу от вас, что без вас я пропаду? Является ли любовь вопросом симпатии и антипатии? Это форма зависимости, вы понимаете? Вы видите разницу между словами «нравится» и «люблю», между любовью и удовольствием? Когда нам что-то нравится, это ведь форма удовольствия, не так ли?

С.: Если я говорю: «Вы мне нравитесь», это означает, что я выбираю, но если элемент выбора не возникает, то в этом нет ничего плохого.

КРИШНАМУРТИ: Послушайте! Я спрашиваю: зависите ли вы от кого-либо психологически? Если это так, то в этом есть страх, не правда ли? Потому что, когда с вами что-то происходит, я начинаю бояться. Если вы смотрите на кого-то еще, во мне возникает ревность. Это означает, что я обладаю вами, верно? Я нахожусь в зависимости от вас, следовательно, я должен быть уверен, что полностью владею вами, вы в моем личном владении, иначе я пропал. Поэтому я испытываю страх, поэтому я попадаю во все большую и большую зависимость, поэтому моя ревность все усиливается. Так зависите ли вы от кого-нибудь? Всю эту зависимость обычно называют любовью, не так ли?

С.: Зависимость — это страх чего-то лишиться.

КРИШНАМУРТИ: Выясните сами, не соглашайтесь, разберитесь, зависите ли вы от кого-нибудь. После этого поймите, почему вы зависите, и постарайтесь увидеть, что представляет собой эта зависимость — страх, одиночество, отсутствие покоя. Если вы не зависите от людей, вы не испытываете страха, верно? Значит, вы не боитесь остаться в одиночестве. Ваше одиночество не связано со страхом; как только вы останетесь один, вы становитесь гораздо честнее, в вас появляется гораздо больше уверенности, никто не может испортить вас, причинить вам боль. Поэтому выясните, находитесь ли вы в зависимости от людей. И не только от людей, но и от алкоголя, сигарет, разговоров, бесконечной бессмысленной болтовни.

С.: Мы действительно зависим от своих родителей, не правда ли?

КРИШНАМУРТИ: Мы зависим от родителей, потому что они ввели нас в этот мир, они чувствуют ответственность за нас, и мы также зависим от них, потому что они дают нам деньги на образование. Это иной вид зависимости.

С.: Это необходимая зависимость.

КРИШНАМУРТИ: Да, необходимая. Я завишу от почтальона. Когда я сажусь в поезд, я

начинаю зависеть от машиниста.

С.: Находится ли человек в зависимости, если постоянно думает о каком-то одном предмете или человеке.

КРИШНАМУРТИ: Да, конечно.

С.: Мне представляется очень важным, что общество зависит от своего искусства, которое становится частью любой формы самовыражения и приобретает огромное значение.

КРИШНАМУРТИ: «Самовыражение» — что это означает? «Я должен выразить себя», «Я должен быть собой». Посмотрите на это внимательно. «Я должен выразить себя», «Я должен быть собой». «Я» должен найти свою индивидуальность — самого себя. Вы знаете все эти фразы. Так что же означает «Я должен быть собой»? Не является ли это «я» страхом? Не «я» ли завидует, не «я» ли говорит: «Я так боюсь будущего, что со мной произойдет»? Не «я» ли говорит: «Это мой дом, моя книга, мой муж, мой друг»? Все это делает «я», не правда ли? И именно это «я» говорит: «Я должен выразить себя», — как глупо звучит! Нет?

С.: Разве выражение не есть творчество?

КРИШНАМУРТИ: Выясните это сами. Является ли выражение творчеством? Когда мы рисуем картину, пишем стихотворение, лепим из глины горшок, является ли это творчеством? Я не утверждаю и не отрицаю этого.

С.: В результате мы действительно получаем нечто, что до этого не существовало.

КРИШНАМУРТИ: То есть вы говорите, что изготовить нечто, не существовавшее ранее, — это проявление творчества?

С.: Я имел в виду не это.

КРИШНАМУРТИ: Я не знаю. Говорят, что выражение — это творчество. Прислушайтесь внимательно к этой фразе: самовыражение — это творчество. «Само» — выражение себя: что означает это «себя»?

С.: Этот вид творчества ограничен.

КРИШНАМУРТИ: Посмотрите на эти слова: «Я выражаю себя и, следовательно, я творческий человек». Что это значит?

С.: Если человек способен на самовыражение, это может стать своего рода терапией.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите, что, выражая себя, человек становится здоровым и разумным? Послушайте: «Самовыражение — это творчество». Подумайте об этой фразе.

С.: Я полагаю, что это просто поиск своего «я».

КРИШНАМУРТИ: Просто посмотрите на то, что такое «я». Углубитесь в это. Не принимайте на веру фразу «Я выражаю себя». Что она означает? Кто этот «я»? Мои длинные волосы, мои короткие волосы, мой гнев, моя ревность, мои воспоминания, удовольствия, антипатии, половая жизнь, мое наслаждение — все это «я»? Да, именно это и есть «я», не правда ли? «Я», которое хочет выразить себя, «я», которое является моим гневом, ревностью или еще чем-то. Можно ли его назвать творческим? И что вообще такое творчество? Это вопрос огромной важности. Думает ли когда-нибудь творческий человек или творческий ум о самовыражении?

С.: Нет.

КРИШНАМУРТИ: Подождите, это довольно сложный вопрос. Не говорите «да» или «нет». Всякий, кто говорит: «Я выражаю себя»,..

С.: Что-то выражать не значит быть творческим...

КРИШНАМУРТИ: Следовательно, что же такое творчество? Я существую и выражаю себя — это творчество? Или творчество возникает в тот момент, когда не существует «я»? Когда «я» говорит: «Я должен выразить себя, ударив кого-нибудь ногой», оно выражает себя через насилие. Таким образом, является ли состояние творчества отсутствием «я»? Когда «я» не

существует, осознаете ли вы, что занимаетесь творчеством?

Вот и все! Вы поняли? Когда вы делаете что-то и вами движет какой-то мотив, например, стать популярным, знаменитым, заработать больше денег, то вы делаете не то, что действительно любите делать. Музыкант, который говорит: «Я люблю музыку» и в то же время наблюдает, сколько титулованных людей сидит в зале, подсчитывает, сколько денег он заработает, не является творческим человеком, он вообще не музыкант; он использует музыку, чтобы стать знаменитым, чтобы иметь деньги. Поэтому творчество невозможно, если за этим стоит какой-либо мотив. Поймите это для себя.

Таким образом, когда мы произносим фразы типа «Я должен выразить себя», «Я должен быть творческим человеком», «Я должен найти свою индивидуальность», они не имеют смысла. Когда вы действительно видите это и живете в соответствии с этим, когда вы понимаете это, это значит, что ваш ум уже свободен от «я».

С.: Оправдано ли создание красивых вещей?

КРИШНАМУРТИ: Оправдано для кого?

С.: Для самого себя.

КРИШНАМУРТИ: Что значит «для самого себя»? Помните, на днях мы говорили о красоте. Посмотрите на дерево, на тень, на солнечный свет — это красота. Откуда вы знаете, что красиво, а что нет? Потому что кто-то сказал вам? Представьте себе, что какой-то известный художник нарисовал картину, или великий поэт написал стихотворение о свете, дереве, облаках, тенях и движении листвы. И вы говорите: «Он великий человек. Как мне нравится это стихотворение, оно прекрасно!» Является ли красота чем-то, что вы приобретаете через кого-то еще? Является ли красота чем-то, о чем вам кто-то рассказал? И что такое чувство красоты? Не что красиво, а чувство красоты? Заложена ли эта красота в дереве, в здании, в лице, человека, в музыке, в стихотворении, в предметах внешнего мира? Или ваше впечатление от вещей, на которые вы смотрите, усиливается за счет того, что у вас есть это чувство — чувство прекрасного? Вы понимаете, что я имею в виду? — за счет того, что у вас есть ощущение красоты. Следовательно, когда вы видите что-то удивительное, вы наслаждаетесь, потому что обладаете этим внутренним чувством. Так как же вы достигаете этого или как получается, что вы начинаете обладать этим чувством? Как вы его приобретаете? Можно ли приобрести его с помощью тренировки, с помощью образа, через чтение, изучение, коллекционирование картин или обладание великолепным домом? Как это происходит?

Вы помните, о чем мы говорили на днях? Это происходит, когда физически вы очень чувствительны, наблюдательны, причем не только по отношению к себе, но и по отношению к другим людям, ко всему — к тому, сколько вы едите, как сидите, как разговариваете, как ходите. Приведу один конкретный пример. Я наблюдал, как едят многие из вас: вы дотрагиваетесь до чего-то, тщательно облизываете пальцы, а за тем вновь берете что-то, еще думаете, это говорит о вашей чувствительности?

С.: Но в этом случае все лежит на нашей собственной тарелке.

КРИШНАМУРТИ: Я имел в виду не это. В своей собственной тарелке вы можете делать все, что вам нравится. Но вы облизываете пальцы и берете кусок хлеба.

С.: Это негигиенично.

КРИШНАМУРТИ: Я не хочу потом собирать вашу слюну. Я видел, что все так делают. Прежде всего, это действительно негигиенично. Я касаюсь полости рта, после чего беру кусок хлеба или что-то еще, вы следите? Таким образом, я загрязняю хлеб.

Вы не осознаете того, что делаете; вы делаете это автоматически. Делать что-то автоматически значит быть нечувствительным — вот и все. Поэтому, когда вы осознаете весь смысл этого, вы так делать не будете. Когда вы садитесь к столу, некоторые из вас совершенно

не прожевывают пищу. Они ее просто проглатывают, но ведь пищу необходимо сначала прожевать. Когда к вам приходит полное осознание всего, вы приобретаете чувствительность, а быть чувствительным — значит осознавать красоту, иметь чувство красоты. Без ощущения внутренней красоты вы можете создавать самые удивительные вещи, но они будут лишены страсти.

Может ли человек жить разумно в этом безумном мире? Дает ли учеба в Броквуде разум, который будет потом действовать в этом мире? Можно ли научиться смотреть объективно и видеть целое? Потребность в безопасности.

(17 июня 1973)

КРИШНАМУРТИ: На днях мы говорили о разумности и посредственности, о том, что означают эти слова. Мы старались выяснить, делает ли нас заурядными то обстоятельство, что мы живем здесь как сообщество. Мы также задавались вопросом, можно ли нас назвать полностью разумными, то есть разумными физически, умственно и на уровне эмоций. Можно ли сказать, что мы гармоничны и здоровы? Все это подразумевается под словами разумный, целостный. Или мы учим друг друга быть посредственными, немного безусловными, слегка неуравновешенными?

В нашем мире немало безумия, болезней, испорченности. Может быть, ту же неуравновешенность, то же безумие и испорченность мы привносим в то образование, которое мы получаем здесь? Это очень серьезный вопрос. Способны ли мы ответить на него? Дело не в том, какими, по нашему мнению, мы должны быть с точки зрения разумности. Важно на самом деле найти ответ на вопрос: учим ли мы друг друга быть не посредственностями, а действительно разумными людьми?

С.: Большинству из нас придется ежедневно ходить на работу, многие женятся и обзаведутся детьми — подобные вещи неизбежно происходят.

КРИШНАМУРТИ: Какое место вы, как человеческое существо, занимаете в мире, если предполагается, что вы получите образование, что вам придется зарабатывать на жизнь, что вы, возможно, обзаведетесь семьей, будете нести ответственность за детей, дом, закладную, и если существует опасность, что вы останетесь в этой ловушке всю свою жизнь?

С.: Может быть, мы надеемся, что кто-то будет заботиться о нас?

КРИШНАМУРТИ: Это означает, что вы должны обладать способностью что-то делать. Нельзя просто попросить: «Пожалуйста, позаботьтесь обо мне», — никто этого делать не будет. Но пусть это обстоятельство вас не огорчает. Просто посмотрите на наш мир, познакомьтесь с его особенностями, осознайте все те приемы, с помощью которых люди обманывают друг друга. Политики никогда не объединят мир, наоборот: даже когда люди не воюют по-настоящему, ни на минуту не прекращается экономическая война. Ученые являются рабами правительства. Все правительства в той или иной степени коррумпированы, некоторые больше, некоторые — меньше. Посмотрите на все это так, чтобы не испытывать уныния, и задайте себе вопрос: «Что мне делать, как я собираюсь встретить это, ведь у меня нет таких способностей?» Способность у вас появится; когда вы знаете, как смотреть, эта ваша способность будет просто огромной.

Так каково же ваше место во всем этом? Вы можете задать этот вопрос, если видите все целиком, но если, не видя Целого, вы просто спрашиваете себя: «Что мне делать?», вы оказываетесь в ловушке и никогда не найдете ответ.

С.: Конечно, для нас очень важно обсуждать подобные вещи открыто. Но мне кажется, что люди немного боятся свободного обсуждения. Может быть, это из-за того, что предмет их подлинной заботы оказывается под угрозой.

КРИШНАМУРТИ: А вы чего-то боитесь?

С.: Если я скажу, что хочу скоростную машину, кто-то, возможно, в этом усомнится.

КРИШНАМУРТИ: Так и должно быть. Я получаю письма, в которых мне постоянно задают вопросы; с самого детства я сталкиваюсь с различными сомнениями.

С.: Сэр, во время подобных обсуждений меня постоянно волнует один вопрос. Говорят, что мы живем в высоко механизированном индустриальном обществе и некоторые из нас имеют возможность стать хиппи или отстраниться от него лишь благодаря тому, что другие люди ежедневно ходят в контору, работают, превращаясь в безжизненный автомат.

КРИШНАМУРТИ: Да, конечно, это так.

С.: Мы не могли бы отстраниться от общества, если бы эти люди не вели такое механизированное, жалкое существование.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Вопрос состоит в том, как жить в этом мире и, в то же время, не принадлежать ему. Как жить в этом безумии, сохраняя разумность?

С.: Вы хотите сказать, что человек, который ходит на работу и ведет явно механическую жизнь, мог бы делать все это и в то же время быть совершенно иным человеком? Другими словами, дело не обязательно в системе.

КРИШНАМУРТИ: Эта система, какой бы она ни была, делает ум механическим.

С.: Но должна ли она делать ум механическим?

КРИШНАМУРТИ: Так или иначе, это происходит.

С.: Все молодые люди сталкиваются с проблемой взросления, они понимают, что им, возможно, придется заняться такой работой, которая повлечет за собой механизацию ума. Можно ли подойти к этой проблеме как-нибудь иначе?

КРИШНАМУРТИ: Мой вопрос заключается в следующем: как можно разумно жить в этом безумном мире? Несмотря на то, что мне, может быть, придется ходить в контору и зарабатывать на жизнь, должно существовать иное качество души и ума. Можем ли мы утверждать, что здесь, в этой школе, наши душа и ум действительно другие? Или мы просто попадаем в мельницу, которая выбрасывает нас в этот ужасный мир?

С. (1): Сегодня благодаря автоматизации больше нет необходимости работать с 9 утра до 5 вечера шесть дней в неделю. Наш век позволяет нам уделять дополнительное время другой стороне жизни.

С. (2): Но мы говорили, что люди стремятся к досугу, не зная, как его использовать.

С. (3): В зарабатывании денег, конечно же, нет ничего плохого.

КРИШНАМУРТИ: Я никогда не говорил, что зарабатывать на жизнь — это плохо; человеку приходится этим заниматься. Я зарабатываю деньги, беседуя с людьми в самых различных местах. Я занимаюсь этим на протяжении пятидесяти лет, делая то, что мне нравится. Я делаю то, что считаю действительно правильным, истинным; для меня это образ жизни, который мне никто не навязывал — и это мой способ зарабатывания на жизнь.

С.: Я хочу лишь сказать, что у вас есть возможность этим заниматься благодаря, к примеру, тому, что существуют люди, которые управляют самолетами.

КРИШНАМУРТИ: Конечно же, мне это известно: если бы их не было, я бы не мог путешествовать. Но если бы не существовало самолетов, я жил бы в одном месте — в деревне, где я родился — и все равно занимался бы там тем же самым.

С.: Да, но в нашем высокотехнологическом обществе, где прибыль служит важным мотивом, все организовано именно так.

КРИШНАМУРТИ: Нет, ведь кто-то выполняет грязную работу, а я делаю чистую работу.

С.: И люди предпочитают выполнять чистую работу?

КРИШНАМУРТИ: Да, можно сказать и так.

С.: Но кроме забот о хлебе насущном мы должны осознать, что для того чтобы совмещать зарабатывание на жизнь и разумное существование, необходима внутренняя революция.

КРИШНАМУРТИ: Я говорю о том же самом, только мой вопрос звучит по-другому: как я могу жить разумно в этом безумном мире? Это вовсе не значит, что я не собираюсь зарабатывать на жизнь, жениться, принимать на себя какую-то ответственность. Чтобы жить в этом безумном мире разумно, я должен отвергнуть его и во мне должна произойти революция, привносящая разум в мои действия. Вот смысл моих слов.

С.: Так как я был воспитан в этом сумасшедшем мире, я должен подвергать все сомнению.

КРИШНАМУРТИ: Это и есть образование. Вас посылают сюда и вы приезжаете в Броквуд испорченные безумным миром. Не обманывайте себя: он действительно обуславливает вас, вы формируетесь под влиянием прошлых поколений, куда относятся и ваши родители. Здесь же вам необходимо избавиться от обусловленности, подвергнув себя коренному изменению. Происходит ли это изменение? Или вы только говорите: «День за днем, то здесь, то там мы хорошо выполняем какую-то работу», и когда через два или четыре года вам предстоит покинуть школу, вы унесете с собой лишь бессмысленную мешанину из сделанных за это время дел?

С.: Мне кажется, что существует конфликт между тем, что мы хотим делать, и необходимостью.

КРИШНАМУРТИ: Что вы хотите делать? Я хочу быть инженером, потому что понимаю, что это принесет мне много денег или какие-то другие преимущества. Могу ли я полагаться на это желание? Могу ли я доверять своим искаженным инстинктам? Своим мыслям? Чему я должен доверять? Таким образом, образование должно быть направлено на создание разума, который будет реально действовать в этом мире и который не имеет ничего общего с нашими инстинктами, желаниями или какими-то мелкими потребностями.

Помогает ли вам образование, получаемое в Броквуде, быть разумными? Или, другими словами, быть невероятно чувствительными, но не по отношению к своим собственным желаниям и потребностям, а по отношению к миру и к тому, что в нем происходит. Несомненно, образование — это не только передача вам знаний, но и помощь в обретении способности объективно смотреть на мир и на то, что в нем происходит — видеть войны, разрушение, насилие, жестокость. Назначение образования состоит не только в том, чтобы сдать экзамены, получить степень, стать компетентным специалистом, но и в том, чтобы понять, как можно жить иначе. Оно должно помочь вам при встрече с миром, чтобы, даже зная о том, что вам придется зарабатывать на жизнь, нести огромный груз ответственности, столкнуться со страданиями и несчастьями, вы могли воспринять его совершенно по-другому, с позиции разума. И я хочу спросить: так ли обстоит дело здесь, в Броквуде? Действительно ли педагог обучается здесь не меньше, чем ученик?

С.: Меня тоже интересует ответ на этот вопрос. Действительно ли образование в Броквуде именно такое?

КРИШНАМУРТИ: То есть, вы спрашиваете, помогает ли оно вам быть достаточно разумными и способными к осознанию, чтобы вы могли достойно встретить это безумие? Если нет, то кто в этом виноват?

С.: Какую основу нужно заложить, чтобы сделать такое образование возможным?

КРИШНАМУРТИ: Послушайте, зачем вы получаете образование?

С.: Я этого действительно не знаю.

КРИШНАМУРТИ: Следовательно, вам необходимо выяснить, что значит слово «образование», не правда ли? Что такое образование? Качественное обучение академическим дисциплинам, передача информации, знаний по самым различным предметам и так далее? Это должно иметь место, вы согласны? Миллионы людей заканчивают университеты и колледжи.

С.: Учебные заведения дают человеку инструменты, помогающие ему жить.

КРИШНАМУРТИ: Но какие руки будут использовать эти инструменты? Ведь те же самые руки создали наш мир с его войнами и прочими пороками.

С.: Другими словами, можно обладать всеми инструментами, но если не произойдет внутренней, психологической революции, вы будете использовать эти инструменты все тем же старым способом, поддерживая продолжающееся загнивание. Именно об этом мне и интересно узнать.

КРИШНАМУРТИ: Если эта революция не происходит здесь, в этой школе, то почему это так? А если революция все же имеет место, действительно ли она воздействует на ум или это по-прежнему некая идея, не имеющая ничего общего с реальностью, с такой, например, как необходимость трехразового питания. Это подлинная реальность, а не идея, кто-то ведь должен готовить.

Итак, я задаю вам вопрос: получаете ли вы здесь то образование, о котором мы говорим? И если да, то давайте постараемся выяснить, как вдохнуть в него жизненную энергию, придать ему жизни. Если же это не так, то давайте выясним почему.

С.: Мне кажется, что этого нельзя сказать о всей школе в целом.

КРИШНАМУРТИ: Почему? Может быть, это происходит с некоторыми отдельными людьми то здесь, то там, но почему этого не происходит с каждым из нас?

С.: Мне представляется, что все это очень напоминает зерно, которое стремится прорасти, но верхний слой почвы слишком тверд.

КРИШНАМУРТИ: Вы когда-нибудь видели, как трава прорастает сквозь цемент?

С. (1): Видите ли, в нашем случае мы имеем дело с очень слабым зерном. (Смех.)

С. (2): Однако вопрос состоит в том, осознаем ли мы свою заурядность и хотим ли как-нибудь вырваться за ее пределы.

КРИШНАМУРТИ: Я хочу спросить вас, действительно ли вы посредственны? В моих устах слово «посредственный» не несет унижительного оттенка, я использую его в том основном значении, которое описано в словаре. Вы неизбежно будете принадлежать к среднему классу, если просто цепляетесь за свою собственную мелкую деятельность, вместо того чтобы видеть целое, видеть весь мир целиком и свое личное, небольшое место в нем, не занимаясь поисками обходных путей. Люди не видят Целое, они гонятся за своими мелкими желаниями, удовольствиями, за своим суетливым тщеславием и жестокостью, но если они увидели мир целиком и нашли свое место в нем, их взаимоотношения с целым полностью бы изменились.

Вы учитесь в Броквуде, живете здесь в небольшой общине, вы связаны определенными отношениями со своими учителями и другими учениками. Видите ли вы целостность того, что происходит в мире? Это самое главное. Важно просто посмотреть на все это и увидеть мир объективно, без каких-либо эмоций и предрассудков и предубеждений. Различные существующие на Земле правительства никогда не решат эту проблему, ни один политик в этом не заинтересован. Все они в той или иной степени стремятся поддерживать статус-кво, допуская лишь незначительные изменения. Они не думают о внутреннем единстве человека, они хотят единства Англии. Но даже если речь заходит об Англии, различные политические партии никогда не скажут: «Давайте объединимся и постараемся понять, что есть благо для человека».

С.: Но вы же не хотите сказать, что это невозможно?

КРИШНАМУРТИ: Они этого не делают.

С.: А мы?

КРИШНАМУРТИ: Прежде всего, мы наблюдаем, мы смотрим на мир. И когда вы видите все целиком, каково ваше желание по отношению к целому? Если вы не видите целого, если вы просто гонитесь за своими личными инстинктами, склонностями и желаниями, все это

составляет самую суть посредственности, все это сейчас и происходит в мире.

Знаете, в старину по-настоящему серьезные люди говорили: «Мы не хотим иметь с миром ничего общего, мы станем монахами, проповедниками, мы откажемся от собственности, от семьи, от положения в обществе. Мы — учителя, мы будем путешествовать по стране, переходить из деревни в деревню; люди будут кормить нас, а мы будем учить их нравственности, добру, отказу от ненависти друг к другу». Раньше подобная практика была очень распространена, но сегодня мы больше не можем себе этого позволить. Хотя в Индии это до сих пор возможно. Вы можете пересечь страну с севера на юг и с запада на восток, живя на милостыню. Наденьте на себя одежду определенного покроя, и люди будут кормить и одевать вас, потому что в Индии это часть традиции. Но поскольку этим пользуются много шарлатанов, даже эта традиция уже начинает постепенно отмирать.

Итак, суть проблемы состоит в том, что нам необходимо зарабатывать на жизнь и в то же время жить в этом мире разумно, здраво, не механически. Образование должно помочь нам в этом. Я не устаю это повторять. И возникает вопрос: как нам, то есть вам и мне, исследовать этот вопрос и прежде всего понять, что мы представляем собой на самом деле и можно ли это полностью изменить? Поэтому сделайте первый шаг и посмотрите на себя, не старайтесь от этого убежать, не говорите: «Как ужасно! Как уродливо!» Просто наблюдайте за тем, захвачены ли вы теми устремлениями безумия, которые создали этот уродливый мир. И если вы наблюдаете за своими собственными вывертами и причудами, постарайтесь понять, что нужно для того, чтобы измениться. Давайте говорить об этом, говорить о наших взаимоотношениях, о дружбе и любви. Вы поговорите об этом и скажете: «Я жаден, я чувствую себя ужасно глупым. Можно ли все это полностью изменить?» Такая перемена является частью нашего образования.

С.: Я становлюсь глупым, когда не чувствую себя в безопасности.

КРИШНАМУРТИ: Конечно. Но уверены ли вы в этом? Не теоретизируйте. Вы действительно стремитесь обрести безопасность — в каком-то человеке, в профессии, в определенном качестве или в некоей идее?

С.: Человеку необходима безопасность.

КРИШНАМУРТИ: Видите, как вы ее защищаете? Сначала разберитесь, ищете ли вы безопасность; не говорите, что она кому-то необходима, после того как вы сделаете первый шаг, мы увидим, необходима она или нет. Конечно же, вы ее ищете! Понимаете ли вы, что означает слово «зависимость» — зависимость от денег, от людей, от представлений, от всего того, что мы получаем из внешнего мира? Вы сами знаете, от какой только ерунды мы не зависим. Это может быть какое-либо верование или некий образ, созданный нами о себе, например, что «я — великий человек» или кто-то там еще. Поэтому вам необходимо понять, что это слово включает в себя множество значений, и выяснить, пойманы ли вы сами в его ловушку. Если вы осознаете, что в своем стремлении к безопасности от кого-то зависите, то вы начинаете сомневаться, задавать вопросы, и именно здесь берет начало познание. Вы начинаете постигать, что такое зависимость и привязанность. Вы узнаете, что страх и удовольствие являются неотъемлемыми элементами безопасности. При отсутствии безопасности вы чувствуете себя потерянными и одинокими; вы пытаетесь убежать от одиночества, находя утешение в алкоголе, женщинах или в чем-то еще. Ваше поведение становится невротичным, потому что на самом деле вы далеки от разрешения этой проблемы.

Итак, вам необходимо понять, постичь реальный, не теоретический смысл и значение этого слова. Познание этого является частью вашего образования. Я нахожусь в зависимости от определенных людей. Я нахожусь от них в зависимости, потому что нужна безопасность, защищенность, деньги, удовольствия и так далее. Поэтому, когда люди делают что-то мне неприятное, во мне появляются испуг, раздражение, гнев, ревность, разочарование, и тогда я

отыгрываюсь на ком-то еще. Эта проблема существует постоянно. И вот я говорю себе, что сначала необходимо понять смысл всего этого. Я должен зарабатывать деньги, обеспечивать себя едой, одеждой и жильем — это нормально. Но деньги дают начало всему упомянутому циклу. Поэтому я должен познать всю проблему целиком до того, как свяжу себя по рукам и ногам, ибо потом будет уже слишком поздно. Я связываю себя, к примеру, женитьбой, и тогда все кончено, я попадаю в зависимость, после чего во мне начинается борьба между желанием быть свободным и теми ограничениями, которые на меня накладывают ответственность за семью, закладная на дом и все прочее.

Итак, перед вами проблема. Тангки говорит: «Я должен быть в безопасности», на что я отвечаю: прежде чем говорить «я должен», выясните, что это означает, узнайте об этом все.

С.: Мне необходимы еда, одежда и дом.

КРИШНАМУРТИ: Да, продолжайте.

С.: Чтобы иметь все это, я должен зарабатывать достаточно денег.

КРИШНАМУРТИ: И вы делаете для этого все, что в ваших силах. Что же происходит потом?

С.: Зарабатывая эти деньги, я обязательно попадаю в зависимость от кого-нибудь...

КРИШНАМУРТИ: Верно, вы начинаете зависеть от общества, от своего шефа или работодателя. Он преследует вас, он жесток, но вы миритесь с этим, потому что находитесь в зависимости от него. Подобные вещи происходят повсюду, в любой стране мира. Пожалуйста, прежде всего посмотрите на это так же, как вы смотрите на карту. Вы говорите: «Я вынужден зарабатывать на жизнь. Я знаю, что, делая это, я попадаю в зависимость от существующего общества. Пять или шесть дней в неделю я должен многие часы проводить на работе, но если я перестану зарабатывать деньги, у меня ничего не будет. Однако это еще не все. Я также нахожусь во внутренней зависимости от своей жены, или от священника, или адвоката, вы понимаете?

С.: Поэтому, зная все это, я не буду жениться. Я вижу зависимость и все неприятности, которые брак за собой повлечет.

КРИШНАМУРТИ: Вы не занимаетесь познанием. Не надо говорить, что вы не будете заводить семью, сначала поймите, в чем состоит проблема. Мне необходима еда, одежда и крыша над головой, это мои самые насущные потребности, которые ставят меня в зависимость от общества, независимо от того, коммунистическое оно или капиталистическое. Все это мне известно, и я рассматриваю другое направление; мне также необходима эмоциональная безопасность, которая влечет за собой зависимость от других людей, будь то жена, друзья или соседи. Когда существует зависимость, неизбежно существует и страх. Я познаю все это, я пока не делаю никаких выводов относительно того, как мне поступить. Я нахожусь в зависимости от вас — от жены, от мужа, от брата, — и когда вы уходите, я чувствую себя потерянным, мне страшно, — и я веду себя нервно. Я понимаю, что зависимость от людей приводит меня именно к этому.

Кроме того, я спрашиваю: завишу ли я от идей? Это может быть вера в Бога или в его отсутствие, вера в необходимость всеобщего братства и все прочее — но, так или иначе, это тоже зависимость. Вы приходите и говорите мне: «Все это ерунда, вы живете в мире иллюзий». Ваши слова меня потрясают, и я спрашиваю: «Что же мне делать?» Затем, вместо того чтобы познать это, я присоединяюсь к какому-нибудь другому вероисповеданию. Видите ли вы все это? Изучая себя, вы, наверное, обнаружили свою слабость и, следовательно, зависимость? Тогда вы начинаете искать в себе какую-то силу: «Со мной все в порядке, я познал Бога, моя вера истинна, мой опыт подлинен». Вы задаете вопрос: где можно найти абсолютную, ничем не нарушаемую безопасность?

С.: Я не думаю, что от тех двух вещей, о которых вы говорили, на самом деле можно зависеть...

КРИШНАМУРТИ: Нас интересует, в чем смысл поиска безопасности, что он в себя включает. Мы рассматриваем «карту» безопасности и видим, что я завишу от еды, одежды и дома, вследствие чего я вынужден работать в испорченном обществе. Мы также понимаем, к чему приводит зависимость от других людей. Я не настаиваю на том, что так должно быть или так не должно быть. Карта как бы говорит нам: «Посмотри, эта дорога ведет к страху, удовольствию, гневу, осуществлению, разочарованию и неврозу. Посмотри на мир идей, зависимость от этого мира дает тебе лишь иллюзию безопасности; это всего лишь слова, которые в виде образа становятся твоей реальностью, и ты живешь, питаешься этим образом. Будь же самостоятельным». Итак, я завишу от самого себя, мне необходима уверенность в себе. Что представляет собой это «я»? Человек ведь является результатом всего перечисленного. Карта продемонстрировала вам это, и вот вы задаете вопрос: «Где можно найти полную безопасность, в том числе работу и все остальное?» Так где же вы ее найдете?

С.: Абсолютную безопасность можно найти, когда вы лишены страхов.

КРИШНАМУРТИ: Вы не поняли того, о чем я говорю. Представьте себе, что перед вами карта, подобная географической. На ней вы видите безопасность физическую, эмоциональную, интеллектуальную, а также безопасность в ваших собственных мыслях и чувствах плюс уверенность в себе. И вы говорите: «Как все это хорошо и ненадежно!» Но если вы видите всю ее ненадежность, неполноценность, оторванность от реальности, где же тогда безопасность? Она заключена в познании всего этого, порождающем разум. Таким образом, безопасность есть разум. Вы понимаете это?

С.: Может ли человек жить, не нуждаясь в безопасности?

КРИШНАМУРТИ: Вы еще даже не научились наблюдать. Вы умеете наблюдать только через призму своего конкретного образа; этот образ приносит вам ощущение безопасности. Поэтому, прежде всего, научитесь смотреть на карту, отбросьте в сторону то, что вам кажется безопасностью, что, по вашему представлению, вы должны иметь, и просто посмотрите. Что включает в себя желание... безопасности? Когда вы обнаружите, что безопасности нигде нет, что, где бы вы ее ни искали — в смерти, в жизни, — вы ничего не найдете, то само осознание этого факта и будет разумом. Разум же принесет вам абсолютную безопасность.

Познание есть первый шаг к безопасности. Акт познания есть разум, причем в познании заключена безопасность огромной силы. Можно ли утверждать, что здесь, в Броквуде, вы занимаетесь познанием.

С.: В семье нам говорят, что человек должен уметь зарабатывать на жизнь, обладать определенным запасом знаний. Безопасность представлена в виде этой идеи, этой главной необходимости.

КРИШНАМУРТИ: Да, Танги, все это верно. Семья и традиция говорят, что вам необходима физическая безопасность, а значит работа, знания, мастерство, специальность и все прочее, чтобы обрести эту безопасность.

С.: Это всего лишь идея.

КРИШНАМУРТИ: Мне нужны деньги, и это не просто идея. Идеей является все остальное. Физическая целостность и безопасность — это реальность; все остальное не имеет к ней отношения. Осознание этого есть разум, который дает человеку максимальную безопасность; обладая этим разумом, я могу жить где угодно, хоть в коммунистическом, хоть в капиталистическом мире.

Помните, мы говорили на днях, что медитация подразумевает наблюдение? Оно является началом медитации. Вы не можете наблюдать, если в вашем уме существует хоть малейшее

искажение, вызванное предубеждением или страхом. Смотреть на карту значит смотреть без предубеждений. Поэтому, занимаясь медитацией, учитесь свободе от предрассудков; это есть часть медитации, если вы просто сидите где-то, скрестив ноги, это еще ничего не значит. Медитация налагает на вас огромную ответственность, не только за себя и за ваши взаимоотношения, но и за все остальное: за сад, за деревья, за людей вокруг — все приобретает исключительное значение.

Серьезность невозможна без веселья. Недавно мы говорили о йоге, не так ли? Я показывал вам несколько дыхательных упражнений. Все эти упражнения необходимо выполнять с весельем, получая удовольствие, вы понимаете?

С.: Существуют определенные вещи, как, например, познание, о которых, по-моему, невозможно говорить со смехом.

КРИШНАМУРТИ: Наоборот, это очень даже возможно! Знаете, Танги, познание-учение — это веселье. Узнавать что-то новое всегда очень интересно и весело; если вы открываете что-то самостоятельно, это заряжает вас огромной энергией; важно только, чтобы вы это сделали сами, потому что, когда кто-то что-то открывает и рассказывает вам, вы получаете уже информацию из вторых рук. Во время учения интересно найти нечто совершенно новое, например, открыть никем не виданное ранее насекомое неизвестного вида. Не менее интересно и весело изучить и понять, как функционирует наш ум, увидеть все его нюансы и тонкости.

Насилие в мире. Понимание беспорядка и причин насилия. Подлинная работа как понимание того, «живете ли вы в беспорядке».

(7 февраля 1973)

КРИШНАМУРТИ: Я только что вернулся из Индии. Можно заметить, что положение дел повсюду ухудшается, мир находится сейчас в совершенно особом, разрушительном состоянии, он вырождается, люди не хотят работать, бастуют. Война во Вьетнаме, очевидно, окончена, но подлинный мир там еще не наступил. Коммунистический мир также полон сильного беспокойства; повсюду процветает коррупция, причем речь идет не только о взятках, но и о эгоистичном, фрагментарном, ограниченном определенных сферами мышлении каждого человека. Наши художники также не способны больше продвигаться вперед, потому что достигли уже какого-то конца. Они перепробовали самые различные способы самовыражения к той точке, после которой дальнейшее продвижение невозможно. Бедность, подобная той, которая сейчас существует в Индии и о которой вы совершенно ничего не знаете, быстро распространяется по планете, особенно в тех местах, где бывает сильная засуха. Вместе с бедностью усиливается деградация, растет насилие. В южной Америке, Бразилии и других странах происходят ужасные вещи. Не знаю, осознаете ли вы все это: вы, вероятно, изучаете современную историю, знакомитесь с текущими событиями в мире, интересно только, каков будет результат. Когда вы покинете школу, вам придется столкнуться со всем этим.

Что собой представляют взаимоотношения между этой небольшой общиной и огромным сообществом остального мира? Что со всеми вами произойдет? Это не просто риторический или побуждающий мышление вопрос. Какой будет ваша судьба — если вы разрешите мне употребить это слово, когда вы покинете Броквуд? Что с вами произойдет? Можно ли утверждать, что вы знаете, как необходимо работать умственно и физически, и, следовательно, что вы способны самостоятельно противостоять этому потоку торгашеского духа и всепроникающего эгоизма, который уносит людей? Вас затянет в него, причем вы можете осознать это, а можете и не осознать. Но если вы знаете, как работать, как учиться, как использовать свой ум, то тогда вы, вероятно, приспособитесь к этому потоку. Вы дадите ему засосать вас или предпочтете противостоять ему в одиночку?

Поэтому, когда приезжаешь в Броквуд и видишь великолепие зимы, прекрасные очертания свободных от листвы деревьев, мир, покой и красоту этого места, неожиданный контраст просто шокирует. И возникает вопрос: даст ли вам эта школа возможность действительно использовать ваш мозг, ваши высочайшие умственные, физические и психологические способности? Может быть, такую возможность она дает, просто вы ее не используете? От того, что происходит в мире, хочется плакать, а между тем здесь, в Броквуде, существует группа, сообщество достаточно серьезных и глубоких людей, среди которых находится место и идеям, и свободе, и так называемой дисциплине. Или слово «свобода» в данном случае используется неверно и в действительности означает лишь возможность делать все, что захочется?

Чем мы здесь все вместе занимаемся? Броквуд — это сообщество, это так называемый учебный центр. Я не уверен, что слово «учебный» в данном случае вообще уместно. Если использовать его в наиболее распространенном значении, оно означает изучение чего-то по

книгам, хранение информации и применение этой информации либо в эгоистических целях, либо в какой-то конкретной ситуации, либо для нужд некоей секты, либо ради достижения высокого положения в этой секте или организации. Обычно именно это и происходит. Действительно ли мы используем все высочайшие возможности нашего ума? Или всего лишь замедляем свое продвижение вперед? Не молчите, мне интересно узнать, что вы скажете, что вы думаете по этому вопросу. Боюсь, что вам необходимо сохранять необычайную серьезность, хотя, конечно, вы можете смеяться, играть, наслаждаться жизнью; тем не менее, главное, что в этом мире нужно быть чрезвычайно серьезным — вам придется противостоять ему.

Какова будет ваша реакция в дальнейшем? Все это зависит от того, что вы делаете сейчас. От того, наблюдали ли вы за происходящим в мире, видели ли его фрагментарность, раздробленность, постоянное коммерческое, интеллектуальное и эмоциональное соперничество людей, экономические, социальные, классовые войны, убийство людьми друг друга, поклонение успеху. Вы неизбежно должны будете столкнуться с этим. Обладаете ли вы способностью наблюдать за происходящим, совершенно не вовлекаясь в игру? Я думаю, что Броквуд представляет вам возможность получить эту внутреннюю силу для противостояния всему этому. От вас и, конечно же, от взрослых зависит, воспользуетесь ли вы этой возможностью. Поэтому мне кажется, что очень важно уметь работать и работать много: физически — руками, психологически — умом. Вы действительно здесь этим занимаетесь? Или остаетесь расхлябанными и невнимательными? А может быть, вы говорите: «Мы свободны делать все, что нам захочется».

С.: Какая еще существует работа, кроме просто наблюдения за всеми проблемами? То есть это ведь работа, верно?

КРИШНАМУРТИ: Вопрос в том, как увидеть проблемы? На это способен каждый хоть немного чуткий и внимательный человек.

С.: Необходимо видеть, как ты реагируешь или как ты действуешь.

КРИШНАМУРТИ: Как вы реагируете? Вы понимаете это так, как будто оно все «там, снаружи», или осознаете существующие взаимосвязи?

С.: Я воспринимаю это как выражение, как искусство. Все проблемы — это выражение чего-то.

КРИШНАМУРТИ: Вы считаете, они все является частью вас? Или вы не принадлежите к миру проблем? Вы встаете на позицию стороннего наблюдателя, заглядывающего снаружи? Или вы наблюдаете, не считая себя посторонним? Вы видите поклонение успеху, жестокость, культ интеллекта, накопление знаний. Являетесь ли вы всем этим или отделены от него?

С.: Во мне нет ни того, ни другого.

КРИШНАМУРТИ: Все это является результатом нашей жадности, честолюбия, соперничества, поклонения успеху, стремления утвердить себя, невнимательности. Вы думаете, что свободны от этого?

С.: Может быть, нас нельзя назвать свободными в этом смысле, но в настоящий момент мы не являемся частью описанного вами мира.

КРИШНАМУРТИ: Может быть, вы и свободны. Но если это не так, осознаете ли вы, что являетесь частью такого мира?

С.: Можно ежедневно повторять: «Я не курю, как другие, и не пью», — но в любой момент все может измениться. Даже когда вы сидите в своей комнате и достаточно спокойны внутренне, не исключено, что вы все равно находитесь во власти эгоизма...

КРИШНАМУРТИ: Я спрашиваю вот о чем: вы рассматриваете все это как нечто отличающееся от вас или вы все-таки являетесь частью того, за чем наблюдаете? Бывают моменты, когда вы действительно этому не принадлежите — когда мыслите абсолютно

спокойно, — но пока в вас существует эгоизм, честолюбие, жадность, собственнические устремления, спокойствие ума недостижимо.

С.: В Броквуде мы можем не чувствовать себя частью этого, но не является ли подобное ощущение неким самообманом?

КРИШНАМУРТИ: Я не знаю и потому задаю вам этот вопрос. Вы можете обманывать себя, полагая, что вы не такие, что вы молоды, и, следовательно, задумываться об этом не ваша забота. Если уже сейчас, пока вы еще молоды, вы не зложите какой-то основы, как вы сможете это сделать в будущем. Примерно лет через десять у всех вас будут семьи и родятся дети.

С.: Порой мы склонны различать неприятное и необходимое. Чтобы заниматься практическими делами, нам необходимо принимать участие во всем, что происходит здесь. Самым простым примером является работа в саду — приятно заняться этим в солнечную и теплую погоду...

КРИШНАМУРТИ: Да, но какой ужасной становится эта работа в такую погоду, как сегодня. Послушайте, чем вы все собираетесь заниматься? Каким будет ваше будущее? Что вы хотите делать? Или вы об этом еще не думали? Если не думали, то оставьте пока эту проблему в покое, может быть, вы еще слишком молоды. Но если вы все же задумываетесь над этим, то ответьте на вопрос: что с вами произойдет?

С.: Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду. Речь идет о том, что мы умеем делать, или о том, что, как нам кажется, мы хотим делать?

КРИШНАМУРТИ: И о том, и о другом. Можно ли отделить то, что вы умеете делать, от того, что вы хотите делать? И что вы хотите делать?

С.: Я бы мог ответить на вопрос, чего я не хочу делать. Я не хочу быть частью того, что вижу вокруг себя.

КРИШНАМУРТИ: Можно не хотеть быть частью всего этого беспорядка, но, так или иначе, чем-то заниматься необходимо. Я не могу просто сказать: «Не хочу» и сидеть в своей комнате. Я должен питаться, одеваться и иметь крышу над головой.

С.: Вы можете работать. Окончить эту школу и просто найти работу.

КРИШНАМУРТИ: Что ваш ум хочет делать в этом мире?

С.: Можно пойти работать.

КРИШНАМУРТИ: Дело не в работе. Если вам повезет, вы можете получить работу, а если нет, жить за счет кого-то еще. Я знал человека, который, начав свой путь в Нью-Йорке, переправился через океан и «автостопом» доехал от Парижа до Дели. Вы понимаете, что это значит? Тот человек был брамином и ел только вегетарианскую пищу, поэтому во время своего путешествия он три недели питался огурцами, какими-то фруктами, случайно найденным апельсином. Он говорил: «Я хочу доехать до Индии и, добравшись туда, я проведу свою жизнь подлинно религиозным человеком», — для нас сейчас не важно, что он имел в виду. Мне действительно интересно узнать, что произойдет с вами.

С.: Кажется, что чем больше я смотрю на мир, тем меньше нахожу дел, которыми мне хотелось бы заняться.

КРИШНАМУРТИ: Тем меньше вообще хочется что-либо делать.

С.: В каком-то смысле, да. Во всяком случае, мне не хотелось бы связывать себя с бизнесом, хотя от этого зависит многое.

КРИШНАМУРТИ: Я понимаю, но все же что вы будете делать? Нельзя просто сесть и сказать: «Я ничего делать не буду». Вам необходимо питаться, покупать одежду и платить за какое-нибудь жилье.

С.: Выбор занятий очень невелик.

КРИШНАМУРТИ: Действительно ли это так? Вы хотите поехать автостопом в Индию?

Нет, не делайте этого? Действительно ли в жизни так мало дел, которыми можно было бы заняться, не вовлекая себя в весь этот беспорядок?

С.: Я бы сказал, что мы можем заняться чем угодно, но кажется, все уже заражено существующей суетой.

КРИШНАМУРТИ: То есть это означает, что каким бы делом вы ни занимались, оно будет испорчено, так?

С.: Ну, им все равно необходимо заниматься.

КРИШНАМУРТИ: Вопрос в том, как вы будете это делать? Нужно платить налоги и все прочее. Может быть, вы уйдете в монастырь — многие люди так и поступают. Только понравится ли вам монастырская жизнь? Или этот вопрос не совсем уместно задавать людям, которые еще слишком молоды? Но вы-то достаточно взрослые, чтобы понять, что если вы не зложите основы уже сейчас, если вы не начнете наблюдать (а не просто анализировать) за тем, что представляют собой ваши реакции и почему они существуют, если вы не сделаете этого, вам будет очень трудно при встрече с миром.

С.: Интересно, может ли человек выжить, если его поместить в такое место, где все люди сражаются друг с другом?

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, попробуйте представить себя в подобном положении. Вы когда-нибудь задумывались о насилии? Что это такое, как оно возникает, какова его структура? Существует физическое насилие и насилие повиновения — ведь если вы подчиняетесь кому-то или чему-то, в вас может зародиться насилие. Вы понимаете, что я имею в виду? Когда я подчиняюсь вам, подавляя при этом собственные мысли, это подавление однажды обернется взрывом. Поэтому мы говорим, что есть физическое насилие и есть насилие, вызванное повиновением, насилие соперничества, подчинения. Когда я приспособливаюсь к какому-либо образцу, во мне появляется насилие, вы видите эту связь? Когда я живу фрагментарной жизнью, то есть когда я думаю одно, говорю другое, а делаю третье, это также порождает насилие. Я могу вести себя очень спокойно, мягко, выполнять всю порученную работу, но неожиданно я вспыхиваю гневом: это свидетельствует о том, что во мне существовало внутреннее подавление. Поэтому бывает не только физическое насилие, поймите, это очень сложный вопрос. И если вы не задумывались над этим, то, когда вы столкнетесь с насилием, ваша реакция на него будет крайне неразумной.

С.: Можно ли жить в этом мире свободным, от какого бы то ни было насилия?

КРИШНАМУРТИ: Выясните это сами, работайте. Разберитесь, как можно жить без насилия.

С.: Только что вы говорили о подавлении. Может быть, здесь, во время обсуждения, то, что мы подавляем, способно обрести свободу. И я не уверен, будет ли это формой подавления.

КРИШНАМУРТИ: Давайте рассмотрим все по порядку. Вы знаете, что такое физическое насилие, когда мы гневаемся, бьем друг друга или когда кто-то оскорбляет нас словами. Это один вид насилия. Повиновение также является насилием; не так ли? Или вы считаете, что это не так? Я подчиняюсь, когда придерживаюсь левой стороны проезжей части дороги. Можно ли это назвать насилием?

С.: Нет. Это проявление разума, если бы вы не повиновались, вы бы попали в аварию.

КРИШНАМУРТИ: Верно. Что же из этого следует?

С.: Это факт.

КРИШНАМУРТИ: Значит, существуют факты и что-то еще. Продолжайте.

С.: ...и образы, которые мы создаем у себя в голове, но которые не существуют в действительности.

КРИШНАМУРТИ: Я подчиняюсь закону, который предписывает придерживаться правой

стороны в Европе и левой в Англии. Является ли это насилием? Конечно же, нет. Если вы слушаетесь человека, который, по вашему мнению, превосходит вас по уровню знаний, это насилие? Я обучаю вас математике и, хотя вы можете свободно со мной что-то обсуждать, в нашем совместном действии все равно присутствует элемент подражания, подчинения и послушания, не так ли? Является ли это насилием? Общество говорит вам, что вы должны отправиться убивать мусульман или коммунистов — насилие ли это?

С.: Да.

КРИШНАМУРТИ: Почему? В этом есть не только элемент физического насилия, частью этой ситуации является также так называемая любовь к стране, национализм, четкое определение самого себя как англичанина, немца, русского или мусульманина — и это есть форма насилия. Так как же вы сможете различить? Когда послушание является насилием, а когда нет? Вы видите это различие? Ведя машину по левой стороне дороги, я подчиняюсь и подражаю другим. В Англии я ношу брюки, а приезжая в Индию, переодеваюсь в национальную индийскую одежду — можно ли это назвать разновидностью подчинения? И когда я стараюсь соответствовать своим традициям, верованиям, стараюсь быть похож именно на индуса, разве это не является насилием? Где же проходит граница между насилием и осознанием существования воплощающей порядок свободы? Любое насилие есть беспорядок. Не поймите мои слова неправильно, не думайте, что достаточно сказать: «Я не буду подчиняться», а потом пойти и сделать что-нибудь глупое.

Насилием и беспорядком охвачен весь мир, включая и сферу бизнеса, несмотря на то, что существуют действительно хорошие, эффективно работающие компании; они конкурируют друг с другом, создавая тем самым беспорядок.

Итак, я вижу беспорядок, и моя свобода от него есть порядок, верно? Нам необходим разум, необходима способность проникновения в суть явлений, чтобы понять, что любое движение по направлению к беспорядку является насилием. Если в Англии я надеваю брюки, это приспособление? Для меня — нет. Однако приспособлением было бы сказать: «Я — индус, это моя традиция, мой обычай, мое верование». Поэтому я не буду приспособливаться, ибо в данном случае приспособление приводит к беспорядку. И я избавляюсь от индуизма в крови. Это есть подлинная свобода. Что значит повиноваться? «Ты должен это сделать», «Держитесь левой стороны», «Идите в церковь» или «Вы англичанин». Когда вы осознаете факторы беспорядка, вы освобождаетесь от него, потому что в вашей жизни появляется порядок.

Это и есть подлинное образование: жить жизнью, в которой существует удивительный порядок, в которой вы понимаете насилие, видите, когда подчинение необходимо и когда оно совершенно не нужно, осознаете те моменты, когда вы занимаетесь подражанием.

С.: Можно ли утверждать, что, когда человек занимается внутренним подражанием, он сталкивается с конфликтом? Например, когда вы учите язык из-за того, что чувствуете необходимость этого.

КРИШНАМУРТИ: Не существует ничего, что вам необходимо делать. Если вас к чему-то вынуждают обстоятельства, это насилие. Когда вы принадлежите к какой-то секте, группе, стране, это настоящее насилие, потому что имеет место разделение людей. Я вижу, что это происходит — но принимаю ли я в этом участие? Поиск ответа на этот вопрос я и называю работой, подлинной работой, речь идет не только об уходе за садом, приготовлении пищи и учебе; это тоже важно, но самое главное — видеть, понимать, живете ли вы в беспорядке. Вы можете поддерживать исключительный внешний порядок, следить за чистотой одежды, умываться и всегда вовремя приходить к обеду, но, тем не менее, подлинный порядок должен быть внутри. Если это так, то вы и делать все будете аккуратно. Если вы скажете: «Я буду работать в саду», вы будете этим заниматься, какая бы погода ни была (плохая или хорошая). Да,

вы же не работаете — я уже сделал все это за вас!

С.: Мы учимся этому в действии. Нельзя же уединиться в комнате и там заниматься поиском.

КРИШНАМУРТИ: Господи, конечно же нет! Вы познаете в действии. Действие и есть познание.

С.: Необходимо выяснить, сотрудничаем мы или приспособливаемся. Если мы действительно занимаемся сотрудничеством, то это не ведет ни к каким противоречиям.

КРИШНАМУРТИ: Возможны два варианта. Либо вам придется сотрудничать, потому что вас к этому принудят жестокие обстоятельства или что-то еще. Либо вы на самом деле хотите сотрудничать, делать что-то вместе, и вам это нравится. Это и есть порядок; нельзя жить, не выходя из своей комнаты.

С.: И в этом нет совершенно никакого противоречия?

КРИШНАМУРТИ: Никакого. Если вы или обстоятельства принуждают меня к чему-то, или я чувствую, что, если не сделаю этого, на меня будут смотреть свысока, появляется насилие. Но никакого насилия нет, если я вижу, что мы должны работать вместе, что жизнь — это совместная деятельность, что я не могу прожить в одиночку. В конце концов, я выясняю, возникает ли насилие, когда я что-то делаю вместе с вами — играю, разговариваю или слушаю вас. Я все познаю через наши взаимоотношения. В противном случае я не способен на это, я не могу запереться в своей комнате и выяснять там, есть ли во мне насилие. Я могу вообразить себе, что лишен его, но подлинная проверка, подлинное действие совершается во взаимоотношениях, тогда все становится ясно. Это и есть настоящая работа. И если вы будете ее выполнять, это наполнит вас огромной энергией, потому что в вашей жизни будет присутствовать порядок.

В чем назначение учителя? Три направления работы. Предназначение Броквуда.

(25 мая 1973)

Встреча только с работниками школы.

КРИШНАМУРТИ: Не знаю, обдумывали ли вы то, о чем мы говорили на днях: как знания обуславливают ум и можно ли учить фактам, передавать информацию и так далее — ведь все это и есть знание — не обуславливая ум. Знание приобрело в наших глазах огромное значение. Для некоторых индийцев оно считается дорогой к Богу. Мне представляется, что на Востоке знание символизирует образ жизни, при котором уже само изучение священных книг (таких, как Талмуд, сутры и Коран), запоминание и повторение текстов приближают человека к тому, что там называют Богом или Аллахом, или Йеговой.

Мы говорим, что процесс обуславливания осуществляется не только через культуру, религию, общественную мораль и так далее, но и посредством самого знания. Можно ли научить детей и самих себя тому, как освободить ум от знания и в то же время использовать знание без принуждения ума к механическому действию? Если бы я был учителем и работал в этой школе, меня бы очень беспокоил вопрос о том, как избавиться от обуславливания самого себя и ученика. Мы исследовали это и говорили: в самом акте обучения я познаю свое собственное обуславливание, вижу обуславливание ребенка и познаю способы избавления от него. Я предлагаю углубиться в вопрос о том, действительно ли знание обуславливает ум, и если да, то как этому можно помешать; как во время самого акта обучения и передачи информации избежать формирующего воздействия на ум ученика.

С.: Знание само по себе не обуславливает наш ум. Все дело в нашем отношении к знанию; если ваш ум просто содержит в себе определенные факты, это его вовсе не обуславливает.

КРИШНАМУРТИ: Почему вообще я должен хранить в уме какие-то факты? Для этого существуют энциклопедии, книги — почему я должен держать все это в уме?

С.: Очень часто ум действует на таком уровне, где знание, как инструмент, просто необходимо.

КРИШНАМУРТИ: Если я хочу построить мост, я должен обладать определенным знанием и опытом, мне нужны специальные познания в области техники. Все это я использую, чтобы построить мост. Я понимаю, что определенные знания хранить в уме необходимо, но как мне помешать инженеру, который говорит: «Я собираюсь использовать знания для достижения собственного успеха», злоупотреблять ими? Не в этом ли заключается проблема?

С. (1): Да, в данном случае это действительно будет злоупотреблением знания.

С. (2): Разве вам не кажется, что дело еще и в том, что ум не способен пребывать в покое? Даже на прогулке человек не любит деревьями, а размышляет о строительстве моста.

КРИШНАМУРТИ: Но если я должен построить мост, мне приходится очень много об этом думать.

С.: Кажется, что чем больше знаний и информации я способен без напряжения удержать в уме, тем лучше я буду обеспечен, потому что мне не придется пользоваться справочником. Я очень легко могу воспользоваться памятью.

КРИШНАМУРТИ: Так в чем же заключается функция знания? Вот вы, учителя

математики, географии, биологии и так далее, ответьте, пожалуйста, на вопрос: какова функция знания в нашей жизни?

С.: Это инструмент, который человек может использовать в своих действиях.

КРИШНАМУРТИ: Речь идет о действиях в определенном направлении.

С.: Это своего рода источник, который мы используем в своих действиях, независимо от того, получены эти знания из опыта или из книг.

КРИШНАМУРТИ: Вчера я разговаривал с родителями одного девятнадцатилетнего юноши из Лондона. Когда ему было восемнадцать, он учился в университете, но внезапно он все забросил, пристрастился к наркотикам и начал отдавать все свои деньги одному гуру, ежедневно в течение часа занимаясь медитацией. Его родители обеспокоены, они спрашивают: «Что с ним произойдет дальше?»

Что произойдет с этим мальчиками и девочками, которые учатся здесь, после того как вы закончите их обучение, передав им всю информацию об искусстве, музыке, геометрии, истории, английском языке и других предметах?

Они приобретают все эти удивительные узко специальные знания, и что происходит с ними потом? Это сделает их известными чиновниками в разложившемся обществе? Зачем? Когда юноша не поступает в университет и не получает диплом, ему очень сложно найти работу, если он не обладает каким-либо достоинством. Так что же мы пытаемся делать? Мы даем им все эти знания, полностью оставляя без внимания огромнейшую сферу — другую оставшуюся часть жизни. Вы знаете, что я имею в виду?

С. (1): Я не уверен, что мы ее полностью игнорируем. Получая знания, ученики открывают для себя, чем им нравится заниматься, где они могут применить свою энергию. Постепенно они обнаруживают, какому делу могут посвятить свою жизнь.

С. (2): Ученики также соприкасаются и с другими ценностями, потому что мы вместе слушаем ваши беседы, и по мере сил стараемся, чтобы они касались наших взаимоотношений с учащимися.

С. (3): Но ученику необходима устремленность к цели в жизни, выходящая за рамки достижений интеллекта, которые обеспечат ему повседневное существование. Он должен увидеть всю картину жизни целиком и задать вопрос: «Зачем я живу?»

С. (4): Способен ли молодой человек ответить на этот вопрос?

С. (5): Мы можем начать исследовать...

С. (6): У молодежи, а также в умах других людей существует изрядная доля неопределенности относительно тех областей жизни, где знания необходимы и полезны, и тех, где они неуместны, сбивают с истинного пути. Мне кажется, что подобная путаница все время возникает среди молодых людей, среди тех, кто слушает вас и читает ваши книги. С одной стороны, все вроде бы ясно и, тем не менее, существует замешательство относительно того, где пролегает граница между упомянутыми мною областями.

КРИШНАМУРТИ: Можно я задам вопрос по-другому? Каково назначение учителя?

С.: Показывать способ жизни.

КРИШНАМУРТИ: Кроме фразы: «Учитель есть ученик», — в чем функция учителя?

С.: Может быть, она состоит в том, чтобы вдохновить ученика с помощью энергии, которую он потом сможет использовать самостоятельно.

КРИШНАМУРТИ: Вы вдохновляете ваших учеников? Мне не нравится слово «вдохновлять». Я не хочу никого вдохновлять — кто я такой, чтобы делать это?

С.: Мы не вдохновляем их, мы высвобождаем их собственную энергию. Мы устраняем препятствие, сдерживающее их.

КРИШНАМУРТИ: Значит, в этом заключается назначение учителя? — Подталкивать

учеников к учебе, вдохновлять их, поощрять, или стимулировать их к учебе, когда они теряют интерес? Вы говорите, что мы должны помочь им найти цель в жизни.

С.: Помочь понять, что такое жизнь или, другими словами, помочь найти место, которое я, как личность, занимаю в этой целостной жизни.

КРИШНАМУРТИ: Посмотрите на то, что происходит в мире. Тысячи молодых людей бросают университеты, начинают принимать наркотики, увлекаются просто сексом, в том числе групповым; они убегают, присоединяются к ужасным общинам, сектам, бреют головы, танцуют на улицах, отдают все свои деньги какому-нибудь гуру.

С.: Это происходит потому, что они не получили истинного образования.

КРИШНАМУРТИ: А даем ли мы им истинное образование?

С.: Если это так, они не будут делать того, о чем вы говорили.

КРИШНАМУРТИ: Нет, дело не в том, что они не будут этого делать. Что мы, как учителя, стараемся сделать? Мы кормим их вегетарианской пищей, просим вовремя просыпаться, соблюдать чистоту, причесывать волосы, ухаживать за собой. По сути, что мы пытаемся здесь добиться?

С.: Самое главное — осознавать нашу обусловленность во взаимоотношениях с ребенком.

КРИШНАМУРТИ: Нет.

С.: По сути дела, нам приходится очень много времени проводить во взаимоотношениях с детьми, реагируя на все, чем они занимаются ежедневно, например, на их беготню по коридорам. Поступая подобным образом, мы практически неизбежно порти́м отношения с ребенком. Видите ли, здесь у него не одна мать, а двадцать или тридцать — и все по очереди указывают ему, что он делает не так. Я хочу узнать, какой вид образования, какой подход следует применить к ребенку, чтобы он больше не хотел бегать по коридору.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Я бы хотел взглянуть на все это по-другому, и может быть, я ошибаюсь. Вы знаете, что происходит в мире; с точки зрения политики все правительства продажны, причем не просто внешне, а на очень глубоком уровне. Все эти гуру путешествуют по миру, собирая деньги и последователей, искажая умы молодых людей; мы имеем различные виды наркотиков, имеем армию, сферу бизнеса. Понимая происходящее не просто абстрактно, а на самом деле, что мы пытаемся сделать с этими детьми? Добиться того, чтобы они приспособились к этому?

С.: Отчасти мы стараемся научить их также видеть все, что происходит в мире; ведь в какой-то степени это отражается и на нашей собственной атмосфере в нашей школе.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Пожалуйста, давайте будем немного конкретнее, немного честнее. Что мы пытаемся сделать?

С. (1): Я хочу, чтобы мои ученики смотрели на жизнь с большей серьезностью. Они выглядят очень небрежно и расслаблено, особенно те, кто помладше.

С. (2): Образование становилось для меня очень важным в те моменты, когда мой внутренний кругозор неожиданно расширялся настолько, что выходил из-под влияния учителя или избавлялся от определенного воздействия культуры. Происходило развитие моральных критериев, которые представляли предметы в их истинном свете.

С. (3): Основной принцип — это развитие моральных принципов в мире, где может произойти все что угодно.

С. (4): Разве мы не пытаемся понять, как можно жить по-другому? Уже положено начало некоторым скверным привычкам, возникло стремление делать все, что человеку хочется, а это так поверхностно и бессмысленно. Может быть, для ребенка существует иной путь, исполненный бесконечной глубиной.

С. (5): Личность человека, который дает что-то ребенку, должна быть приятна для него.

Ребенок чувствует, что мы довольно посредственны, и я не вижу для него никаких оснований, чтобы слушать вас. Мне кажется, что прежде всего нам необходимо развить некое новое качество в нас самих.

С. (6): Ты так думаешь, Дорис? Прежде всего, это необходимо для нас самих?

С. (7): Да, я думаю, что это так.

КРИШНАМУРТИ: Конечно же, нет.

С. (1): Здесь нет ничего общего с эгоизмом, но несомненно, что главное для нас — это найти для самих себя более подходящий способ действительно совместной жизни.

С. (2): Хорошо, но если мы открываем его для себя, разве это не значит, что мы открываем его как единое целое, а не просто как нечто, предназначенное исключительно для наших «я»?

С. (3): Конечно, мы ничего не делаем ради себя; мы не пытаемся незаметно возвеличивать нашу собственную личность, как раз наоборот. Но мне кажется, что здесь от каждого из нас требуется во много раз больше жизненной энергии.

КРИШНАМУРТИ: «Так должно быть», — и на этом для нас все кончается!

С.: Но что же нам делать?

КРИШНАМУРТИ: Я и хочу взяться за решение этой проблемы. Вот я, учитель, — что я пытаюсь делать?

С.: Очень многие наши учащиеся уже осознают происходящее во внешнем мире, и я думаю, что именно поэтому некоторые из старших ребят задают вопросы о коррупции правительства.

КРИШНАМУРТИ: Да, но что произойдет потом? Когда они столкнутся со всем этим, когда они выйдут во внешний мир, будут ли они им поглощены? Или просто скажут: «Извините, я не хочу иметь с этим ничего общего», — и отойдут в сторону?

С.: Им придется все понять самостоятельно.

КРИШНАМУРТИ: Как они это сделают, что послужит им светом, что поможет им проникнуть в суть и сказать: «Я не буду...»?

С. (1): Именно этим мы и пытаемся здесь заниматься и именно это интересует также их самих.

С. (2): Поэтому некоторые из детей поступили сюда.

КРИШНАМУРТИ: А теперь давайте отчетливо определим, это ли мы здесь пытаемся сделать? Вы думаете, что мы помогаем детям увидеть «то, что есть», испорченность этого мира и все остальное, и делаем все, чтобы они не попали в эту ловушку?

С.: Это только часть ответа на вопрос.

КРИШНАМУРТИ: В чем же состоит другая часть? Давать им знания? Помогать им обрести мужество, необходимое в предстоящем сражении? Как-то раз, беседуя с директором одной из школ в Индии, я спросил: «Вы занимаетесь этим уже почти сорок лет, вы потратили на это жизнь, — имеет ли это какой-нибудь смысл?» Он ответил: «Да». Тогда я спросил: «За все эти сорок лет были ли у вас юноша или девушка настолько выдающиеся, чтобы их не засосала эта ужасная трясина несправедливости?» Он ответил: «Я не знаю, по-моему, таких детей было очень мало». И я сказал: «Вы хотите сказать, что за все эти сорок лет, что вы провели здесь, лишь один или два ученика смогли избежать этого?»

С.: Кто в данном случае является источником проблемы — учитель или ученик?

КРИШНАМУРТИ: Оба. У вас ведь нет подходящего материала. Если человек хочет сшить хороший костюм, ему необходим хороший материал.

С. (1): Я бы сказал, что наш материал уже достаточно сильно испорчен.

С. (2): Но если не пренебрегать любым материалом, который вы можете найти, в этом тоже нет ничего хорошего; используя только самое лучшее, вы «выбрасываете за борт» что-то другое, являющееся неотъемлемой частью целого. Но возьмите первого попавшегося вам ребенка из

лондонских трущоб. Если задуманное нами вообще возможно, для этого подходит и такой ребенок.

С. (3): Я бы не стал говорить: «хороший материал» или «плохой материал». Я думаю, что все это — люди.

С. (4): В этом случае подразумевается, что общество это люди, единственное стремление которых состоит в том, чтобы поступать правильно, действовать интуитивно, быть чувствительным, осознавать свои действия. Мне кажется, что если бы все было действительно так, если бы мы могли взять все человечество и сказать, что каждый человек стремится к осознанию и чувствительности, что воздействие на учащегося имеет очень небольшое значение, это подорвало бы саму цель существования такой школы, как эта. Я думаю, что на самом деле определенное различие существует. Я думаю, что проблема заключается в том, кто приходит в эту школу, кто живет здесь — будь то преподаватель или ученик, и какова его цель.

С. (5): Некоторые люди обнаружили склонность к иному образу жизни, они проявили интерес. В таких случаях разум уже существует.

КРИШНАМУРТИ: Какая роль во всем этом принадлежит знанию?

С.: Цветок или собака не обладают знанием и поэтому живут той жизнью, какая им дана. Нам же знание необходимо; человека во многом характеризует то, как он умеет его использовать.

КРИШНАМУРТИ: То есть вы хотите сказать, что очень важно, как человек использует знание.

С.: Нет, это не так.

КРИШНАМУРТИ: Почему?

С. (1): Знание не имеет большого значения в реальной жизни.

С. (2): Правильный образ жизни вообще не зависит от каких-либо знаний.

С. (3): Но сама по себе жизнь зависит от знания.

С. (4): О каком знании мы говорим?

КРИШНАМУРТИ: Давайте выясним, какое знание имеется в виду.

С.: Мы говорим об академических научных знаниях; они являются частью нас самих. В настоящий момент мы используем их, если хотите, для интуитивного проникновения в суть проблемы.

КРИШНАМУРТИ: Давайте назовем такое знание академическим; это одно. Знание того, как жить, используя академические знания — это другое. Или знание представляет собой единое целое? И где во всем этом свобода, непосредственность? Существует академическое знание; если я познаю себя и использую это знание о себе, в этом нет никакой свободы. Не знаю, удастся ли мне донести до вас то, что я хочу сказать?

С.: Вы говорите, что человеку необходимо академическое знание, чтобы познавать себя?

КРИШНАМУРТИ: Нет. Должен ли я учиться в университете, чтобы познавать себя?

С.: Но ведь учеба в университете несколько не мешает вам этим заниматься.

КРИШНАМУРТИ: Таким образом, существует самопознание и академическое знание, которое всегда является прошлым; мы что-то добавляем к этому прошлому, что-то отнимаем, — в общем, пытаемся что-то создать. Если я говорю: «Я знаю себя», это не знание, которое я приобрел с помощью наблюдения за собой. Оно не дает мне свободу — я по-прежнему пойман в ловушку этим знанием о самом себе.

С.: Другими словами, идеей, которая у меня есть о самом себе.

КРИШНАМУРТИ: Совершенно верно, сэр.

С.: То есть проблема заключается в использовании научных знаний и их применении в самопознании.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Представьте себе человека, который никогда не учился в университете. Он может познавать себя через свои взаимоотношения с любым другим человеком.

С.: Но рассчитывает ли он на это знание, способен ли он его сохранить?

КРИШНАМУРТИ: Как только он запоминает его в памяти, это становится помехой, а значит, этот человек не может быть свободным. Я ясно выражаюсь?

С.: Вы имеете в виду, что самопознание можно понимать двояко? С одной стороны, это сбор незначительных фактов о самом себе, их запоминание и воспроизведение: «Я делаю это и это». С другой стороны, это очень глубокое восприятие всего этого процесса целиком, когда вы неожиданно видите его целостность, и все на этом забывается.

КРИШНАМУРТИ: И здесь нет ничего общего с накоплением знаний о себе.

С.: Вы хотите сказать, что мы начинаем видеть с такой силой, что все собранные вместе отдельные кусочки знаний исчезают, потому что мы уже видели их.

КРИШНАМУРТИ: Мы видим всего себя целиком...

С.: ...а значит, обретаем свободу.

КРИШНАМУРТИ: Совершенно верно. Это свобода. Если я познаю себя и говорю: «Я не должен делать это, но я должен делать то», — вы знаете, какими пустыми мелочами мы бываем озабочены, — то такое знание полностью изуродует меня: я ничего не осмеливаюсь сделать свободно, непринужденно. Я думаю, сейчас мы начинаем понимать, что существуют различные виды знания. Тогда что мы пытаемся пробудить в ученике? Мы даем ему не только «книжные» знания, это ясно. Но что еще мы даем ему? Мы стараемся помочь ученику шаг за шагом познавать себя? Накапливать знания о себе через отдельные, даже незначительные действия? Или мы стараемся помочь ему проникнуть в самую суть своего единого целого? Я думаю, что это важно. Как он сможет полностью проникнуть в себя так, чтобы все эти мелкие фрагменты встали на свои места? Как ему вести себя, как поддерживать хорошие отношения с другими людьми, чтобы все встало на место? И как мне донести до ученика эту мысль, как мне помочь ему в достижении этого?

С.: Если человек указывает на какое-либо действие, на какой-либо процесс в настоящем времени, мне кажется, что он сам должен быть вовлечен в этот процесс; человек должен активно исследовать это в себе, иначе все станет просто еще одним фактом, который прибавляется к остальным.

КРИШНАМУРТИ: Или еще одной серией идей; это мне понятно. Послушайте: я стараюсь научить ребенка математике и, кроме того, говорю ему, что он должен рано вставать, вовремя ложиться спать, аккуратно есть, умываться и так далее. И в то же время я хочу помочь ему обрести понимание сути вещей, которое позволит ему с легкостью, без напряжения вставать в положенное время и делать все остальное, что требуется в этой школе. Итак, я занимаюсь тремя вещами: преподаю учебные дисциплины, напоминаю ученику, что ему следует делать, и в то же время говорю: «Послушай, если ты проникнешь в суть этого, все встанет на свое место». Я поддерживаю гармоничное сосуществование этих трех направлений. Как мне донести до ученика смысл этого? Как мне помочь ему?

С.: Он должен увидеть, где эти все направления совпадают.

КРИШНАМУРТИ: Нет. Вы вновь стараетесь приспособить его к этой модели. И тогда он скажет: «Хорошо, я приспособлюсь к ней».

Прежде всего, давайте еще раз рассмотрим суть проблемы. Преподавание учебных предметов — это первое направление. Второе состоит из особенностей повседневной жизни и фраз типа: «Вставай, этого делать нельзя, того делать нельзя», — чем вам тоже приходилось заниматься. Третье направление — это когда вы говорите: «Послушай, обладать высочайшим

разумом значит инстинктивно совершать правильные поступки». Необходимо, чтобы все три эти направления сосуществовали гармонично.

С.: Это очень сложно...

КРИШНАМУРТИ: Нет, не говорите, что это сложно, вообще ничего не говорите, прежде всего поймите суть этого. Если вы говорите, что это очень сложно, вы заходите в тупик, из которого нет выхода.

С.: Последнее, третье направление представляет собой концепцию.

КРИШНАМУРТИ: Нет, это не концепция, не идея и не умозаключение. Передо мной три потока: способность проникновения в суть, пронизательность или разум, правила поведения и учебные предметы; и я чувствую, что они текут не вместе, они не соединяются в одну гармоничную реку. Поэтому я спрашиваю себя: что мне делать, как мне совместить в своей деятельности учителя эти три направления, чтобы они составляли единое целое? Слушая мои слова, вы приходите к определенному выводу и говорите: «Да, я воспринимаю это как идею». Я же утверждаю, что это не идея. И тогда возникает сложность, вы говорите: «Я не знаю, что делать». Но если это нечто реальное, как мне донести эту реальность до ученика — именно реальность, а не идею? Лично у меня никогда не возникало проблемы или конфликта по этому поводу.

Так как же мне, как учителю, который живет здесь в довольно тесном контакте с учениками — в том смысле, что я ежедневно вступаю с ними во взаимоотношения, как мне показать им это? Я спрашиваю вас, как вы продемонстрируете ребенку именно реальность этого, а не идею? Если это идея, то, значит, вам необходимо заниматься ее развитием или бороться с ней, — все это сущий вздор.

С.: Да, но если это имеет значение для меня, значит, это не лишено смысла.

КРИШНАМУРТИ: Это имеет для вас значение?

С.: Для меня это очень, очень значимо.

КРИШНАМУРТИ: Каким образом? Что вы имеете в виду под словами «значимо», «значение»?

С.: Мне кажется, что эти три направления очень важны.

КРИШНАМУРТИ: Прошу прощения, я бы не сказал, что они важны.

С.: Но это так.

КРИШНАМУРТИ: Хорошо, как вы донесете это до ребенка?

С.: Я уверен, что красота проникновения в суть вещей откроется ему сама — это чистейшая красота.

КРИШНАМУРТИ: Сэр, вы знаете, что означают ваши слова? Я не буду слушать, я смотрю на эту птицу, а вы говорите: «Необходимо увидеть красоту этого». Пусть в нем зародится семя. Как вы собираетесь посадить это семя? Вы понимаете?

С.: Да, я понимаю. Но я также вижу, что если все, что мы можем, — это посадить семя, и если взаимоотношения при этом не станут встречей двух уравновешенных умов, то из этого ничего не выйдет.

КРИШНАМУРТИ: Вы правы. Но как же, по вашему мнению, это сможет произойти? Вот, к примеру, мы найдем какого-нибудь мальчика, поможем ему, дадим ему все, что он захочет, — создадим вокруг него прекрасную атмосферу, будем хорошо кормить, направлять его действия, преподавать ему учебные дисциплины и так далее; а потом вдруг что-то произойдет, и вся оставшаяся жизнь мальчика пойдет под откос. Он начнет пить, пристрастится к женщинам или наркотикам, будет обманывать, совершать самые ужасные поступки, которые только возможны, — для него все будет кончено. Мне приходилось наблюдать подобные случаи. Если вы посадите семя в землю, оно, конечно, может погибнуть, но само по себе семя есть истина дерева, истина

растения. Поэтому я задаю вопрос: можно ли посадить его в нас, в детей, в вас и в меня?

С. (1): Я думаю, что можно; по определению это не поддается измерению.

С. (2): Весьма вероятно, что какой-то ребенок поступает сюда с сильно нарушенным прежним опытом и очень ненадолго; что ж, мы можем предложить только то, что у нас есть. Если мы достаточно уравновешенны, если мы действительно серьезно настроены, если обеспечиваем истинные взаимоотношения, то он унесет все это с собой, когда выйдет во внешний мир.

КРИШНАМУРТИ: Вы говорите: «Если мы настроены серьезно, если мы гармоничны...» Но так ли это на самом деле?

С.: Мне кажется, что именно это мы сейчас и исследуем.

КРИШНАМУРТИ: Можно ли утверждать, что я, все мы действительно серьезны и уравновешенны по своей сути? Достаточно ли мы серьезны, чтобы сказать: «Смотрите» — и выразить свою мысль, как на вербальном, так и на невербальном уровне?

С.: Сэр, именно это я имел в виду под словом «красота»: передачу сути на невербальном уровне.

КРИШНАМУРТИ: Чтобы обладать такой способностью, человеку необходима абсолютная внутренняя чистота, прозрачность и подлинная серьезность — обо всем этом мы только что говорили. Так есть ли это у меня, есть ли это у вас?

С.: Разве мы не обучаем и не познаем вместе? Разве мы не обращаем внимание на все, что происходит в течение дня? Таким образом, мы постоянно воспринимаем то, что нам открывается. Поскольку мы все это очень ясно ощущаем, действует сила, позволяющая нам соприкоснуться с каждым мгновением дня. Это не исправление; это, если хотите, способность проникновения в суть. И это также связано со знанием.

КРИШНАМУРТИ: Я вас понимаю. Но я пытаюсь выяснить, как мне донести это понятие о трех совместно движущихся потоках до детей.

С.: Нужно опираться на факт. Приведу только один пример: одна девушка спросила меня, можно ли поставить палатку. Я ответил: «Нельзя ставить ее рядом с дорогой». Тогда она спросила: «А почему нет? Я свободный человек», — то есть другими словами: «Не нужно меня учить». Я объяснил ей, почему этого нельзя делать. Таким образом, необходимо исследовать вопрос, чтобы человек понял суть ситуации, основанной на фактах; в данном случае привлекаются как академические знания, так и многое другое, включая интонацию голоса.

КРИШНАМУРТИ: Я знаю.

С.: Поэтому это не значит, что вы все время имеете дело с различными понятиями.

КРИШНАМУРТИ: Донесем ли мы это до ученика?

С.: Иногда это удастся, а иногда — нет. Необходимо серьезно работать над проблемой и вновь ее исследовать.

КРИШНАМУРТИ: Итак, вы говорите, что необходимо постоянно этим заниматься.

С.: Да, постоянно. Это не должно звучать как фраза: «Вы этого не сделали». Это откладывание дела в долгий ящик, это создает ограниченность и приводит к появлению неверного чувства, не давая проникнуть в суть вещей. Это все равно, что вы бы вошли в эту комнату и сказали: «Вы не делаете это как надо».

КРИШНАМУРТИ: Я понимаю вас и не подвергаю сомнению ваши слова. Я думаю, что здесь все верно, — поймите меня правильно, я не хочу показаться снисходительным.

С.: С другой стороны, даже если мы останемся на этом уровне и начнем работать здесь в тесной связи с другим уровнем, если это действительно происходит, то все вновь возвращается к вопросу наших «я» и наших взаимоотношений — гармоничных взаимоотношений между гармоничными людьми, если это возможно. Если нет, то наши действия так и останутся

исправительными мерами и никогда не станут движением, проникающим в глубины ребенка, никогда не приведут к взаимоотношениям, доносящим до него самую суть.

КРИШНАМУРТИ: Да, сэр.

С. (1): Разве само это действие не происходит на наполненном пониманием, глубоком уровне?

С. (2): Все зависит от того, доходит ли оно до этого уровня и чувствуете ли вы это. Возможно, я слишком много говорю о каком-то конкретном примере, потому что знаком с той ситуацией, знаю этого ребенка и знаю, какие у меня с ним на этом уровне сложились взаимоотношения. Может быть, я не уверен, достигали ли эти взаимоотношения той самой глубины. Во взаимоотношениях с маленьким ребенком я далеко не всегда чувствую, что это так. Имеем ли мы право выбирать и говорить: мне кажется, что один ребенок может обрести способность интуитивного проникновения в суть вещей, а другой не может. Отказываемся ли мы в таком случае от ребенка или говорим: «Вот что нужно этому ребенку» — и устанавливаем связь через это?

КРИШНАМУРТИ: К каждому ребенку нужно подходить индивидуально.

С.: Именно.

КРИШНАМУРТИ: Сэр, все, что вы сказали, конечно же, верно. Но можно ли подойти к этому по-другому? То, что я имею в виду, очень трудно «сказать». Может ли это семя зародиться без малейшего вашего вмешательства? Мы принимаем в этом определенное участие: в процесс вовлекаются мои взаимоотношения с ребенком, мое поведение, мои поступки, то, как я (а я могу быть человеком сентиментальным или уравновешенным) познаю себя, и после этого помогаю ребенку. И мы полагаем, что это, вероятно, единственный способ. Сейчас я спрашиваю, существует ли вообще какой-либо способ, при котором зарождение семени происходит без малейшего нашего вмешательства — мы абсолютно ничего не делаем, и все же это происходит.

С.: Я уверен, так должно быть, при любых истинных взаимоотношениях...

КРИШНАМУРТИ: Вы привносите в свои взаимоотношения...

С.: Может ли человек обладать глубоким пониманием смысла своей жизни? Можно ли увидеть...

КРИШНАМУРТИ: ...все сразу и целиком?

С.: Конечно, это должно происходить.

КРИШНАМУРТИ: Как?

С.: Несомненно, что в любой ситуации взаимоотношения играют лишь вспомогательную роль — по самому определению, способность проникновения в суть, интуиция имеет главное значение. Поэтому, если мы говорим об образовании, изначально основанном на самопознании и осознании, общество, наше окружение, наши взаимоотношения могут, конечно же, что-то значить, но главное, что человек сам должен все видеть, в нем должен быть источник, ведь это зарождается у него внутри, а не снаружи.

КРИШНАМУРТИ: Я все это понимаю. Я стараюсь увидеть нечто большее. Ученик приходит сюда ужасно обусловленным, возможно, он из неполной семьи или мало ли что там может быть. И, как учитель, я тоже прихожу сюда обусловленным. Я занимаюсь познанием себя, оказываю помощь в наших взаимоотношениях, я веду себя спокойно и все прочее. В наших взаимоотношениях я избавляю себя и его от этой обусловленности. Мы об этом знаем, мы уже это обсуждали, мы уже это увидели. И вот я спрашиваю себя: существует ли некий вариант поведения, при котором это семя зарождается в человеке естественным образом?

С.: Другими словами, вы спрашиваете: существует ли путь, который человек находит сам и не может сказать, что это произошло благодаря вам, — и все же это вы показываете ему этот путь? Правильно ли я вас понял?

КРИШНАМУРТИ: Нет, не совсем. Сэр, способны ли мы сотворить чудо?

С.: Это действительно вопрос.

КРИШНАМУРТИ: Подождите, сэр, вы меня понимаете?

С.: Хотим ли мы сотворить чудо? Или мы просто...

КРИШНАМУРТИ: Я думаю, что в данном случае имеет место и то, и другое, — причем чудо столь же необходимо, вы понимаете, что я имею в виду под словом «чудо»? В этом нет ничего похожего на...

С.: Означают ли ваши слова, что если есть семя и все благоприятные условия, то оно прорастает, подобно семени, посаженному в землю?

КРИШНАМУРТИ: Я говорю не об этом. Мы знаем, что ребенок, также как и учитель, приходит сюда обусловленным, и ему приходится учиться избавляться от этой обусловленности. Это избавление подразумевает совместное действие трех элементов: академические знания, детальное изучение правил поведения и умение видеть все в целом. Стараясь донести это до ученика, я познаю, как можно жить подобным образом. Но это занимает слишком много времени. Поэтому я говорю себе: «Чтобы все изменилось мгновенно, должно произойти чудо». Может быть, необходимо соединение обоих этих фактов: чуда и нашего старания избавиться от обусловленности. Способны ли мы и на то, и на другое? Я думаю, что да. И именно поэтому, как вы только что сказали, если мы уравновешенны и серьезны — то есть лишены сентиментальности, не вязнем в словах, основываемся на фактах, а не на идеях, — и если мы действуем, опираясь на эти свои качества, то чудо действительно происходит.

С.: Это лишь наполовину чудо, не правда ли?

КРИШНАМУРТИ: Да, сэр. Мне кажется, что как раз такое чудо здесь и необходимо. Это возможно, только если мы на самом деле необычайно серьезны и основываемся на фактах. Можем ли мы донести до ученика именно действительность, а не идеал, не «то, что должно быть», — ведь то, что «должно» быть, никогда не обходится без сентиментальности? Я думаю, что после этого и происходит чудо. Если вы называете меня глупцом, и я понимаю, что это факт, — то совершается чудо. Мы все выросли на «том, что должно быть», на идеях, на сентиментальном образе жизни; эти мальчики и девочки тоже привыкли к этому; они лишь очень ненадолго обращаются к фактам и превращают их в сентиментальность. Способны ли мы им объяснить, что в эту область вообще не следует заходить?

С.: Это означает, что, как сообщество, мы должны все вместе полностью от этого отказаться, потому что в противном случае наши взаимоотношения будут основаны на постоянном толковании поведения других людей, а не на истинном осознании и глубоком понимании.

КРИШНАМУРТИ: Да, совершенно верно.

Часть 2.

Беседы с родителями и учителями

Визит в другую страну всегда очень волнует, тем более, если вы ещё очень молоды. В США это особенно чувствуется, здесь много физической свободы, здесь в каждом кажется огромное количество энергии и повсюду неугомонная, постоянно меняющаяся, кажущаяся бесконечной деятельность. От побережья до побережья все крупные города, за исключением одного-двух, выглядят одинаково. Но страна эта огромна и необыкновенно прекрасна: обширные пространства, пустыни, длинные, извилистые и глубокие реки. Здесь очень разнообразный климат, можно встретить и тропики, и высокие, покрытые снегом горы.

В просторной комнате, выходящей окнами на Тихий океан, несколько человек беседовали об образовании. Высокий мужчина в твидовой куртке сказал: «Мои сыновья и дочери бунтуют. Кажется, что они считают свой дом лишь переходом куда-то ещё. Они уверены, что их незачем чему-либо учить; у них есть ответы на все вопросы. Они испытывают неприязнь к власти или тому, что они считают властью. Естественно, они против войны, но не потому, что много размышляли о её причинах; они просто против убийства других людей; и в то же время в некоторых случаях они бы войну одобрили. Они удивительно жестоки и не только с нами; они выступают против правительства, против всего, что им не нравится. Они говорят, что борются с подчинением, но я видел по ним и по их друзьям, которых они приводят в наш дом, что они в своём роде такие же приспособленцы, как и мы были всегда. Их форма приспособления — это длинные волосы, грязные босые ноги, небрежность и беспорядочный образ жизни. У них свой собственный язык. Мои сын принимал наркотики. Он мог бы прекрасно учиться в университете, но бросил его. И хотя он чуткий, умный человек и обладает тем, что называют вниманием к другим, он захвачен этим водоворотом. Всё его поколение выступает против установленного порядка, будь то в университете, правительстве или семье. Некоторые из них читают книги мистического содержания, увлекаются чёрной магией и другими странными, связанными с оккультизмом вещами. Некоторые из них, действительно, очень милые, мягкие, спокойные люди, но внутри них живёт чувство агонизирующего отчаяния».

Затем заговорил другой человек. «Всё это очень хорошо, пока они ещё молоды, но что же будет, когда они состарятся? В такой стране, как эта, они без труда зарабатывают несколько долларов и живут на них некоторое время, но когда они постареют, быстро обнаружится, что это уже не так легко, как раньше. Протестуя против нашего общества изобилия, они обращаются к тому, что называют простой жизнью; они хотят возвратиться к примитивному образу жизни, уподобиться дикарям с множеством жён и детей, при этом понемногу копаясь в земле или занимаясь чем-нибудь в этом роде. Они организуют коммуны. Некоторые из них настроены действительно серьёзно, но другие вторгаются к ним и разрушают их планы. И так это повторяется вновь и вновь».

Третий собеседник сказал: «Я не знаю причины этого всего. Как родителей, нас можно винить в их дурном воспитании, в их бунте, в отсутствии у них уважения. Конечно, у нас, родителей, свои сложности. Наши семьи разрушены, мы ссоримся, нам надоели наши ежедневные дела, мы — закоренелые лицемеры. По выходным мы обращаемся к религии, в будни остаемся просто прирученными дикарями. Наши дети всё это видят — по крайней мере, мои — и, естественно, не испытывают к нам особого уважения. Они презирают вождей, за которых мы голосуем. Мы посещали колледжи и университеты; они видят, какими мы стали, и, конечно, — я их за это не виню — они не хотят иметь с нами ни малейшего сходства. Мой сын назвал меня лицемером прямо в лицо, и, поскольку он говорил правду, я ничего не мог с этим поделать. Этот бунт очищает мир».

И вот что говорил четвёртый: «Спросите их, чего они хотят, и все, за исключением сторонников конкретных политических акций (к счастью, таких людей не очень много), скажут: «Мы не знаем и не хотим знать. Но мы знаем, чего мы не хотим, и со временем мы выясним остальное». Их аргумент крайне прост: «Вы-то, конечно, знали, чего хотели, — больше денег и лучшего положения в обществе, — теперь посмотрите, к чему вы привели мир. Этого-то мы уже точно не хотим». Некоторые из них желают лёгкой, удобной жизни, они пассивны, поддаются, не сопротивляясь, удовольствию в любой форме. Секс для них — ничто. Интересно, почему всё произошло так внезапно, буквально за последние несколько лет. Вы часто бывали в этой стране: в чём же, по-вашему, причина этого всего?»

Не кроется ли причина гораздо глубже, нет ли здесь более глубокого движения, о котором молодое поколение, быть может, не подозревает? В обществе или культуре, настолько материально богатой, обладающей поразительно совершенными технологиями, такой энергичный народ позволяет себе жить такой поверхностной жизнью. Его религиозные верования не ведут к глубокому познанию самого себя. Людей, кажется, удовлетворяет внешнее давление материального благополучия с его конкуренцией и войнами. Этот народ стремится покорить космос, но не желает исследовать ещё шире, ещё глубже... Эта нация озабочена лишь выкачиваем извне — дайте им больше того, ещё больше этого — и привязана к получению удовольствия. Их бог мёртв, если только он у них когда-нибудь был. Об этих людях написана масса книг, их анализировали и распределяли по категориям. Они даже организовали специальные курсы, на которых обучают чуткости. У этой нации исчезло чувство каникул. Жизнь стандартизована и потеряла всякий смысл — перенаселённые города, бесконечные автомагистрали и всё остальное. Что вы можете предложить молодым людям?

Что вы можете им дать — свои заботы, проблемы, свои абсурдные достижения. Естественно, любой умный человек должен этому воспротивиться. Но сам же этот бунт содержит в себе семя конформизма: подчинение условиям своей собственной группы при противостоянии другой. Молодёжь начинает с того, что восстаёт против приспособления и заканчивает конформизмом же, только в ещё более нелепом виде. Вы жили ради удовольствия, и они хотят жить ради своего собственного, особенного удовольствия. Вы способствовали возникновению войны, и они, разумеется, выступают против. Всё, что вы сделали, построили и произвели, направлено на достижение материального благополучия, которое тоже имеет право на место в этом мире, но когда эта система замыкается сама на себе, зарождается хаос. Интересно, вы действительно любите своих детей? Это не то, что обычно делают люди в других частях света; дело не в этом. Вы можете заботиться о них, когда они ещё совсем маленькие, давать им всё, что они хотят, кормить их самой вкусной едой, баловать их, обращаться с ними как с игрушками и использовать их для осуществления своих собственных планов или получения удовольствия. Во всём этом нет ни намёка на самоограничение, на чувство меры, что вовсе не приравнивается к аскетизму монаха. Вы привержены идее, что дети должны развиваться свободно, не должны подавляться, их не следует учить тому, что делать; люди следуют рекомендациям специалистов и советам психиатров. Вы создаёте поколение, не знающее ограничения, а когда оно бунтует, вы либо ужасаетесь, либо наоборот, получаете удовлетворение, в зависимости от того, чем была обусловлена ваша жизнь. Так что вы за всё это в ответе.

А теперь позвольте спросить, не означает ли это, что настоящей любви не существует? Любовь стала просто формой удовольствия, духовным или физическим развлечением. Сколько бы вы ни заботились о детях в младенчестве, вы позволяете, чтобы их убивали. В глубине души вы хотите, чтобы они приспособились, пусть не к вашему родительскому стандарту, а к структуре общественного порядка, которая сама по себе испорчена. Вы ужасаетесь, когда они на

всё это плюют, но в то же время вы странным образом этим восхищаетесь. Вам кажется, что это свидетельство особой независимости. В конце концов, из истории мы знаем, что ваши предки покинули Европу ради независимости, так что этот круг вечно повторяется.

Собеседники слушали спокойно. Затем высокий мужчина сказал: «В чём же причина всего этого? Я хорошо понимаю ваши слова. Если на это внимательно посмотреть, всё становится очевидным и понятным. Но в чём же здесь заложен смысл?»

Вы попытались придать значение жизни, в которой очень немного смысла, которая пуста и мелочна, и когда вам это не удалось, вы постарались изменить жизнь, наполнить её смыслом. Это «наполнение» может продолжаться бесконечно, но оно не распространяется внутрь, ему не хватает глубины. Движение по горизонтали приведёт вас в самые невероятные и увлекательные места, но жизнь останется такой же пустой. Можно попытаться достичь этой глубины интеллектуально, но этот путь так же банален. Для ума, который действительно изучает, а не просто играет словами или складывает вместе гипотезы, горизонтальное движение имеет очень небольшое значение. Оно не может ничего предложить, кроме самого очевидного, так что бунт, опять же, становится бессмысленным, потому что бунтующие по-прежнему двигаются в том же направлении — вовне, к политике, к реформам и так далее. Революция возможна только внутри человека. Здесь движение происходит не по горизонтали, но по вертикали — вниз и вверх. Внутреннее движение в самом себе никогда не происходит горизонтально, и поэтому оно обладает неизмеримой глубиной. И когда открывается эта глубина, исчезают сами понятия горизонтали или вертикали.

Вот этого вы детям не предлагаете. Ваши боги, ваши проповедники, ваши вожди озабочены лишь тем, что лежит на поверхности: лучше подготовиться, лучше систематизировать, лучше организовать — всё, что необходимо для эффективности; но так на все вопросы не ответить. Ваша бюрократия может быть великолепно организована, но она неизбежно превращается в тиранию. Тирания наводит на поверхности порядок. Предполагается, что ваша религия открывает глубину, но она есть лишь плод разума, тщательно спланированная, всеми признанная разновидность пропаганды, в которую верит множество людей. Но в ней нет внутренней красоты. До тех пор, пока образование имеет дело только с внешней культурой, которая выделяет, навязывает нам приспособление, внутреннее движение со всей его непостижимой глубиной останется уделом лишь немногих, и в этом также скрыт источник печали. Эту печаль нельзя ни прогнать, ни понять, если, накопив огромный запас энергии, бежать по поверхности. Пока вы не решите эту проблему через самопознание, бунт будет следовать за бунтом, реформы будут сменять реформы и вечное противостояние людей будет продолжаться. Само-познание — это начало мудрости, которое не отыскать в книгах, церквях или среди нагромождений слов.

Невозможно до конца постичь какую-либо страну, если в ней некоторое время не пожить. Но даже люди, которые там живут, проводят дни и годы своей жизни, а затем умирают, довольно редко обладают чувством всей своей страны целиком. Люди в этой огромной стране с множеством языков обычно очень мирные и провинциальные. Классовые различия, возникшие из религий, песнопений и преданий, продолжают укрепляться, исчезает это единство, это ощущение святости жизни, вещей, лежащих вне границ мысли. Приезжая сюда каждый год на несколько месяцев, вы заметили бы всеобщий спад; в каждом крупном городе обнаружился бы огромный рост населения; пройдя вдоль по улице, вы бы увидели людей, спящих прямо на тротуаре, ужасную бедность, грязь. А за углом — храм или мечеть, полная людей; за городом — фабрики, поля и холмы.

Это по-настоящему чудесная страна, с её высокими, покрытыми снегом горами, широкими глубокими долинами, реками, пустырями, плодородной почвой, пальмами, лесами и исчезающими дикими животными. Люди озабочены политикой — одна группировка противостоит другой — а значит, растущая бедность, нищета, грязь — и почти никто не замечает красоту земли. А она действительно очень красива: разнообразие природы, буйство красок, бескрайний простор неба. Можно действительно понять эту страну, постичь её древние традиции, мечети и храмы, свет яркого солнца, увидеть её попугаев и обезьян, тысячи земледельцев, борющихся с бедностью, голодом и нехваткой воды вплоть до периода дождей.

Если подняться на холмы, то можно почувствовать свежесть и прохладу воздуха, полюбоваться зеленью травы. Кажется, что вы совсем в другом мире, снежные горы вокруг вас простираются на многие сотни миль. Эта картина потрясающе величественна; но, спустившись по узенькой тропинке вниз, вы встретите бедность и страдание; под небольшим навесом будет сидеть монах и беседовать со своими учениками. От этого всего появляется чувство некоей отчуждённости. Можно встретить умных людей, воспитанных многими поколениями религиозной мысли, которые обладают особой способностью, по крайней мере на словах, постичь всё разнообразие жизни. Они с вами с удовольствием побеседуют, будут цитировать, сравнивать, вспоминать слова из их священных книг. Любая мысль у них на кончике языка, слова нагромождаются на слова, а мимо протекают воды глубокой реки. Вы ощутите всю целостность этой поразительной красоты: горы, холмы, леса, потоки огромного населения, многочисленные конфликты, глубокая печаль и музыка. Здесь все любят музыку. В деревнях, в городах люди могут просидеть час, полностью погрузившись в движение звуков, отбивая ритм ладонями, покачивая головой или всем телом в такт музыке. И сама музыка тоже прекрасна.

Здесь же существует поразительная жестокость, растущая ненависть: а вот и толпа людей вокруг храма на холме. Миллионы людей совершают паломничество к этой реке, самой священной из всех рек, и возвращаются домой счастливые и уставшие. Это их способ получения удовольствия во имя религии. Здесь повсюду саньяси, монахи. Серьёзные, и такие, кто принял духовный сан, лишь ради более тёплой жизни. С одной стороны, вечная уродливость, с другой стороны, великая красота дерева и лица. Вот нищий поёт на улице песню о древних богах, мифах и величии доброты. Строительные рабочие слушают его и делятся с ним, чем могут, в благодарность за пение. Это — потрясающая земля, наполненная столь же потрясающей печалью. Со слезами вы чувствуете это где-то глубоко в себе.

Здесь есть всё: политик со своими амбициями, беспрестанно говорящий о людях и их благосостоянии, огромное количество самых разных, но одинаково пустых вождей и толпы их последователей, языковое разделение, поразительное высокомерие, эгоизм, расовая и родовая

гордость; но самое удивительное здесь — это детский смех. Кажется, дети ничего этого абсолютно не замечают. Они бедны, но их смех гораздо выше смеха богатых и заносчивых. На этой земле есть всё, о чём вы только можете подумать — обман, лицемерие, одарённость, развитые технологии, эрудиция. Вот маленький мальчик в лохмотьях учится играть на флейте, а рядом, в поле, растёт одинокая пальма.

В долине, удалённой от городов и шума, где самые древние холмы в мире, отец пришёл, чтобы поговорить о своих детях. Он, вероятно, никогда не смотрел на эти холмы; казалось, что они искусно вырезаны руками человека; огромные валуны, нагромождённые друг на друга. Небо в это утро было удивительно голубое, и можно было увидеть, как несколько обезьян сновали туда-сюда по дереву, стоящему недалеко от террасы. Мы сидели на полу, на красном ковре, и он сказал: «У меня несколько детей, и вот начались неприятности. Я не знаю, что мне с ними делать. Мне пришлось поскорей выдать замуж дочерей, а сыновьям будет очень трудно дать образование... Да и девочкам тоже», — добавил он в раздумье. «Но если они не получают образование, то будут жить в бедности, без будущего. Меня и мою жену это очень беспокоит. Видите ли, сэр, я лично получил прекрасное образование; я закончил университет, и у меня хорошая работа. Некоторые из моих детей необыкновенно умны и сообразительны. В более примитивном обществе с ними всё было бы в порядке, но сегодня, чтобы хотя бы жить прилично, нужно иметь особые познания в какой-нибудь специальной области знаний. Мне кажется, я люблю их и хочу, чтобы они жили в счастье и труде. Я не знаю, что означает слово «любовь», но я испытываю к ним какое-то особое чувство. Я хочу, чтобы о них заботились, давали знания, но я знаю, что, как только они пойдут в школу, другие дети и учителя испортят их. Учителю не интересно их учить. У него — свои заботы, свои амбиции, свои семейные ссоры и неприятности. Он будет повторять выученное из книги, и дети станут такими же нудными, как он сам. Ох уж мне вся эта борьба между учителем и учеником, сопротивление части детей, наказания и поощрения, боязнь экзаменов. Всё это неизбежно уродует умы детей, но они всё-таки должны пройти через такую мельницу, чтобы получить диплом и работу. Так что же мне делать? Я часто лежу без сна и думаю об этом. Я вижу, как год за годом дети портятся. Вы не замечали, сэр, что с наступлением половой зрелости с ними что-то происходит. Их лица меняются, кажется, будто они что-то потеряли. Я часто удивляюсь, почему это огрубление, это сужение ума происходит в юношестве. Разве частью образования не является сохранение этой способности к доброте? Я не знаю, как выразиться яснее. Похоже, что все внезапно становятся жестокими и агрессивными, с нелепым чувством независимости. На самом деле у них нет никакой независимости.

Учителя, видимо, не обращают на это никакого внимания. Я вижу, как мой старший сын возвращается из школы уже изменившимся, ожесточившимся, с холодным, безжалостным взглядом. И я снова спрашиваю, что мне делать? Мне кажется, я люблю их, иначе я бы так о них не говорил. Но я обнаруживаю, что ничего не могу поделать, влияние окружения слишком велико, конкуренция растёт, жестокость и способность работать только высокоэффективно становится нормой. Значит, мои дети станут похожими на других, такими же ненужными; их взгляд утратит любопытство, и счастливая улыбка никогда не появится на их лицах. И, как родитель, как один из миллиона родителей, я пришёл спросить, что мне делать. Я прекрасно понимаю, какое воздействие оказывает общество и культура, но я должен отправлять детей в школу. Я не могу дать им образование дома, — ни у меня, ни у моей жены нет времени, и кроме того, они должны общаться с другими детьми. Я беседую с ними дома, но мои слова — как глас вопиющего в пустыне. Вы знаете, сэр, насколько мы любим подражать, и наши дети такие же. Они хотят принадлежать к чему-нибудь, они не хотят оказаться за бортом, а политические и религиозные лидеры этим пользуются и извлекают для себя выгоду. И буквально через месяц

наши дети уже участвуют в парадах, отдают салют флагу, выходят на демонстрацию против всё равно чего, бросают камни и кричат. С ними покончено, они пропали. Когда я замечаю подобные перемены в своих детях, на меня это действует так угнетающе, что я нередко хочу совершить самоубийство. Могу ли я вообще что-нибудь сделать? Они не хотят моей любви. Им нравится цирк, как и мне когда-то, и повторяется всё та же история».

Мы сидели очень тихо. Слышалось пение птицы, и древние холмы были залиты солнечным светом. Мы не можем вернуться к старой системе, когда учитель жил вместе с несколькими учениками, которые получали от него наставления и наблюдали за его образом жизни. Это ушло в прошлое. Теперь у нас есть механическая технология, оттачивающая ум до остроты металлического лезвия. Мир становится всё более индустриальным, и это приносит свои проблемы. Образование просто игнорирует остальную часть человеческого бытия. Это всё равно, что у вас одна правая рука была бы хорошо развита, сильна, активна, а всё остальное тело усыхало, становилось слабым и немощным. Вы, может быть, являетесь исключением, но большинство родителей хотят, чтобы индустриальный, механический процесс развивался за счёт всего человека целиком. И кажется, большинство побеждает.

Но разве не могло бы интеллигентное меньшинство родителей собраться вместе и организовать школу, в которой рассматривали бы и изучали человека как целое, в которой учитель был бы не просто информантом, машиной, передающей определённую порцию знаний, а занимался бы процветанием целого? Это означает, что учитель сам должен учиться. Это означает, что нужно создать место, где бы это обеспечивалось, и что необходима помощь нескольких действительно заинтересованных родителей. Или это только чувство отчаяния, которое у вас со временем исчезнет? Вряд ли мы сможем сейчас обратиться к поиску истины в чём-то конкретном, а затем довести всё до конца. Я думаю, сэр, что здесь и кроется причина проблемы. У вас, видимо, особые чувства к вашим детям, и вы думаете об их будущем. Но то, что вы осознаёте происходящее в мире, не особенно вам помогает; вы подстраиваетесь под законы общества. Вы просто дали себе волю жаловаться, но это никуда не приведёт. Вы отвечаете не только за своих собственных детей, но и за всех остальных, поэтому вам нужно объединить свои усилия с другими родителями для создания новых школ. Это зависит от вас, а не от общества или правительства, ибо вы есть часть этого общества. Если бы вы действительно любили своих детей, вы бы без колебаний посвятили себя становлению не только иного типа образования, но совершенно другого типа общества и культуры.

Ранним утром, ещё до восхода солнца, над рекой стелилась лёгкая дымка. Противоположный берег был едва различим. Было довольно темно, и чёрные силуэты деревьев выделялись на фоне светлого неба. Рыбацкие лодки были всё ещё здесь: их маленькие фонарики светили всю ночь. Тёмные и практически неподвижные лодки. В них ловили рыбу с вечера, и оттуда не доносилось ни звука. Иногда в конце дня ещё можно услышать, как рыбаки что-то напевают, но к утру они уже устали, и поэтому было тихо. Мягко увлекаемые течением, они вскоре должны были вернуться со своим уловом в их родную деревеньку, расположенную ниже по реке на нашем же берегу. По мере того как проходило время, восходящее солнце зажгло в небе немногочисленные облака. Они отливали золотом и были наполнены необычной красотой этого утра. Свет усиливался и заливал всё вокруг; солнце, за это время поднявшееся над деревьями, осветило нескольких попугаев, которые, громко крича, летели к полям за рекой. Они летели шумно, быстро — мелькали только их зелёные и красные клювы — чтобы через час или чуть больше возвратиться в свои маленькие убежища в ветвях тамаринда. Зелёная листва их совершенно скрывала, и вы бы вряд ли заметили птиц, если бы не их ярко-красные клювы.

Солнце проложило над водой золотистую дорожку, по мосту с ужасным шумом прогрохотал поезд; но именно вода скрывала в себе прелесть утра. До противоположного берега было далеко, наверное, около мили. Земля там была возделана под озимую пшеницу, и свежая волна зелени переливалась под лёгким утренним ветерком. Золотистая дорожка превратилась в серебристую, светлую и чистую, и этот свет можно было увидеть ещё долгое время. Именно он проникал через деревья, через поля в самое сердце любого человека, который на него смотрел.

И вот настал день со всем его привычным шумом, но река по-прежнему была так прекрасна, так величественна и спокойна. Это была самая священная река в мире, она считалась священной тысячи лет. Люди со всех концов страны стекаются сюда, чтобы окунуться в её воды, смыть свои грехи, а затем, в мокрой одежде, медитировать, сидя на берегу с закрытыми глазами и совершенно неподвижно. В тот момент была зима, и речка обмелела, но на середине было по-прежнему глубоко, и течение было очень сильное. В период муссонов и с приходом дождей вода поднимается на 30, 40, 60 футов, всё сметая на своём пути, смывая человеческую грязь, унося с собой трупы животных и деревья, чтобы потом вновь превратиться в широкую, чистую и свежую реку.

В то утро возникло ощущение чего-то нового, и если сесть и присмотреться, то можно было заметить, что новизна эта исходит не от деревьев, полей или этой спокойной реки. Было что-то ещё. Вы наблюдали совершенно новым умом, с новым сердцем и глазами, в которых не было воспоминания о вчерашнем и убожества человеческих дел. Утро было действительно прекрасным — прохладное, свежее, и в воздухе разносилась песня. Мимо проходили нищие, и женщины в грязной, рваной одежде тащили топливо в город, который находился на расстоянии двух-трёх миль отсюда. Повсюду была бедность и неприкрытая грубость. Мальчишки на велосипедах развозили молоко и распевали песню, в то время как взрослые двигались тихо и монотонно, — худые, надломленные, напряжённые фигуры. Но всё же это было прекрасное, чистое утро, чистоту которого не нарушали ни грохочущий по мосту поезд, ни отрывистое карканье ворон, ни крик человека на том берегу.

Комната была с террасой, выходящей на реку, которая текла всего в 30 - 40 футах (10 метрах) ниже. На абсолютно чистом коврике сидела группа родителей. Все они были сытые, смуглые, чистоплотные и воплощали собой самодовольную респектабельность. Они пришли как родители, чтобы поговорить о своих взаимоотношениях с детьми и об их образовании. В этой

части света традиция до сих пор занимает очень важное место. Предполагалось, что все они получили хорошее образование или, по крайней мере, университетские степени и имели хорошую, по их мнению, работу. В них прочно укоренилось уважение не только к превосходящим их по профессиональным качествам людям, но и к людям религиозным. Всё это — часть их ужасной респектабельности. Их уважение становилось неуважением и даже явным пренебрежением к тем, кто стоял ниже их.

Один из гостей сказал: «Как отец, я бы хотел поговорить о своих детях, их образовании и о том, что им делать дальше. Я чувствую за них ответственность. Мы с женой вырастили детей в постоянной заботе, так осторожно, как только могли направляя, формируя, помогая им. Я послал их в местную школу, и теперь я озабочен тем, что с ними может произойти. У меня 2 сына и 2 дочери. Как родители, мы с женой сделали всё возможное, но даже этого может оказаться недостаточно. Вы знаете, сэр, демографический взрыв, получить работу становится всё труднее, образовательный уровень невысок, а студенты университета бастуют из-за того, что не хотят повышения стандартов на экзамене. Они хотят лёгких оценок; в действительности им просто не хочется работать или учиться. Меня это очень беспокоит, и интересно было бы узнать, как я или школа, или университет, сможем подготовить детей к будущему».

Другой добавил: «И у меня точно такая же проблема. Я отец троих детей. Двое мальчиков ходят в здешнюю школу. Они, без всякого сомнения, сдадут что-то вроде экзаменов, поступят в университет, но полученный ими уровень подготовки даже близко не дотягивает до европейских и американских стандартов. Но я чувствую, что образование, которое они получают позже, испортит их светлый взгляд и отзывчивое сердце. Но диплом им нужен, чтобы обеспечить себе средства к существованию. Меня очень волнуют условия жизни в этой стране: перенаселение, растущая бедность, полная несостоятельность политиков, груз традиций. Я вынужден выдать замуж свою дочь; она всё предоставит мне, иначе как же она сможет распознать, за кого выходить? Я должен выбрать жениха, который, с божьей помощью, получит диплом и найдёт где-нибудь надёжную работу. Это нелегко, и я очень волнуюсь».

Остальные трое родителей согласились; они важно покивали головами. Животы их не знали голода; они были индусами до мозга костей, пропитанными своими малозначительными традициями и пустой тревогой о своих детях. Вы очень аккуратно запрограммировали своих детей, видимо, так и не поняв сущность проблемы. Но не только вы, но и общество, экономическое и социальное окружение, культура, в которой они выросли и были воспитаны, формировали их по определённому образу. Теперь им предстоит пройти через мельницу так называемого образования. Если повезёт, они, с вашей помощью, получат работу и поселятся в небольших домиках вместе со своими так же обработанными жёнами или мужьями, чтобы вести монотонную, унылую жизнь. Но, в конце концов, это то, чего вы хотите — устойчивое общественное положение, дисциплинирующий брак, плюс религия в качестве украшения. Большинство родителей хотят именно этого, не так ли? — места в обществе, испорченность которого в глубине души все признают. Ради исполнения своего желания вы создали школы и университеты. Главное — дать молодым людям знания в области технологии, которые обеспечат им заработок и дадут надежду на лучшее будущее, совершенно не замечая при этом всех остальных проблем человека. Беспокоясь из-за одного элемента, вы игнорируете многие другие составляющие человеческого бытия. Но у вас ведь и нет желания об этом думать, не правда ли?

«Мы на это не способны. Мы не философы, не психологи, не специалисты по исследованию сложной жизни. Нас научили быть инженерами, врачами, профессионалами, всё наше время и энергия уходят на поддержание статуса, потому что постоянно появляются новые открытия. Из ваших слов мы поняли, что вы предлагаете нам заняться тщательным исследованием самих себя.

У нас нет для этого ни времени, ни склонности, ни интереса. Большую часть дня я, да и все мы здесь, проводим в офисе, на строительстве моста и у больных. Мы можем заниматься только одним делом и поэтому закрываем глаза на всё остальное. Нас даже не хватает на посещение храма: мы оставили это занятие для наших женщин. Вы хотите изменений не только в религии, но и в образовании. Здесь мы к вам присоединиться не можем. Возможно, я бы хотел, но у меня просто нет времени».

Интересно, действительно ли у вас нет времени? Вы разделили жизнь на отрасли. Вы отделили политику от религии, религию от бизнеса, бизнесмена от художника, профессионала от дилетанта и так далее. И именно это разделение вызывает разрушение, но не только в религии, но и в образовании. Ваша единственная забота — это обеспечить детям учёную степень. Конкуренция растёт; образовательный уровень в этой стране понижается, и вы продолжаете настаивать, что у вас нет времени подумать о жизни человека в целом. Почти каждый по-своему высказывает эту мысль. Как следствие, вы поддерживаете существование культуры, в которой усиливается конкуренция, растёт разделение труда между специалистами и появляется всё больше конфликтов и горя. Это ваше горе, а не чьё-нибудь ещё. Но вы по-прежнему возражаете, что нет времени, и ваши дети будут повторять те же слова. На западе молодёжь и студенты бунтуют; их протест постоянно направлен против чего-то, но бунтующие остаются не меньшими конформистами, чем те, против кого они восстают. Вы хотите, чтобы ваши дети подчинялись: вся структура религии и экономики базируется именно на подчинении. И ваше образование нацелено на то же. Так как вы надеетесь, что подчинение обеспечит жизнь без проблем, вам кажется, что проблемы возникают только в результате беспокойства или изменений. Вы не замечаете, что не перемены порождают проблемы, а само подчинение. Вы опасаетесь, что любое изменение образца вызовет хаос, смятение, и поэтому вы учите своих детей принимать традиционные точки зрения; вы программируете их на подчинение. Из подчинения вырастают бесчисленные проблемы. Всякая физическая революция начинается с того, что ломает существующую модель подчинения, вскоре устанавливая свою собственную, как это произошло в России и Китае. Каждый полагает, что его форма подчинения принесёт безопасность. Вместе с этим движением подчинения появляется власть. Образование, в нынешнем его качестве, учит молодых людей повиноваться, соглашаться и следовать, а те, кто восстают против этого, сами выстраивают для себя свою собственную модель повиновения, одобрения и подхалимажа. По мере увеличения населения и быстрого роста технологии, вы, родители, попадаете в ловушку из накапливающихся проблем и вашей неспособности их разрешить. И весь этот процесс вы называете образованием.

«Совершенно верно. Вы констатируете факт, но что нам остаётся делать? Поставьте себя на наше место. У нас родились дети, наши запросы очень велики. Наш ум обусловлен культурой, в которой мы сами выросли, как индусы или мусульмане, и он пытается справиться с этой великой — и она действительно грандиозна — проблемой жизни: прожить, как вы предлагаете, жизнью целого, всесторонне развитого человека удивительно трудно. Мы заняты, мы вынуждены зарабатывать деньги, у нас есть обязанности. Мы действительно, как вы говорите, попали в ловушку».

Но вы можете сделать так, что ваши дети не последуют в неё за вами. В этом и заключается ваша обязанность — не проталкивать их через бессмысленные экзамены, а следить, чтобы с самого детства они ни в коем случае не попадали в ловушку, созданную вами и прошлыми поколениями. Потратьте своё время на то, чтобы изменить окружение, культуру, на то, чтобы увидеть, что существуют иные, действительно нужные типы школ и университетов. Не стоит полагаться на правительство. Оно такое же недуманное, безразличное, чёрствое, как и вы. Вместо того, чтобы увековечивать структуру ловушки, вы обязаны следить, чтобы этой ловушки

не было. Всё это означает, что вы должны быть внимательны не только к вашей профессиональной деятельности или карьере, но и к огромной опасности того, что эта ловушка сохранится навсегда.

«Мы все видим, но, по-видимому, не способны действовать даже перед лицом опасности».

Вы понимаете опасность умом и можете выразить на словах, но в действительности это не настоящая опасность. Встречаясь с реальной опасностью, вы действуете, а не выдвигаете теории на этот счёт, вы не противопоставляете диалектически одно мнение другому: фактически наблюдая истинность опасности, вы действуете как при встрече с кобррой. Но вы противитесь, не желая её видеть, потому что это означало бы, что вам придётся пробудиться от дрёмы, спокойствие нарушится, и вы этого боитесь. Страх заставляет вас говорить об отсутствии времени — на самом деле всё не так.

Таким образом, как по-настоящему обеспокоенные родители, вы должны полностью посвятить себя заботе о том, чтобы ваши дети не попали в ловушку: следовательно, создавайте иные школы, иные университеты, иную политику, иные способы совместного существования, — это и будет обозначать, что вы заботитесь о детях. Забота о детях предполагает калорийное питание, удобную одежду, нужные книги, правильно подобранные развлечения и достойное образование; поэтому можно подумать и о соответствующем преподавателе. Преподавателей вы уважаете меньше всего. Ваше уважение распространяется на тех, у кого много денег, положение в обществе, престиж, а учителем, который ответственен за все грядущие поколения, вы просто полностью пренебрегаете. Учителю самому необходимо обучение, так же, как и вам, родителям.

Солнце постепенно раскалялось, тени вытягивались, утро медленно истощало себя. Небо не было больше таким голубым, и дети играли в полях. Их уже отпустили из школы, подальше от скучных уроков и нудных книг.

Это было старое, просторное византийское здание, превращённое в мечеть. Помещение было огромное. Люди внутри читали Коран. Можно было зайти и сесть на ковёр около нищего под необъятным куполом. Прекрасное чтение эхом разносилось по безмерному и пустому пространству. Здесь не ощущалась разница между нищим и тем, другим, хорошо одетым человеком, очевидно состоятельным. В мечети не было ни одной женщины. Мужчины стояли, наклонив головы, и что-то негромко бормотали себе под нос; проникая через цветное стекло, свет падал на пол разноцветными квадратами. Снаружи было очень много нищих, огромное количество людей, желавших что-нибудь получить: а чуть поодаль простиралось синее море, разделяющее Восток и Запад.

Храм был очень древний. Никто точно не мог сказать, насколько древний, но люди любят преувеличивать возраст своих храмов. Пройти к нему можно было по пыльным, грязным дорогам, вдоль которых тянулись ряды пальм и открытые сточные каналы. Люди семь раз обходили вокруг святилища, а затем, войдя в дверь, через которую была видна статуя святого, падали ниц. Люди эти были фанатиками, полностью погружёнными в свои молитвы; сюда пускали только браминов. Повсюду чувствовался запах ладана, и можно было заметить летучих мышей. Статуя была украшена драгоценностями и покрыта блестящим шёлком. Женщины стояли, воздев руки, а их дети играли во дворе. Они кричали, смеялись, бегали друг за другом среди колонн. Все колонны были резные; возникало сильное ощущение пространства и внушительного величия. После ослепительного и жаркого солнца в храме казалось прохладно. Несколько саньяси сидели в состоянии медитации, и никто из прохожих их не тревожил. Царила та особенная атмосфера, в которой тысячи и тысячи людей веками приходят, чтобы помолиться, поклониться Богу и принести ему свои подношения. Здесь же была купель с водой, и люди омывались в ней. Так как купель находилась в стенах храма, она считалась священной. В святилище было тихо, но всё остальное пространство использовалось не только для поклонения или игр детей. Сюда приходили старшие, чтобы встретиться, побеседовать и поболтать о жизни. Юные студенты читали на санскрите, а позже, к вечеру, около ста священников собирались за пределами святилища, чтобы помолиться, восхваляя славу Господу. Их песнопение сотрясало стены, звук был чудесным. Снаружи над всем царило южное тёмно-синее небо, и освещаемые мягким вечерним светом, пальмы демонстрировали свою красоту.

* * *

На широкой площади с закругляющейся колоннадой расположилась украшенная величественным куполом огромная базилика. Люди сплошной волной заходили внутрь, это были туристы со всего света, желающие удовлетворить свой огромный интерес и посмотреть мессу; но трудно было создать надлежащую атмосферу — слишком много любопытных людей, разговаривающих громким шёпотом. Всё превратилось в шоу. Ритуалы были очень красивы, также как и одеяния священников, но это — изобретение человека, также как и изображения святых, латинский язык и весь ход церемонии. Человек использовал свои руки и ум, чтобы искусно соединить это в одно целое ради убеждения других в величии и силе Бога.

Мы гуляли среди открытых полей, окружённые типичным английским сельским пейзажем:

крестьяне, чистое голубое небо и мягкий свет зарождающегося вечера. Медленно наступала тихая, спокойная осень. Листья желтели и опали с огромных деревьев. Природа ждала зиму; тихая, полная тревоги, ушедшая в себя. Весной она совершенно другая. Тогда всё просыпается к жизни — каждая травинка и каждый новый листик, после чего не смолкает уже пение птиц и шелест зелёной листвы. А сейчас, хотя в воздухе не было ни ветерка, и всё было так спокойно, чувствовалось приближение зимы, а с ней и дождливых, ненастных дней, снега и жестоких штормов.

Пройдя через поля и преодолев ограду, можно было попасть в рощу, в которой попадались красные деревья. Когдаходишь в неё, сразу ощущаешь её абсолютную тишину. Не шевелится ни один листик, как будто всё здесь заколдовали. Трава была зеленее, ярче под косыми лучами солнца, и внезапно появлялось особое чувство святости. Здесь приходилось идти, почти затаив дыхание, задумываясь перед каждым шагом. Гортензии и рододендроны стояли в цвету уже несколько месяцев, но это не имело значения, или можно сказать, что они лишь придавали этому месту ещё более благословенный вид. Покидая рощу, понимаешь, что ум был совершенно чист, без единой мысли. Было только это, и ничего больше.

Когда человек утрачивает глубокие внутренние связи с природой, на первое место выходят храмы, мечети и церкви.

Учитель сказал: «Как можно помешать этому постоянно возникающему не только в учениках, но и в себе агрессивному стремлению удовлетворить собственные запросы? Многие годы я работал в различных школах и колледжах, не только здесь, но и за границей, и за свою учительскую карьеру я всегда обнаруживал агрессивное стремление конкурировать. Сейчас мы видим реакцию на это. Молодые люди хотят жить вместе в коммунах, чувствовать тепло и получать ободрение от общения, которое они называют любовью. Они считают, что этот образ жизни гораздо более реален и наполнен большим смыслом. Они также отличаются от всех. Тысячи молодых людей собираются на музыкальные фестивали, и в этой совместной жизни они делятся друг с другом не только музыкой, но и удовольствием от происходящего. Они, по-видимому, настолько беспорядочны во всём, что их принципы кажутся мне несерьёзными и пустыми. Они могут отрицать агрессивную конкуренцию, но она всё равно у них в крови. Она проявляется себя различными способами, о которых они могут даже не догадываться. Я наблюдал подобное же настроение среди учеников. Они учатся не ради познания, а ради успеха, подгоняемые своим желанием преуспеть. Некоторые из них всё это понимают и даже отвергают, но остаются пассивными. В этом нет ничего страшного, пока они ещё молоды и им нет ещё двадцати, но вскоре они оказываются пойманными в сети своего пассивного поведения, становящегося новым шаблоном».

«Всё это кажется поверхностным и преходящим, но изначально человек всегда настроен против другого человека. Это проявляется в виде ужасной конкуренции и в коммунистическом мире, и в так называемых демократических странах. Это везде. Я обнаруживаю подобное в себе, как пламя, сжигающее и управляющее мной. Я хочу быть лучше других, не только ради престижа или успокоения, но и ради чувства превосходства, чувства жизни. То же самое желание возникает и у учеников, хотя у них при этом могут быть мягкие и кроткие лица. Они все хотят кем-то стать. Это всегда проявляется в классе, ведь каждый учитель сравнивает учеников А и Б, внушая Б, например, что он должен брать пример с А и так далее. Это продолжается и в школе, и в семье».

Когда вы сравниваете Б с А открыто или тайно, вы наносите вред Б. Ученик Б в этом случае совершенно ничего не значит, так как у вас в голове — образ ученика А, умного, смышленного, и вы его определённым образом оцениваете. Сравнение есть основа этой конкуренции: стремление сравнить одну картину с другой, книгу с книгой, человека с другим человеком,

примером, принципом, идеалом. Это сравнение является мерой различия между тем, что есть, и тем, что должно быть. Вы ставите ученику оценки, таким образом вынуждая бороться с самим собой; экзамены же венчают убожественную картину результатов всего этого сравнения. Все ваши герои, религиозные и светские, существуют из-за этого духа сравнения. Любой родитель, а также социальная структура в мире религии, искусства, науки и бизнеса несут в себе то же самое. Это расстояние между вами и другим человеком, между знающими и невежественными существовало и продолжает существовать в нашей повседневной жизни. Почему вы сравниваете? Какая необходимость в этом расстоянии? Не есть ли это бегство от самого себя, от вашей собственной пустоты, глупости, незначительности? Эта приверженность к измерению вас самих в прошлом и в будущем расчленяет жизнь, и из-за этого возникают конфликты.

«Но сэр, мы конечно же должны сравнивать. Люди ведь сравнивают, когда выбирают, купить этот или другой дом, этот или тот материал. Выбор необходим».

Мы не говорим о таком незначительном выборе. Это неизбежно. Нас заботит психологический, внутренний дух сравнения, который порождает конкуренцию с её агрессивностью и жестокостью. Вы спрашиваете, почему, как учитель и человек, вы носите в себе этот дух, почему вы соревнуетесь, почему вы сравниваете. Если вы не понимаете этого в себе, вы будете, сознательно или бессознательно, развивать это чувство конкуренции в учениках. Вы будете создавать у них образ героя — будь это в сфере политики, экономики или морали. Святой хочет установить рекорд точно так же, как человек, играющий в карты. Действительно, между ними нет большой разницы, так как оба дают жизни сравнительную оценку. Если вы серьёзно спросите себя, почему вы сравниваете и возможна ли жизнь без сравнения; если вы исследуете тщательно эту проблему, не просто интеллектуально, а на самом деле, и вам удастся проникнуть глубоко в себя, отбросив прочь эту агрессию соревнования, не обнаружится ли, что существует сильный и глубокий страх перед возможной перспективой быть ничем? Надевая на себя различные маски, предлагаемые человеку культурой и обществом, в котором он живёт, вы прикрываете страх, что вы «не будете» и «не станете»: не станете чем-то большим, чем сейчас — чем-то более великим, благородным. Когда вы наблюдаете за тем, что в действительности происходит, также даёт о себе знать результат прошлого, прежних попыток измерить и сравнить. Когда вы понимаете подлинную суть измерения и сравнения, тогда возникает свобода от того, что есть.

Через некоторое время учитель сказал: «Если бы не поощрение и сравнение, ученик не стал бы учиться. Ему необходимо, чтобы его поощряли, побуждали, обхаживали, и ему также хочется знать, как у него идут дела. Когда ученик сдаёт экзамен, у него есть право узнать, сколько у него было правильных ответов и насколько его знания соответствуют требованиям пройденной программы».

С вашего позволения, сэр, он такой же, как и вы. Его жизнь обусловлена обществом и культурой, в которой он живёт. Человеку приходится узнавать о существовании этой агрессивной конкуренции, которая возникает вследствие сравнения и измерения. Она может привести к накоплению большого количества знаний, так можно многого достичь, но тогда появляется отрицание любви, а также отрицание понимания самого себя. Понимание себя имеет гораздо большее значение, чем способность стать кем-то. Но даже сами слова, которыми мы пользуемся, связаны со сравнением: лучше, выше; более величественный, благородный.

«Но сэр, я должен спросить: как может ученик или учитель оценить свои фактические знания по предмету без экзамена в какой-либо форме?»

Разве не предполагается, что в процессе каждодневного обучения и познания, через дискуссии и изучение, учитель узнаёт, какое количество фактических знаний ученик сумел получить? В действительности это означает, не правда ли, что учителю необходимо

внимательно следить за учеником, наблюдать его способности, наблюдать за тем, что происходит у него в голове. Что, в свою очередь, означает, что вам нужно заботиться об ученике.

«Но ему так много ещё нужно передать».

Что вы хотите ему передать? Как жить жизнью без конкуренции? Объяснить ему механизм сравнения и как он действует? Рассказать ему это на словах и убедить его с помощью интеллекта? Вы сами можете понять умом, объяснить на словах, но разве это возможно — найти такой жизненный путь, в котором всякое сравнение отсутствует? Вы, как учителя и люди, вынуждены так жить. Вы можете передать это ученику таким образом, чтобы за всем этим ему открылась истина. Но если вы не живёте так, значит, вы просто играете словами, вслед за чем возникает лицемерие. Жизнь без измерения и сравнения внутри себя возможна, только когда вы сами изучаете всё её содержание — агрессию, жестокость, разделение и зависть. Свобода — это жизнь вне сравнения. Но вы неизбежно спросите, каковы условия жизни без «выше» и «ниже», без примеров для подражания, без разделения. Вы хотите, чтобы вам такую жизнь описали, как будто описание может помочь в её достижении. Это лишь ещё одна форма сравнения и конкуренции. Описание никогда не является описываемым предметом или явлением. Нужно самому всё пережить, и тогда вы сможете постичь значение жизни и свободы.

Многие из вас, по-видимому, не придают особого значения медитации. Для большинства это нечто преходящее, от чего ждут какого-то опыта, некоего трансцендентального-абстрактного достижения, выполнения чего-то такого, что раньше никогда совершить не удавалось. Медитация становится самогипнотическим движением, в котором проявляются различные проекции и символы. Но всё это — непрерывная цепь того, что уже было, быть может, изменённого или расширенного, но всегда относящегося к области какого-то достижения. Без разрыва с установленным порядком — или беспорядком — уже прошедших событий всё остаётся довольно незрелым, несерьёзным и не имеет большого значения. Но эти события становятся чрезвычайно значимыми для ума, который занят своим собственным развитием, улучшением и на себя ориентированными ожиданиями. Когда же ум прорывается сквозь весь этот мусор, что может произойти только через само-познание, о пережитом невозможно рассказать другому. Когда вы рассказываете, всё меняется. Это всё равно что описывать грозу: она была уже над холмами, над долинами, и вот пропала вдаль. Так что ваш рассказ о ней становится частью прожитого, и следовательно, не описывает более того, что действительно происходит. Можно описать какое-либо событие очень тщательно, но сама тщательность превращается в свою противоположность, когда само событие уже закончилось.

Точность памяти — это факт, но память есть результат чего-то уже прошедшего. Когда ум как бы следует по течению реки, у него нет времени ни на описание, ни на запоминание, ни на концентрацию. Когда имеет место подобная медитация, происходит огромное количество вещей, которые не являются проекцией мысли. Каждое событие становится абсолютно новым, в том смысле, что память его не узнаёт; а так как она не может его узнать, событие это невозможно выразить словами или цепочкой воспоминаний. Это нечто, никогда прежде не случавшееся. Это не опыт. Опыт предполагает узнавание, ассоциации и накопление знаний. При этом явно высвобождаются определённые силы, которые становятся очень опасными, если продолжается эгоцентрическая деятельность, независимо от того, связана она с религиозными идеями или с личными устремлениями.

Свобода от «я» абсолютно необходима, чтобы всё было по-настоящему. Но мысль очень хитра, чрезвычайно изворотлива в своей деятельности, и пока человек полностью, без всякого колебания не осознаёт все эти её тонкости и коварные посягательства, медитация останется простым накоплением физических сил. Как только человек придаёт хотя бы малейшее значение любому проявлению «я», это неизбежно приводит к смятению и скорби. Поэтому, прежде чем приступить к медитации, начните с понимания себя, структуры и природы мысли. Иначе вы потеряете и лишь напрасно потратите силы. Чтобы зайти далеко, надо начать очень близко: ваш первый шаг становится и вашим последним шагом.

Большая комната выходила окнами на Тихий океан. Дом располагался прямо на краю крутого обрыва, и было видно, как белые волны, шипя, разбиваются о берег. Было очень тихо, несмотря на присутствие нескольких молодых людей. Мы все ощущали некоторую робость. Там были люди с короткими волосами и длинноволосые, бородатые и неряшливые.

«Прежде всего, если позволите, я хотел бы спросить, — начал молодой человек с бородой и чистыми длинными волосами, — почему я должен зарабатывать на жизнь? Почему я должен заниматься карьерой, зная, куда это приведёт — собственность, счёт в банке, жена и дети, и очевидная принадлежность к среднему классу? Я не хочу попадать в ловушку. Если другим нравится, то пусть это останется для них, но не для меня. Я предпочитаю быть нищим и просить у людей подаяние. Я ночую там, куда меня пускают, и у меня есть достаточно одежды, чтобы

жить. За последние несколько лет я объездил так весь штат, и мне нравится эта жизнь. Пусть кто-то работает, если у него имеется желание и он не отказывается меня поддержать — пусть. Я не хочу принадлежать никакой коммуне, никакой группе. Я свободен и хочу сохранить свою свободу. Я не против ни белых, ни чёрных. Но мне сказали, что это эксплуатация, что, пока я молод, это ещё ничего, но когда мне станет за тридцать, я начну понимать, что дальше так продолжаться не может. Я не знаю, что мне готовит будущее, но я проживаю свои дни, и меня всё вполне устраивает. Что вы думаете об этом?»

Только глупцы высказывают свои мнения. Вы знаете, монахи в Азии живут так же: они не являются членами каких-либо организованных сообществ, они просто ходят от деревни к деревне, им подают милостыню и защищают. В благодарность они проповедуют праведную жизнь: не физически праведную, а жизнь в доброте. Вот что они предлагают взамен, если только это не преступники или нахлебники. А что вы предлагаете взамен тем людям, которые вас кормят?

«Почему я должен предлагать что-либо взамен? У меня ничего нет. Я не хочу учить их жить. Любой разумный человек всегда знает, когда его жизнь становится буржуазной, мещанской, так что избежать этого — в его силах. Я пытался разговаривать с людьми, но им всё равно. Я не хочу ничего предлагать им в обмен на их пищу и одежду. По существу, мне и нечего предложить. Я не рисую, не играю на гитаре. Я не умею делать ничего такого, что им бы понравилось. Я нахожусь полностью за пределами их круга. Если бы я имел что-нибудь стоящее, я бы предложил, нимало не заботясь о том, возьмут они или нет. Но у меня нет ничего. Я в таком же смятении, как и весь остальной мир, и, наверное, так же несчастен. Я не бросал учёбу. Я окончил колледж, и сейчас я испытываю к этому всему отвращение, особенно к их лицемерию и амбициям. Что меня действительно немного беспокоит, это моё желание найти — нет, не Бога, это буржуазное понятие, но что-то настоящее. Я читал несколько книг восточных философов, но все они основаны на теориях и идеях. Я хочу почувствовать что-то истинное у себя внутри, чтобы никто не мог это потрогать или унести. Я хочу добраться до сути как можно быстрее. Я вижу абсурдность мгновенного озарения, но у меня нет терпения подчиняться вздору следования по пути какой-либо системы, дисциплинировать себя, поститься. Я хочу прийти к истине по прямой и самой короткой дороге».

Конечно, это возможно: отчётливо увидеть то, «что есть», без всякого искажения, без какого-либо мотива, и продвинуться дальше. Если вы совершенно ясно видите «что есть», вы уже через это перешагнули. Но способны ли вы ясно увидеть «что есть»? Увидеть не только снаружи: своё окружение, общественную мораль, бюрократические санкции в религии и в свете, но и внутри? Увидеть происходящее на самом деле, без выбора и оговорок. Если вы это можете, то дверь открыта. Это самый прямой и короткий путь. И вы ни за кем не следуете. Здесь бесполезны любые системы, а гуру превращается в обманщика. Вы можете это сделать? Если да, то ум ваш свободен и сердце наполнено. Вы сами освещаете себе свой путь.

Заговорил другой человек: «А я бросил учёбу, бросил колледж. Моей основной специальностью была экономика, и перед самыми выпускными экзаменами я ушёл. Я увидел, какими были профессора, плетущие интриги друг против друга, затевающие различные политические игры ради улучшения своего положения. Я видел их полное безразличие ко всему до тех пор, пока поддерживалось их безопасное существование в учёном мире. Я не хотел становиться похожим на них. Несколько человек, из сидящих в этой комнате, хотят организовать коммуну. Многие из нас ни к чему не принадлежат. Нам совсем не нравится война между чёрными и белыми; как нетрудно заметить, мы одинаково приветствуем и белых, и цветных. Мы хотим найти кусок земли для жизни, и мы найдём. Мы можем сами, своими руками работать на земле, возделывать её и продавать выращенное. Мы хотим спросить, можно ли жить вместе, не

ругаясь между собой, без всякой власти друг над другом, жить в великой любви?»

Сообщество обычно организуется вокруг какой-нибудь идеи, веры или вокруг кого-то, кто эту веру воплощает. Идеальный мир или утопия приобретают власть и постепенно какой-нибудь человек принимает на себя заботу обо всём: руководит, угрожает, отлучает от церкви. В этом вообще нет никакого содружества; возникает подчинение, что, естественно, приводит к катастрофе. С вашего позволения, думали ли вы когда-нибудь об этой проблеме сотрудничества? Если нет, то ваша идея сообщества обречена на провал. Жить и работать вместе — это одно из самых трудных дел. Каждый хочет что-то сделать сам, стать тем или другим, а здесь и заложено разрушение любого сотрудничества. Совместная работа предполагает полный, безо всяких мотивов, отказ от «я». Это то же самое, что совместное познание, в котором есть только функция и нет общественного положения. Если в вас есть это реальное понимание духа сотрудничества, то у вас, вероятно, получится. Необязательно, чтобы каждый вносил какой-то вклад в благосостояние сообщества, более важно, чтобы каждый обладал этим жизненно важным пониманием. Любой личный мотив или стремление к выгоде пошатнут истинное качество сотрудничества. Вы думаете, у вас и ваших друзей есть это? Или есть только желание организовать общину? Тогда это всё равно, что сесть в лодку, надеясь найти остров, но не зная, в каком направлении плыть. Не зная куда, но всё-таки плыть, рассчитывая отыскать каким-то чудом счастливую землю вместе с людьми, которые не имеют понятия, что потом делать и с этой землёй, и с собой.

Молодой человек с нежными чертами лица и изящными руками сказал: «Я один из тех, кто принимает наркотики. Я принимаю их регулярно в течение 4-5 лет; не слишком часто; может, раз в месяц или около того. Я прекрасно сознаю, что они со мной делают. Ум мой уже не такой быстрый, как раньше. Когда я нахожусь под воздействием наркотиков, мне кажется, что я могу всё. Я обладаю огромной энергией и не испытываю неловкости. Моё видение окружающего обостряется. Я ощущаю себя богом на земле, совершенством, не имеющим ни проблем, ни причин для раскаяния. Но я не могу поддерживать это состояние непрерывно, и мне приходится возвращаться назад, на эту сумасшедшую землю. Теперь мне нужна ещё большая доза, чем прежде, и куда это ведёт меня, я не знаю. Я очень обеспокоен. Я уже вижу своё постепенное угасание в больнице для умалишённых; но притяжение того, иного состояния настолько велико, что я, кажется, даже не сопротивляюсь. Я молод. Я не бросил учёбу. Я живу с родителями. И я вижу в себе медленное ухудшение. Вначале я экспериментировал с наркотиками из-за того, что другие тоже это делали. Тогда было весело, теперь это превратилось в опасность. Видите, как ясно я могу всё это объяснить? Но одновременно какая-то часть меня остаётся медлительной, вялой, апатичной. Гуру из сферы наркотиков вовлекли меня в это, пообещав, что я переживу момент истины. Теперь я вижу, как легко обманывают нас эти люди. Я не хочу окончить жизнь в сумасшедшем доме или тюрьме, я не хочу потерять рассудок».

Если вы так отчётливо видите, какой вред наносят наркотики вашему мозгу, чувствам и самым утончённым сторонам жизни, почему же вы не бросите их? Не на день или два, а навсегда? Если вы действительно видите опасность этого, само это видение есть действие, которое положит всему конец. Но вы должны понять это, а не строить теории о понимании. И вы должны это полностью отвергнуть. В понимании вы возьмёте силы, жизнеспособность, энергию, чтобы выполнить задуманное. И вы сможете остановиться без всякого сопротивления. Сопротивление есть существо проблемы. Не выстраивайте у себя внутри линию сопротивления против наркотиков. Иначе появится конфликт между наркотиком, с одной стороны, и вами, с другой, а вместе с этим и возникнет стена принятия решения, которая лишь разделяет и усиливает конфликт. Тогда как, если вы действительно видите огромную опасность наркотиков,

как вы видите опасность при встрече с акулой или гремучей змеей, вы немедленно и безоговорочно порвёте с ними.

Итак, если можно, позволю себе предложить: не принимайте решения бросить наркотики, так как решение основано на воле, которая есть сопротивление со всеми его противоречиями и конфликтами. Осознавая это, вы всё равно потом скажете, что бросить невозможно. Не боритесь с наркотиком, а на самом деле увидите огромную опасность для мозга, для всей нервной системы, для чистоты восприятия. Вот всё, что вам нужно делать, и ничего больше: видение есть действие.

«Сэр, можно мы ещё раз придём в другой день?»

Да, конечно, вы можете прийти, когда захотите.

В медитации нет последовательности. Нет в ней также и непрерывности, так как непрерывность предполагает наличие времени, пространства и действия. Вся деятельность нашей психики заключена в рамки времени и пространства, что порождает действие, которое всегда несовершенно. Наш ум запрограммирован на восприятие времени и пространства. Отсюда досюда, цепочка из одного, второго, третьего — всё это последовательность времени. И в этом его движении обязательно появится действие, которое вызовет противоречие, а следовательно, конфликт. Это наша жизнь. Может ли действие когда-нибудь стать свободным от времени, чтобы не было ни раскаяния, ни ожидания, ни попыток действия посмотреть вперёд или назад? Видеть — значит действовать. Это не означает, что сначала понимание, а затем действие; это скорее видение, что само по себе уже действие. В этом нет элемента времени, и поэтому ум всегда свободен. Время и пространство — это спутники мысли, которая создаёт и лелеет «я», эго, «не» и «не мне», со всеми её стремлениями к выполнению, сопротивлению и боязнью как-либо пострадать.

В то утро качеством медитации было «ничто», полная изолированность от времени и пространства. Это факт, а не какая-то идея или парадокс, возникший в результате соединения противоположных теорий. Эту странную пустоту можно найти, когда будет уничтожен корень всех проблем.

Этот корень — мысль, которая разделяет и сдерживает. В медитации ум по-настоящему освобождается от прошлого, хотя обычно прошлое всегда присутствует в нём в виде мысли. Это продолжается целый день, а ночью наступает сон, не содержащий в себе «вчера», и поэтому ум касается чего-то, что неподвластно времени.

Молодой человек с бородой и очень длинными волосами сказал: «Я идеалист и революционер. Я не хочу дожидаться слишком медленного прогресса человечества. Как можно быстрее я хочу радикальных перемен. Существует вопиющая социальная несправедливость среди как белых, так и чёрных, среди всяческих меньшинств; ну и, конечно, политики, какими они являются сейчас, меня не удовлетворяют — продажные, эгоистичные, лицемерные, прикрывающие собственную корысть демократией. Я жесток по природе, я не вижу иного выхода, кроме как с помощью насилия обеспечить радикальные изменения в социальной структуре. Я идеалист ещё и в том отношении, что верю в нашу идею навести порядок и создать нечто новое. Новое — является нашим идеалом. Я не знаю, что у нас получится, но когда мы разрушим старое, тогда и узнаем. Я слышал, что вы думаете о насилии, но здесь совсем другое дело. Большинство людей в мире уже жестоки, полны противоречий, и мы используем это, чтобы свергнуть установленный порядок и создать новое общество. Мы выступаем за свободу. Мы хотим свободно выражать себя; каждый человек должен себя реализовать, а нынешнее общество всё это отрицает. И мы, конечно, против всех видов религии».

Идеалист и одновременно революционер может очень убедительно говорить о свободе, но он обязательно в конечном итоге создаёт диктатуру меньшинства или большинства. Он также придёт к культу личности и полностью уничтожит свободу в любой форме. В этом можно убедиться на примере революций во Франции и России. Ваш идеальный мир, который, как вы рассчитываете, вырастет на пепелище сегодняшней структуры, может существовать только умозрительно и теоретически, и на основе этой умозрительной Утопии — назовите это как угодно — вы хотите создать новое общество. Все революционеры-материалисты к этому приходят. Они начинают с разговоров о равенстве, социальной справедливости, исчезновения государства, а заканчивают всё той же тиранической бюрократией, подчинением, и

укреплением власти во имя государства. Вы, конечно же, не этого хотите. Вы чувствуете или вам представляется, что, разрушив нынешние социальные структуры, вы впоследствии, не следуя никакому плану, создадите новую структуру, в которой, по вашему мнению, будет социальная справедливость, свобода для всех, экономическое равенство и так далее. Насилие может породить лишь ещё более жестокое насилие. Вы можете начисто ликвидировать нынешние системы, но в результате вы пожнёте сопротивление и глубоко укоренившееся нежелание сотрудничать.

Вы, видимо, хотите лишь быстрых внешних изменений. Вы хотите немедленно остановить войны, и в этом многие люди с вами согласны, но до тех пор, пока существует разделение по национальности, по религиозным убеждениям со всеми их догмами, конфликт обязательно будет. Любая форма разделения порождает антагонизм и ненависть. Люди хотят изменить поверхность вещей, не проникая в самую суть проблемы. А этой сутью является процесс познания, которое, в свою очередь, есть абсолютное понимание человека, а не выделение лишь одного элемента его жизни, будь то технология или зарабатывание на жизнь.

Видно, что вы к этому всему не прислушиваетесь. Я позволю себе обратить внимание на то, что все, кто с энтузиазмом относится к внешним изменениям, всегда упускает наиболее важное.

«Может быть, но на это потребуется время, а мы им сейчас не обладаем и не можем тратить его на получение нужного образования. Для этого нужно сначала изменить структуру».

Откладывание наиболее важных вопросов лишь усугубляет ничтожность жизни, нашего каждодневного существования. Оно приводит к разного рода попыткам убежать от этого — через жестокость, через так называемые религии, через развлечения. Мир же не делится на внутренний и внешний. Меня заботит движение жизни целиком, и образования как части этого целого. Сейчас почти в каждой стране существует в той или иной форме военная служба. Заменить её могла бы работа в социальной сфере, которая бы стала частью образования. Но и это не самое главное.

«Вы меня не убеждайте. Вы не показали мне, что делать и как действовать в этом кровавом мире».

Вас ни в чём не пытаются убедить. Вам лишь указывается на определённые факты, на истину, которая не принадлежит ни вам, ни мне. Речь идёт о том, что, для того чтобы вызвать радикальные изменения в социальной структуре, нужно ответить на фундаментальные вопросы и сам вопрос уже является ответом. Ответ — это действие; не в каком-то отдалённом будущем, а здесь и сейчас. В этом — величайшая революция. Величайшая и единственная. На это вы возражаете: у нас нет времени, мы хотим изменить социальную структуру немедленно. С вашего позволения, это совершенно незрелый ответ. Человек не является просто общественной машиной. Он думает о любви, о сексе, его мучают страхи. А вы, не приняв всего этого во внимание, надеетесь вызвать радикальные изменения, перестраивая основу общественной структуры. Активист — всегда экстраверт. Но нас не заботит это, кстати, тоже весьма поверхностное деление на экстравертов и интравертов. Нас в действительности заботит изменение человеческого ума. Если этого до конца не понять, ваша революция будет просто реформой, и, как всякая реформа, потребует дальнейших реформ.

«Я устал от всего этого». Это заговорил высокий гладко выбритый молодой человек в замызанной одежде. «Меня это совершенно не интересует. Меня интересует, — но не ради бегства от чего-то, — как можно выяснить, что такое медитация. Не могли бы вы затронуть эту тему?»

Господа, вы видите, как мы все разделены. Одного волнует вопрос революции, другого секс, третьего искусство и книги, и четвёртого постижение истины. Все эти отдельные элементы делают человека эгоистичным, жалким, смущают его. И вы со своей революцией надеетесь

разрешить все эти проблемы, изменив поверхностную структуру. На это вы, наверное, ответите: измените окружающую среду, и человек изменится. Но этот ответ вновь будет неполным, это констатация только части факта. А нас интересует полное понимание человека. Это и есть медитация. Она не является бегством от «того, что есть», а есть понимание этого и продвижение дальше. Без понимания «того, что есть», медитация превращается просто в форму само-гипноза и ухода в видения, — полёт воображения и фантазии. Медитация — это понимание всей деятельности мысли, вызывающей к жизни «я», эго, как факта. Затем мысль пытается понять образ, ею не созданный, как будто бы «я» является чем-то постоянным. Само «я» вновь разделяет себя на лучшую и худшую части, и это разделение, в свою очередь, вызывает конфликт, страдания и смятение. Знание о «я» — это одно целое, а понимание того, как «я» пробуждается к жизни — совсем другое. Один человек предполагает, что существование «я» есть вечная сущность бытия. Другой, наблюдая, узнаёт, как «я» конструируется мыслью. Таким образом, понимание мысли, её черт и тонкостей, её деятельности и разделения есть начало медитации. А если же вы рассматриваете «я» как неизменную сущность, вы изучаете «я» не существующее, потому что это просто собрание воспоминаний, слов и опыта. Поэтому самопознание — это не знание «я», а наблюдение за тем, как «я» зарождается и как это сказывается на разделении жизни на составляющие. Это ошибочное понимание нужно очень ясно видеть. Не существует неизменного «я», которое следует изучать. Надо изучать пути движения мысли и её деятельности; изучение рассеивает эгоцентричную активность. В этом заключается основа медитации. Если не понять этого полностью, до самого конца, медитация станет просто игрой для глупцов с их абсурдными видениями, выдуманскими переживаниями и злом власти. Эта основа предполагает осознание и наблюдение за «тем, что есть»: не делая выбора и безо всяких предубеждений нужно увидеть то, что на самом деле происходит как снаружи, так и изнутри, и не пытаться это контролировать или принимать решения. Это внимание само по себе не является каким-то отдельным действием, ибо жизнь сама есть действие. Вам не нужно становиться активистом, что вновь было бы раздроблением жизни. Если нас действительно интересует действие целиком, а не одна его часть, то это цельное действие неотделимо от полного внимания, которое означает увидеть в действительности то, «что есть» как снаружи, так и изнутри. И уже само это видение — есть действие.

«Но разве нам не нужно потренироваться в этом? Разве нам не нужен какой-либо метод концентрации внимания и чувств?»

Так называемые школы медитации могут вам это предложить, хотя на самом деле это довольно абсурдно. Их метод заключается в механическом повторении слов, в контроле, в подчинении. И в результате этого повторения ум сам становится механическим. А механический ум теряет чувствительность. Видя суть этого механического процесса, ум освобождается и, следовательно, приобретает чувствительность. Видение есть внимание.

«Но я не совсем понимаю, — сказал молодой человек. — Как мне этого достичь?»

Ясно увидеть, что не должно быть ни выбора, ни предубеждения, ни сопротивления, ни попытки побега. Выясните для себя, не убегаете ли вы, не делаете ли вы выбор, нет ли в вас предубеждений. Поймите это. Тогда ум сможет очень ясно наблюдать не только небо и окружающий мир, но и то, что происходит внутри вас, в вашем «я».

«Но разве медитация не приносит опыта удивительных переживаний?»

Необычные переживания абсолютно неуместны и даже опасны. Ум, перекармливаемый опытом, требует ещё более широкого, более необычного опыта. Излишество — враг добра. Добро возрастает только из понимания того, «что есть», а не из желания большего опыта. В медитации действительно происходят определённые вещи, которые нельзя выразить словами. И если вы говорите о них, значит, их не было.

Море остаётся за спиной, и вы идёте вглубь суши. Это море, с его огромными волнами, всегда казалось очень грубым. Оно не голубое, а скорее тёмно-коричневое, с множеством сильных течений. Оно выглядело как опасное море. Во время сезона дождей в него впадала река, но после муссона море намыло так много песка, что маленькая речка оказалась перекрыта. Итак, вы удаляетесь от моря и по дороге встречаете множество деревень, воловьих упряжек и три наиболее священных храма; а через некоторое время, перевалив через многочисленные холмы, вы вступаете в долину и вновь ощущаете её особенное очарование.

Поиск истины — это довольно фальшивое предприятие; как будто, занимаясь её поиском, расспрашивая о ней других, читая о ней в книгах, пробуя ту или иную систему, вы сможете её найти. Найти, как если бы она была чем-то неподвижным, застывшим, и всё, что бы вам требовалось, — это узнать её, схватить её и сказать, что вы её нашли.

На самом деле она недалеко: к ней нет никакой дороги. Это вовсе не что-то такое, что можно поймать, подержать в руках, хранить как сокровище и на словах передать кому-то другому. Поиск предполагает наличие ищущего, и в этом есть разделение, вечное дробление, которое человек создал вокруг себя и во всей своей деятельности. Скорее должен быть не конец поиска, а начало изучения. Изучать гораздо важнее, чем найти. Чтобы найти, надо потерять. Утрата и узнавание входят в модель поиска. Нельзя пережить истину. Она не принесёт вам удовлетворения от достижения. Она вообще никому ничего не даёт. Её нельзя понять, если «я» в вас по-прежнему активно.

Никто не сможет вам этому научить, поэтому вам нет необходимости за этим следовать. Все, что можно сделать, это через тщательное наблюдение понять сложное движение мысли: как мысль разделяет саму себя, как она создаёт противоположные мысли и как это порождает противоречие и конфликт.

Мысль настолько неугомонна, что она посвящает себя всему, что ей кажется существенным, неизменным, полностью удовлетворяющим, и тогда истина превращается в её конечную цель, связанную с удовлетворением. Невозможно пригласить истину, она не имеет конца или начала; но в этот момент отчётливым становится визуальное наблюдение и появляется ощущение понимания. Понимание приходит только тогда, когда жизнь человека полностью свободна от всякой обусловленности. Эта обусловленность и есть предубеждение. Поэтому не переживайте из-за истины, а лучше освободите свой ум из его собственной тюрьмы. Свобода невозможна в тюрьме.

Свобода есть красота пустоты.

На той же самой веранде, наполненной запахом жасмина и красных цветов с высокого дерева, сидели несколько юношей и девушек. Их лица сияли, и они казались необычайно весёлыми. Один из них спросил: «Сэр, вам когда-нибудь бывает больно?»

Вы имеете в виду физически?

«Не совсем так, сэр. Я не знаю, как объяснить это словами, но ты чувствуешь внутри себя, что люди могут повредить тебе, ранить тебя, сделать тебя несчастным. Кто-то что-то говорит, и тебе становится плохо. Вот что я имею в виду под словом «боль». Мы больно задеваем друг друга подобным образом. Некоторые делают это умышленно, другие даже не осознавая. Почему нам больно? Ведь это так неприятно».

Физическая боль — это одно, а вот иная боль гораздо сложнее. Если вам больно физически, вы знаете, что делать. Вы пойдёте к врачу, и он как-нибудь вам поможет. Но если останется воспоминание о боли, то вы станете нервничать, тревожиться и возникнет определённая форма

страха. Ведь остаётся память о прошлой боли, повторения которой вы не хотите. Это вполне понятно, и такая ситуация либо может действительно привести к неврозу, либо здоровый подход успешно помогает её преодолеть. Но другой вид внутренней боли требует весьма тщательного рассмотрения. О ней ещё очень много нужно узнать.

Прежде всего, почему нам вообще бывает больно? Очевидно, что с детства стремление к безопасности становится очень важным фактором нашей жизни: лишь бы нам никто не причинил боли, лишь бы нас никто не ранил ни словом, ни жестом, ни взглядом, ни каким-то переживанием. Почему нам бывает больно? Потому что мы такие чувствительные или из-за того, что мы создали образ самих себя, который нужно защищать, который, по нашему мнению, очень важен для самого нашего существования и без которого мы чувствуем себя потерянно, неловко. Вот они, эти два элемента: образ и чувствительность. Вы понимаете, что имеется в виду под чувствительностью, как физической, так и внутренней? Если вы чувствительны и робки, вы уходите в себя и выстраиваете вокруг себя стену, чтобы вам никто не причинил боли. Вы ведь так поступаете, не правда ли? А если ум человека больно задевают словом или критикой и это его как-то ранит, он продолжает укреплять свой оборонительный рубеж. Вам больше не хочется испытывать боль. У вас может существовать образ, идея о себе, что вы значительны, умны, что ваша семья лучше других семей, что вы играете в эту игру лучше, чем кто-либо другой и так далее. У вас ведь сложился такой образ себя, не так ли? И когда значение этого образа ставится под сомнение или он теряет устойчивость, разрушается, вам становится очень больно. Появляется жалость к самому себе, волнение, страх. И в следующий раз вы выстраиваете новый образ, более сильный, устойчивый, агрессивный и так далее. Вы следите, чтобы вас никто не беспокоил, и вновь начинается строительство стены против вторжения. Таким образом, факт заключается в том, что чувствительный человек и склонный к созданию образов строят оборонительные укрепления. Вы знаете, что происходит, когда вы выстраиваете вокруг себя стену? Это всё равно, что построить очень высокий забор вокруг своего дома. Вы не видите своих соседей, у вас недостаточно солнечного света, вы живёте со всеми членами своей семьи на очень ограниченном пространстве. И так как у вас мало места, вы начинаете действовать друг другу на нервы, ссориться, ожесточаться, у вас появляется желание выбраться оттуда или взбунтоваться. А если у вас достаточно денег и энергии, вы строите для себя другой дом, окружаете его новой стеной и всё начинается сначала. Соппротивление предполагает нехватку пространства, и это один из факторов насилия.

Один из них спросил: «Но разве человек не должен защищать себя?»

От чего? Конечно, нужно защищать себя от болезни, от дождя или солнца; но когда вы задаёте этот вопрос, вы ведь имеете в виду: защищать, чтобы построить стену для предохранения от боли? Ваш брат или ваша мать могут стать теми, от кого вы отгораживаетесь стеной, желая защитить себя, но, в конечном итоге, это приводит к вашему разрушению и уничтожению света и пространства.

Девушка с умными глазами и длинными, заплетёнными в косы волосами спросила: «Но что же мне делать, когда я чувствую боль? Я знаю, я очень чувствительная. Я так часто ощущаю боль. И что мне делать? Вы говорите, что не следует строить оборонительные укрепления, но я не могу жить вся израненная».

Позвольте заметить, вы понимаете, почему вам больно? И когда вы чувствуете боль? Взгляните на этот зелёный лист или на этот цветок. Они очень нежные, и их красота — сама нежность. Они ужасно ранимые, но всё же они оживут. Вас ведь так часто ранят, вы когда-нибудь спрашивали себя, когда и почему вы ощущаете боль? Почему? Когда кто-то говорит то, что вам не нравится, когда к вам относятся жестоко, агрессивно? Так почему же вам больно? Если, ощущая боль, вы строите стену вокруг себя, отступаете, то ваша жизнь проходит в очень

ограниченном пространстве внутри вас. В этом пространстве без света и свободы вам становится всё больнее и больнее. Вопрос в том, можете ли вы жить свободно и счастливо, без боли и не выстраивая вокруг себя стен. Это ведь действительно важный вопрос, не так ли? Не спрашивайте, как укрепить стены или как жить в ограниченном пространстве. В подобных случаях задействовано два фактора: воспоминание о боли и желание предотвратить будущую боль. Если это воспоминание не угасает, и к нему добавляются свежие впечатления от вновь пережитой боли, то стена становится лишь крепче и выше, а пространства и света становится всё меньше, и вот уже гору, состоящую из жалости к себе и горечи венчает огромное страдание. Если совершенно отчётливо увидеть опасность, бесполезность, ненужность этого, то воспоминание о прошлом исчезает. Но это нужно увидеть так же ясно, как опасность, исходящую от кобры. Тогда вы поймёте, что это по-настоящему смертельная опасность и мимо неё не пройдёшь. И вновь возникает вопрос, видите ли вы опасность воспоминаний о прошлом с их болью, их стенами самозащиты? Вы видите её так же ясно, как этот цветок? Если да, то она неизбежно исчезнет.

Итак, вы знаете, что сделать с прошлой болью. А как предотвратить боль будущую? Только не выстраиванием стен. Это ведь ясно, не правда ли? За стеной вам будет становиться всё больнее и больнее. Пожалуйста, послушайте очень внимательно. Зная, что вам могут причинить боль, как этой боли избежать? Когда кто-то говорит вам, что вы глупы или некрасивы, вам больно, вы гневаетесь, что является лишь очередной формой сопротивления. Что вы можете сделать? Вы уже видели, как проходит без всякого усилия боль прошлого; вы видели, потому что внимательно слушали, сосредоточившись на этом. Поэтому когда кто-нибудь говорит вам что-то неприятное, сосредоточьтесь, слушайте очень внимательно. Внимание снимет печать боли. Вы понимаете, что значит внимание?

«Вы имеете в виду концентрацию внимания, не так ли, сэр?»

Не совсем. Концентрация является формой сопротивления, формой исключения, отгораживания, отступления. А внимание — это нечто совершенно другое. В концентрации всегда есть центр, из которого производится наблюдение. А там, где центр, радиус наблюдения очень ограничен. Когда же этого центра нет, наблюдение распространяется очень широко и становится абсолютно чистым. Вот это внимание.

«Боюсь, что мы этого совсем не поняли, сэр».

Посмотрите на эти холмы, на свет, на эти деревни. Послушайте, как проезжает мимо воловья упряжка; посмотрите на жёлтую листву, на высохшее русло реки и на ворону, сидящую на ветке. Взгляните на всё это. Если вы смотрите из центра, со всеми его предубеждениями, страхами, симпатиями и антипатиями, то вы не увидите всей огромной широты этой земли. Ваши глаза заволакивает пеленой. Вы становитесь близорукими, и ваше зрение искажается. Можете ли вы посмотреть на всю эту красоту долины, неба не из центра? Если у вас получится, то вы обретёте внимание. После чего слушайте внимательно, не думая о центре, критику, оскорбления, гневные слова, предвзятые мнения других. Так как в этом внимании нет центра, то нет и возможности испытывать боль. Как только появляется центр, боль становится неизбежной.

Медитация никогда не была умением контролировать тело. В действительности, между телом и умом нет никакого разделения. Мозг, нервная система и то, что мы называем умом, составляют одно неразделимое целое. Поэтому естественный акт медитации вызывает гармоничные движения этого целого. Отделение тела от ума и интеллектуальный контроль за телом порождает противоречие, которое является почвой для различных форм борьбы, конфликта и сопротивления.

Любое решение, даже если вы решаете познавать, ведёт к контролю, порождающему сопротивление. Понимание этого разделения, вызванного решением, и есть медитация. Свобода — это не акт принятия решения, а акт восприятия. Понимание (видение) — уже есть действие, а не решение сначала увидеть, а затем действовать. Воля, в конечном итоге, — это желание со всеми его противоречиями. Когда одно желание приобретает власть над другим, оно превращается в волю, что неминуемо приводит к разделению. Медитация — это понимание желания, а не подавление одного желания другим. Желание есть движение чувства, которое переходит в удовольствие и страх. Всё это поддерживается постепенным перемещением мысли от одного к другому. Медитация же, на самом деле, есть абсолютная пустота ума. И тогда остаётся только функционирование тела, только деятельность организма и больше ничего; мысль действует без отождествления «я» и «не-я». Она становится механической как организм, что действительно порождает конфликт, так это мысль, отождествляющая себя с одной из своих составных частей, например, с «я», с эго и с различными формами этого «я». Но в «я» нет никакой нужды. Есть только тело и свобода ума, что возможно только когда мысль не порождает «я». «Я» не должно стать центром понимания, потому что оно создаётся мыслью. Когда «я» покидает организм, как зрительное, так и любое другое восприятие уже невозможно исказить. Нужно только видеть «что есть», и тогда само восприятие продвинется дальше (того, «что есть»). Очищение ума — это не интеллектуальный процесс, оно не связано с деятельностью мысли. Непрерывное наблюдение за тем, «что есть», без какого-либо искания естественным образом освобождает ум от всех мыслей. И в то же время у ума остаётся возможность использовать мысль, когда это необходимо. Мысль — это механический процесс, а медитация нет.

Было ещё очень рано, утренний свет освещал двух сов в ветвях тамаринда. Совы были маленькие, и казалось, что они везде летают парой. Их крики раздавались всю ночь, то затихая, то вновь усиливаясь; одна даже уселась на подоконник и громко звала другую. Совиное гнездо скрывалось за ветками дерева. По утрам их серые силуэты часто можно было видеть среди листвы, они сидели там в полном молчании, устроившись на дневной отдых. Вскоре одна из них исчезала в дупле, за ней следовала и вторая, но всё это происходило бесшумно. Они переговаривались и шумели только по ночам. Тамаринд служил убежищем не только совам, но и множеству попугаев. Это было огромное дерево, растущее в саду с видом на реку. Здесь водились грифы, вороны и мухоловки. Последние часто садились на подоконник, но приходилось сидеть совершенно неподвижно, даже малейшее движение глаз могло их спугнуть. Они удивительным образом всё время меняли направление полёта и занимались только собой, тогда как вороны всё время докучали грифам. В то утро можно было также увидеть и обезьян. Обычно они держались на почтительном расстоянии, но на этот раз осмелились подойти гораздо ближе к дому. Несколько дней они никуда не уходили, а когда исчезли, остался лишь одинокий самец, который каждое утро появлялся на самом высоком из тамариндов. Он обычно забирался на самую высокую ветку и сидел там, глядя на реку, на проходящих мимо жителей

деревни и пасущийся скот. Когда солнце начало припекать, он медленно спускался и пропадал из виду, возвращаясь на следующее утро, как только солнце поднималось над верхушками деревьев, проводя по реке золотистую дорожку. Он оставался там две недели, одинокий, отчуждённый наблюдатель. У него не было друга, и однажды утром он исчез навсегда.

Ученики пришли снова. Один из юношей спросил: «Разве не должен человек слушаться родителей? В конце концов, они ведь меня воспитали, дали образование. Без денег я не смог бы ходить в эту школу, поэтому они отвечают за меня, а я несу ответственность перед ними. Именно это чувство ответственности заставляет меня понять, что я должен их слушаться. Они, наконец, лучше, чем я, знают, что будет лучше для меня. Они хотят, чтобы я стал инженером».

Вы действительно хотите стать инженером? Или ты изучаешь эти науки только потому, что твои родители этого хотят?

«Я не знаю, чем я хочу заниматься. И большинство из тех, кто сидит в этой комнате, не знают. Мы получаем стипендии от правительства. Мы имеем право выбрать любой предмет, который нам по душе, но наши родители и общество говорят, что инженер — самая хорошая профессия. Обществу нужны инженеры. Но когда задают вопрос, чем мы хотим заниматься, мы не можем дать определённого ответа, и это беспокоит нас и приводит в замешательство».

Вы говорите, что родители за вас ответственны и вы должны их слушаться. Вы знаете, что происходит на Западе, где авторитета родителей практически больше не существует. Там молодые люди не желают над собой никакой власти, хотя свои собственные, совершенно особые её типы у них тоже есть. Требуется ли ответственность власти, подчинения, следования желаниям родителей и запросам общества? Не означает ли ответственность способность вести себя разумно? Ваши родители полагают, что вы на это не способны, и они чувствуют себя обязанными присматривать за вашим поведением, следить за тем, что вы делаете, что учите и кем можете стать. Их представление о нравственном поведении основано на факторах, обусловивших их жизнь, на их образовании, верованиях, страхах и удовольствиях. Предыдущее поколение создало социальную структуру и хочет, чтобы вы в неё вписались. Они думают, что это нравственно, и полагают, что знают гораздо больше, чем вы. И если вы, в свою очередь, подчинитесь структуре, то увидите, как ваши собственные дети сделают то же. Так постепенно влияние подчинения становится нравственной безупречностью. Это ли вас интересует, когда вы спрашиваете, нужно ли вам слушаться родителей?

Вы понимаете, что означает послушание? Когда вы ещё совсем юны, вы слушаете, что вам говорят ваши родители. Постоянное повторение их слов развивает в вас акт послушания. И послушание становится механическим. Это как солдат, который слышит приказ несколько раз и выполняет его, превращаясь в подчинённого. Так живут многие из нас. Такова пропаганда, как религиозная, так и светская. Вы замечаете, привычка с детства формируется из восприятия того, что вам сказали родители, того, что вы прочитали в книге. Поэтому восприятие становится средством подчинения. И перед вами встаёт проблема, слушаться или не слушаться: подчиняться ли тому, что говорят другие, или своим собственным побуждениям. Вы хотите прислушаться к голосу своих желаний, и само это искушение заставляет вас подчиняться им. Отсюда вытекают противостояние и сопротивление. Когда вы спрашиваете, следует ли подчиняться родителям, в вас присутствует страх, что непослушание вам даром не пройдёт и вам могут не дать денег на обучение. В послушании всегда есть страх, который затемняет ум.

Поэтому вместо того, чтобы задавать подобный вопрос, выясните, можете ли вы разговаривать со своими родителями разумно, что и означает слушать. Способны ли вы слушать их без страха? Умеете ли слушать без боязни, что вам это повредит, голос своих собственных побуждений и желаний? Если вы способны слушать спокойно, без страха, вы сами поймёте,

следует ли вам подчиняться, не только родителям, но и любой форме власти авторитета. Вы знаете, нас учат довольно абсурдным способом. Мы никогда не учимся акту познания. В наши головы загружается очень много информации, и мы развиваем лишь очень незначительную часть своего мозга, которая помогает нам зарабатывать на жизнь. Ко всем остальным возможностям мозга мы относимся с пренебрежением. Это всё равно, что возделывать маленький клочок на огромном поле, когда вся остальная его часть зарастает сорняками, чертополохом и колючками.

И наконец, как вы умеете слушать то, что мы говорим? То, как вы слушаете, заставляет вас подчиняться или даёт вам знания не только о маленьком клочке, но и обо всём огромном поле целиком? Ни ваши учителя, ни родители не обращают внимания на величие этого поля со всем его содержимым. Все они активно и безрассудно заботятся лишь о крохотном участке. Им кажется, что он даст им безопасность, которая и является их главной целью. Против этого можно восстать. И люди это делают. Но и восставшие придают значение лишь своей доле из этого участка. И всё начинается сначала. Так способны ли вы слушать без подчинения, без следования за кем-то? Если да, то к вам придёт чувствительность и внимание ко всему полю целиком, что, в свою очередь, даст вам чистый ум. И этот ум будет действовать, заменив собой механическую привычку к подчинению.

Одна девушка сказала: «Но наши родители любят нас. Они не желают нам никакого вреда. И когда они хотят, чтобы мы им подчинились, говорят нам, какие предметы изучать, пытаются сформировать нашу жизнь, все это лежит за пределами любви».

Каждый родитель говорит, что он любит своих детей. Только сумасшедший может ненавидеть своих детей, точно так же, как лишь недоразвитые дети действительно ненавидят своих родителей. Но так ли это на самом деле? Любовь заключается не только в том, чтобы вырастить их, заботиться о них в младенчестве, но и следить за тем, чтобы они получали правильное образование, чтобы их не убивали в войнах, стараться изменить социальную структуру с её абсурдной моралью. Если родители действительно любят своих детей, они должны проследить, чтобы их дети не подчинились, чтобы они познавали, а не подражали. И если родители действительно любят детей, они изменяют мир так, чтобы те могли жить нормально, в счастье и безопасности. Не только вы в этой комнате, но все дети в мире. Любовь не требует подчинения, любовь предлагает свободу. Это не означает, что вы делаете всё, что хотите. Это обычно очень поверхностно, незначительно и посредственно. Любить — значит понимать, слушать совершенно свободно, не отравляясь ядом подчинения. Как вы думаете, если бы родители действительно любили детей, продолжались бы войны? С детства вас учат плохо относиться к соседу, твердят, что вы отличаетесь от кого-то другого. Вас вырастили в предубеждении, и когда вы взрослеете, вы становитесь жестокими, агрессивными, эгоистичными, и весь круг вновь повторяется. Поэтому познавайте значение слушания; учитесь слушать, не принимая или отрицая, не подчиняясь или сопротивляясь, и тогда вы поймёте, что делать, тогда вы узнаете, что такое добро, как оно растёт и развивается. Оно никогда не расцветёт на отдельном участке: это возможно только на всём огромном поле жизни, когда всё поле целиком отдаёт ему свои соки.